

Ева Рёллер

МАГИЯ ВРЕМЕН

Волшебная гондола

Annotation

Провести летние каникулы в Венеции? Что может быть лучше. Но семнадцатилетняя Анна не знала, чем закончится для нее поездка в один из самых романтических городов мира. Прогуливаясь по миниатюрным улочкам, она замечает необычную красную гондолу. Возможно, эта лодка будет участвовать в ежегодном параде – великолепном шоу для туристов, которое Анна не могла пропустить.

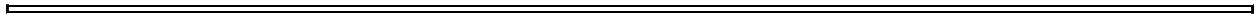
В разгар представления девушка случайно падает в воду. Хорошо, что на помощь ей приходит очаровательный незнакомец на красной гондоле. Но вдруг происходит что-то странное: яркая вспышка света, и каким-то невероятным образом Анна переносится в 1499 год.

И как теперь вернуться? Неужели придется остаться там, где нет электричества, интернета, а на каждом углу поджидает опасность?

- [Ева Фёллер](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
  - [Часть вторая](#)
  - [Часть третья](#)
  - [Часть четвертая](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Ева Фёллер

Волшебная гондола

Моей дочери Кларе

*Никогда не забывай —
Поцелуй и объятья
Остаются навсегда,
Неподвластны временам
Поцелуй и объятья.*

Герман Гупфельд

Eva Völler
Zeitenzauber – die magische Gondel

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2011 Bastei Lübbe AG, Germany
Baumhaus Verlag in the Bastei Lübbe AG

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Эксмо“», 2019

Пролог

Венеция, 1499

Пр*в*т!

Сперва самое главное:

Меня зовут Анна. Я уже трижды пыталась написать свое полное имя и год рождения, но у меня не получилось.

Все равно я не знаю, сколько еще успею сообщить. На первые несколько предложений у меня ушел почти целый час, и все равно все они исчезли. Причина этого, конечно, в том, что я слишком неосторожна. Я должна следить, какие понятия и числа использую, потому что если они не подходят, то их и написать не получается. Или они изменяются, пока не приобретут совершенно иное значение.

Ах да, конечно, еще и бумага. На ней мой почерк выглядит ужасно странно. Из-за этого писать совсем непросто. Я должна использовать пергамент, потому что он дольше хранится, но в итоге клякс получается столько, что не сосчитать. Чернила воняют, как протухшая отравка. Насчет пера вообще молчу – оно ужасно скрипит. Представить не могу, как людям удавалось писать им целые книги!

Времени мало! Мое укрытие ненадежно, меня могут обнаружить в любой момент. И тогда вряд ли у меня получится в ближайшее время снова добраться до письменных принадлежностей.

Закончив это послание, я спрячу его и буду молиться, чтобы его нашли. Нашел человек с далекого Севера. Это звучит безумно, но ничего другого мне не остается. Точнее выразиться я не могу. Я заверну письмо в вощеную ткань и буду надеяться, что оно не заплесневевает.

Я слышу шаги – пора заканчивать.

Надеюсь, потом допишу.

Часть первая

Венеция, 2009

Как обычно, мы ужинали в ресторане рядом с отелем. Мама считала, что тут лучшая паста во всей Венеции. Лично мне этот ресторан нравился уже потому, что до него доставал Wi-Fi отеля, так что между закуской и главным блюдом я могла посидеть в интернете.

– Знаешь, ты могла бы иногда проявлять немного больше интереса, когда папа рассказывает о своей работе, – сказала мама, когда отец, доев салат, вышел поговорить по телефону. – Он очень ценит свою работу!

– Но я проявляю интерес! – возразила я. – И всегда внимательно слушаю!

– И играешь на мобильнике под столом!

– Это не мобильник, а iPod Touch! – устало сказала я.

Мама была права – меня совершенно не радовали папины рассказы о работе. Быть может, дело в том, что мне приходилось выслушивать их очень уж часто. Мой папа – невероятный человек и известный на весь мир ученый в своей сфере. Но когда десять вечеров подряд все разговоры за столом крутятся вокруг пыльных старых монет, разбитых глиняных ваз и фрагментов фресок, на одиннадцатый вечер сложно воодушевиться.

Иногда мой отец находил какие-то жуткие предметы или, по крайней мере, жутко их описывал. Пару лет назад археологи обнаружили на острове в Венецианской лагуне массовое захоронение – сотни людей были погребены там в пятнадцатом веке, во время ужасной эпидемии чумы. Еще сильнее меня напугал папин рассказ о другой венецианской находке того же века, сделанной всего пару месяцев назад. Речь шла о скелете женщины, шею которой проткнули деревянным колом.

– Как жестоко! – потрясенно воскликнула мама.

– Будто она вампир, – сказала я.

К моему удивлению, папа кивнул.

– Это не так уж нелепо. Такое суеверие было распространено уже в эпоху Возрождения. Считалось, что мертвецы встают из могил, чтобы пожирать умерших от чумы.

– Ох! – поразила я.

– Есть предположение, что эта женщина умерла от чумы, и кол понадобился, чтобы не дать ей восстать снова. Поэтому ее иногда называют

«вампиршей».

Это была действительно интересная археологическая находка, настоящая сенсация. Но по большей части рассказы моего отца звучали ничуть не интереснее вечерних новостей, которые лишь напоминали мне, что пора идти спать.

Вскоре после того, как мама потребовала от меня уделять больше внимания папиной работе, он закончил говорить по телефону и вернулся за стол.

– Коллега из Рейкьявика сообщил о чрезвычайно интересной находке.

Настало время применить на практике мамины наставления. Но вместо этого я только вежливо спросила:

– А что, в Рейкьявике тоже есть археологи? Это вообще имеет смысл? Я имею в виду, там в земле рыться? Гейзеры на поверхность не лезут, когда копать начнешь? – спросила я, продолжая возиться с айподом под столом. Ванесса написала мне в ICQ: «Этой девке не жить!»

– У нас международная команда, – сказал папа. – Коллега, о котором я говорил, работает здесь вместе со мной. Находку обнаружили в фундаменте палаццо Тассини, который мы исследуем прямо сейчас.

Новости от Ванессы интересовали меня по меньшей мере в два раза сильнее.

Ужасная ошибка. Если бы только я внимательнее слушала папу!

Но тогда я вчитывалась в кошмарные новости от Ванессы и из того, что рассказывал отец, улавливала в лучшем случае каждое третье слово. А то и меньше.

– ...уникальный документ, письмо, говорит мистер (неразборчивое исландское имя, похожее на Бьярнигнокки), с возможными анахроническими вставками.

Ванесса: Поверить не могу, что этот козел вообще смеет идти в кино с этой долбанутой Тусси – всего через неделю после того, как выпроводил меня!

...но расшифровке поддаются только фрагменты первой страницы документа, остальные необходимо предварительно обработать и разделить... по большей части распадаются... Мистер Бьярнигнокки все же придерживается мнения, что речь идет о подделке. Я передам документ для исследования в здешний университет, у них есть настоящие специалисты по рукописям, обладающие высокой квалификацией. Отправлю его им уже завтра.

– Но почему он может оказаться фальшивкой? – спросила мама.

– Из-за возможного анахронизма.

Анахронизма! Я хочу сказать – эй, але! Кто вообще может посчитать что-то подобное интересным? Ну хорошо, я, конечно, могла бы спросить, что это значит, но когда я задаю такие вопросы, родители всегда смотрят на меня, будто я не их родная дочь, а кто-то, попавший в семью по ошибке. Мой папа – профессор, у мамы – докторская степень, а я как раз закончила по второму разу проходить одиннадцатый класс, и оценки вышли немногим лучше, чем в десятом. Особенно по математике.

Ванесса: Создам сегодня новый альбом в Schüler-VZ [\[1\]](#). Назову его: «Выкинуть бывшего из головы». И выставлю там фото, которое ты сделала в автобусе, во время поездки в Париж. То, на котором он дрыхнет с открытым ртом. Или то, которое ты сделала на моем прошлом дне рождения. Где его стошнило прямо на розы.

– ...также, по мнению мистера Бьярнигнокки, речь может идти о шутке, которую придумал кто-то из исследовательской группы, вероятно, студент. Он в этом почти уверен, потому что письмо начинается со слова «Привет».

Ванесса: Или то фото с недавней вечеринки, о котором ты сказала, что он там похож на Горлума.

– «Привет»? – удивленно переспросила мама.

– Именно так, «привет», – повторил папа.

Я поспешно подняла взгляд.

– Я вас внимательно слушаю, правда-правда.

– Поверить не могу, – сказала мама, покачав головой.

Я приняла это на свой счет и быстро выключила айпод.

Тут официант как раз принес ужин, и я забыла и о Бьярнигнокки, и о Горлуме.

* * *

На следующее утро я, как обычно, отправилась завтракать по меньшей мере на час позже родителей. В конце концов, у меня были каникулы. Еще до поездки я отчетливо осознала, что не стану вставать в девять. Родители должны работать, и им все равно, как долго я отсыпаюсь.

Толстый паренек, который три дня назад въехал в отель вместе со своими родителями, вышел в буфетный зал и украдкой осмотрелся. Увидев меня, он покраснел и быстро отвел взгляд. Это повторялось каждое утро, только на этот раз он явился без родителей.

Я наклонилась над своим тостом и сделала вид, будто ничего не

заметила. К моему ужасу, он все-таки подошел к моему столику, остановился и глубоко вздохнул.

– Привет, я Маттиас, – выпалил он. – Тут свободно? Можно с тобой позавтракать?

Я была настолько ошарашена, что непроизвольно кивнула. Но как только он со вздохом плюхнулся на стул напротив меня, мне стало ясно, что это означает: он хочет, чтобы я составила ему компанию. Только этого мне и не хватало!

– Ты здесь уже давно? – спросил он.

– Две минуты, – ответила я.

– Я хотел спросить, как давно ты в отеле, – пояснил он.

– Уже десять дней.

– Ты здесь с родителями или как?

Я кивнула, и он продолжил:

– Я тоже.

– Я знаю. Я видела, как вы вместе регистрировались в отеле. И завтракали. А сегодня они придут?

Я с надеждой посмотрела на дверь. Когда появятся его родители, он отвернется, и я смогу воспользоваться этим, чтобы быстренько улизнуть.

– Нет, они уже позавтракали. Сегодня у них деловая встреча, и поэтому я тут один. Никаких планов на сегодня.

Он с надеждой посмотрел на меня.

Я это проигнорировала.

– А что за встреча у твоих родителей? – спросила я.

– Ах, скорее всего, сплошная скука. Мой папа – куратор музея, он участвует в Венецианской биеннале. А мама ходит с ним, потому что считает его работу важной. И еще потому, что она может познакомиться с важными людьми. Ей нравятся важные люди. Она выискивает о них в интернете все, что можно.

– Вот как, – сказала я, уныло откусывая тост.

– Мама говорила, что твой папа – один из ведущих археологов в сфере изучения церковной и дворцовой культуры позднего Средневековья. А твоя мама преподает физику в университете, и она приехала сюда на международную конференцию. И вы из Франкфурта.

– Я в курсе, – ответила я.

– Мм... конечно.

Мы немного помолчали. Я доела тост, запила его чаем и принялась придумывать уместный предлог, чтобы исчезнуть отсюда.

Но он никак не придумывался. Может, потому, что мне стало жалко

этого паренька. Он был одет в дорогие шмотки и модные кроссовки, но это совершенно не мешало ему выглядеть нелепым толстяком.

Оказалось, что Маттиас был на три месяца младше меня. Он жил в Мюнхене и еще ходил в школу. Как и я, он на каникулах приехал с родителями в Венецию в надежде, что это будет менее скучно, чем неделями напролет болтаться дома и слушаться тетю.

– В моем случае – бабушку, – сказала я. – И меня тоже это совершенно не порадовало бы.

– Так что у нас, в некотором роде, похожие судьбы. А что ты делаешь здесь, в Венеции, пока твои родители работают?

– Ничего особенного.

Точнее я не могла это выразить. По всем известным достопримечательностям мы уже пробежались с мамой и папой, потому что на выходные у нас всегда была запланирована культурная программа. А на неделе я была предоставлена самой себе. Я просто бродила по округе и каталась на маршрутных теплоходах. Или шаталась по городу пешком, наблюдая за бесчисленными туристами и попутно высматривая интересные магазины.

– У тебя есть какие-то планы? – спросил Маттиас.

– Ну... я хотела бы прилечь немного, прошлой ночью плохо спала, – соврала я.

– А потом?

– Ну не знаю, – едва сказав это, я тут же в этом раскаялась. На лице Маттиаса явно было написано, что он уже представил, как мы занимаемся чем-нибудь вместе. Так что я быстро продолжила:

– Может, пойду куплю себе туфли.

Покупать туфли – чисто женское занятие. Ни один семнадцатилетний парень нормальной ориентации не пошел бы с девушкой в обувной магазин.

– Так я могу пойти с тобой, – с энтузиазмом сказал он. – Я так люблю покупать обувь!

Я вздрогнула.

– Ну ладно, – против воли сказала я. – Тогда встретимся через час в лобби отеля.

* * *

Туфли нужны всегда, так что мне в общем-то и не пришлось себя

уговаривать. Напротив. К тому же, в Венеции чудесные обувные магазины, с моделями, которые в Германии вряд ли купишь на каждом углу. К сожалению, цены в Венеции тоже не такие, как в Германии. Другими словами, покупать здесь туфли влетает в копеечку. Но в моем распоряжении была почти вся сумма, которую я получила на день рождения от двух бабушек, одной двоюродной бабушки, крестного папы и, разумеется, от родителей, так что кое-какие деньги у меня все-таки водились. Два года назад я решила просить на день рождения и Рождество только деньги, так что время от времени я могла позволить себе крупные приобретения, например, этот айпод, который купила недавно. Или, вот как теперь, новые туфли.

Когда я вышла из лифта в лобби, Маттиас уже стоял у выхода с выражением неуверенности на лице, как будто боялся, что я передумала. Увидев меня, он улыбнулся до ушей, показав поразительно белые, идеальные зубы.

– А вот и ты!

Отель находился в районе Дорсодуро, недалеко от Гранд-канала. Мы направились в сторону Академии ^[2]. Моторные лодки с треском проносились мимо, вспенивая воду. Летняя жара тяжело опустилась на канал, и солнце отбрасывало на волны волшебные золотые отражения. По обеим сторонам канала возвышались изысканные старые палаццо, словно роскошные декорации для деловой суеты, которая царила на воде.

– О, смотри! – крикнула я. – Красная гондола!

Маттиас вытянул шею.

– Правда? Где? Я думал, все гондолы в Венеции должны быть черными.

То же самое рассказывали и нам, еще на самой первой экскурсии, в которую входила и поездка на гондоле. Экскурсовод сообщил, что когда-то в Венеции были гондолы самых разных цветов. Но в 1633 году Большой совет Венеции издал закон, по которому все гондолы нужно было перекрасить в черный. Он действует и сегодня.

Но откуда тогда в Гранд-канале взялась красная гондола?

На мгновение я подумала, что мне померещилось, но потом Маттиас тоже ее заметил.

– Надо же! Вот она! – выкрикнул он.

Она проплыла мимо нас посередине Гранд-канала. Гондольер, стоявший на корме, держал длинное весло обеими руками.

Когда гондола приблизилась, я убедилась, что гондольер выглядит так же необычно, как и его лодка. В отличие от остальных венецианских

гондольеров он не был одет в форменный костюм – плоскую шляпу с лентой, полосатую рубашку и темные штаны. Вместо этого на нем были своеобразный тюрбан, длинная белая рубашка, жилетка с золотыми шнурами и бриджи, которые оставляли открытыми его костлявые голени. Он был худой, как щепка, и старый, по моей оценке – за семьдесят, вообще удивительно, что он мог грести с такой скоростью. К тому же, он видел только одним глазом: другой, как у какого-нибудь пирата, прикрывала черная повязка.

Но самым примечательным было вот что: почему-то он казался мне знакомым, хотя я понятия не имела, где могла его видеть.

– Ну и странный тип, – сказал Маттиас.

– Явно к воскресенью готовится, – рассудила я. Мне тут же вспомнилось, что приближается «Regata Storica» – Историческая регата, которая каждый год, в первое воскресенье сентября, собирает в Венеции местных жителей и туристов. Множество лодок отправляются в историческое плавание по Гранд-каналу, разукрашенные, как сотни лет назад. Мама уже говорила, что мы тоже пойдем посмотреть.

– Верно, – сказал Маттиас. – «Regata Storica». Ты пойдешь?

Я сказала «да», и он тут же заявил, что и сам хочет посмотреть. Я невольно задалась вопросом, не собирается ли он ходить за мной хвостом с утра до ночи следующие две недели.

– Собственно говоря, я совсем не хочу покупать туфли.

– А что тогда?

– Не знаю. Может... – Не важно, самое главное, что-нибудь, что можно купить побыстрее, чтобы потом снова вернуться в отель. Настроение выбирать новые туфли пропало у меня не только из-за Маттиаса. На самом деле с ним-то все было в полном порядке. Общительный, дружелюбный, то и дело отпускает шутки, над которыми я не прочь посмеяться. Но только что, взглянув на красную гондолу, я ощутила странный зуд в затылке, и он никак не проходил. Мне отчаянно захотелось где-нибудь спрятаться.

Мы прошли мимо поворота на узкую улочку, которой я раньше не замечала, хотя уже не раз обошла окрестности площади Сан-Марко. Мое внимание привлекла раскрашенная на старинный лад табличка, которая висела над дверью магазина.

– Это магазин масок, – сказала я. – Забавно. Когда я прошлый раз тут проходила, я его не заметила.

– Хочешь купить себе маску? Вместо туфель?

– Хм... Да, почему бы и нет.

Так и получилось, что я решила откопать себе что-нибудь в старом

магазине, переполненном масками и винтажными костюмами. В воздухе висел запах пыли, будто все вещи находились здесь уже не первый год и никто ими ни разу не интересовался. Поношенные накидки, затрепанные боа из перьев, необычные кофты из расшитого бархата. И маски. Великое множество масок. Здесь были типичные венецианские маски, которые надевают на карнавал, многие из них – с длинными, вытянутыми носами, другие – отделанные золотом, с симметричными чертами лица, а еще – черно-белые полумаски, которые скрывали только верхнюю часть лица. Были и маски, которые изображали зверей и сказочных персонажей.

– Кошка, – сказал чей-то хриплый голос.

Я резко обернулась и увидела, как из полутьмы магазина вынырнула пожилая женщина. Ее сутулая фигура и собранные в тонкие пучки седые волосы показались мне странным образом знакомыми, хотя я понятия не имела, где я могла ее раньше видеть. Похоже, такое случается со мной в Венеции все чаще. Сначала тот гондольер, а теперь эта старушка.

У нее почти не осталось зубов, а лицо было исчерчено морщинами, как древний пергамент.

При этом она двигалась удивительно быстро – скрюченными от подагры пальцами она сняла со стойки маску и протянула мне.

– Возьми кошку, дитя.

Это была красивая маска, обтянутая черным бархатом и обшитая по кругу золотистыми нитками, так что казалось даже, будто у нее есть шерсть. Отверстия для глаз окружали крошечные бусинки, а под носом торчали шесть ниточек-усов, совсем как настоящие. Маска держалась на лице с помощью лент. Я примерила ее и обнаружила, что она подходит удивительно хорошо: не соскальзывает, идеально прилегает к лицу и повторяет его форму, будто была сделана специально для меня.

Она выглядела дорогой. Наверняка стоит целое состояние. Я хотела было вернуть ее старушке, но Маттиас опередил меня.

– Сколько она стоит? – спросил он по-итальянски. Повернувшись ко мне, он шепотом добавил: – Всегда нужно поторговаться.

– А сколько может заплатить девочка? – спросила старушка.

– Пять евро, – тут же сказал Маттиас.

– Десять, – возразила я. И, поколебавшись, добавила: – Может, даже двадцать.

Маска определенно стоила этой суммы. Кроме того, именно столько я и отложила на ботинки.

– Двадцать евро меня устроят, – дружелюбно сказала старушка.

– За двадцать евро это настоящий грабеж, – прошипел Маттиас,

заметив мою нерешительность.

Я боролась со своей совестью. Весь магазин выглядел так, будто здесь давно ничего не продавалось. Может, старушка была так рада наконец заработать хоть немного, что согласилась бы с любой ценой, какой бы низкой она ни была. Я бы предпочла потратить пять евро, но старушка просто вцепилась в двадцатку, которую я уже вытащила, и, не говоря ни слова, скрылась в задней комнате.

Мы с Маттиасом немного постояли, рассчитывая, что она сейчас вернется с пакетом для маски или, может, принесет нам кассовый чек, – но она исчезла окончательно.

– Похоже, это все, – сказал Маттиас. – Двадцать евро без квитанции – это все равно что тридцать с квитанцией, по крайней мере, с точки зрения налоговой, так всегда говорит моя мама.

Помедлив, я вышла за ним на улицу и осторожно спрятала маску в сумку.

По дороге в отель я согласилась, чтобы Маттиас угостил меня сэндвичем, но настояла, что сама оплачу напитки. Мы уселись на бордюр и стали наблюдать за спешащими мимо туристами, поедая наши *трамеццини* [3] и запивая их холодным, как лед, лимонадом.

– Неплохо, – сказал Маттиас.

– Ага, вкусно, – рассеянно ответила я. Дурацкий зуд вернулся снова.

– Ты уже знаешь, кем хочешь стать? – спросил Маттиас. – Я имею в виду, после школы.

– Нет, понятия не имею. Главное, чтобы это не имело никакого отношения к математике. А ты?

– Еще когда был маленьким, я хотел стать зубным врачом. – Он покраснел. – Я читаю о стоматологии все, что попадается.

Я озадаченно посмотрела на него.

– Правда? Но чтобы поступить в университет, нужно получать хорошие оценки в школе!

Он покраснел еще сильнее.

– Ох... да, мой средний балл более-менее подходит.

Он пристально посмотрел мне в рот.

– У тебя отличные зубы.

– Хм, мне два года пришлось носить мерзкие брекеты.

– Мне тоже. Мы должны этому радоваться. Правильное ортодонтическое лечение приводит к тому, что зубы сохраняются в течение всей жизни.

– И не говори. – Мне эта тема казалась не слишком увлекательной, а

восторги по поводу стоматологии казались до нелепого странными. Кому вообще могут понравиться брекеты и постановка пломб?

Мои мысли блуждали. Позади нас возвышалась церковь, в которой я уже бывала, и я пыталась вспомнить, как же она называется. Впрочем, за последние полторы недели я посетила немало церквей, все настолько впечатляющие и битком набитые произведениями искусства, что немудрено и загнуться от усталости.

– Ты уже была в церкви Санто-Стефано? – спросил Маттиас.

Я кивнула с еще более отсутствующим видом. Точно, Санто-Стефано. Церковь с наклонной башней и необычной крышей, которая изнутри выглядела как перевернутый корпус корабля. Похоже, у Маттиаса память была получше, чем у меня.

Я потеряла шею, потому что зуд усилился.

– Что с тобой, кто-то укусил?

– Нет, это что-то вроде аллергии.

А что я могла сказать? *«У меня всегда чешется шея, когда приближается опасность»*? Он бы тут же решил, что у меня не все дома, и оказался бы прав. Я точно знала, почему никому об этом не рассказываю. Кроме меня и моих родителей о моей странности не знал никто, и двое из нас троих были уверены, что я ненормальная. В том числе я.

Мама, отлично разбираясь в естественных науках, считала, что почти со стопроцентной вероятностью речь идет о периодических нарушениях восприятия. Папа, напротив, придерживался мнения, что между небом и землей есть много вещей, которые человек не в силах объяснить с помощью одного лишь рассудка.

Раньше это уже не раз приводило к неприятным последствиям. В первый раз зуд возник у меня в возрасте десяти лет, когда я должна была прыгать в бассейн с трехметровой вышки. Я вдруг ощутила, что там, наверху, мне угрожает опасность. Так что я осталась внизу и увидела, как другой ребенок забрался на вышку и полетел вниз вместе с отломившейся доской. К моему бескрайнему облегчению, никто не пострадал, все отделались испугом – и упавший ребенок, и пловцы в бассейне.

Во второй раз – мне было двенадцать – папа должен был отвезти меня на машине к подруге на день рождения. Из-за того, что у меня ужасно чесалась шея, я так долго копалась, что он рассердился и сказал, что если хочу, то могу поехать на автобусе. Так я и поступила, хотя пришлось сделать изрядный крюк. Позже я узнала, что на той дороге, по которой мы собирались ехать, произошла ужасная авария со множеством погибших – как раз когда мы должны были там проезжать.

Два года спустя это повторилось в третий раз, незадолго до сорокового маминого дня рождения. Она хотела его масштабно отпраздновать и пригласила немало людей. Она решила, что дерево, растущее перед нашим домом, будет выглядеть симпатичнее, если папа к празднику украсит его гирляндой с бумажными фонариками. Она принесла стремянку из гаража и прислонила ее к дереву.

Я почесала шею и озабоченно сказала:

– Не забирайся туда! Что-то случится, я точно знаю.

Папа рассмеялся и объяснил, что будет очень осторожен. В результате мамин день рождения закончился в отделении «Скорой помощи», где папе загипсовали ногу и сказали, что в этот день он уже третий пациент, упавший со стремянки.

Опасаясь, что в следующий раз меня снова не примут всерьез – хотя я, конечно, надеялась, что следующего раза не будет, – в тот день я рассказала родителям о том, как у меня чешется шея. Они похлопали меня по плечу и ответили, что мне не стоит придавать этому слишком большое значение.

Слава богу, когда все случилось в четвертый раз, год назад, через пару дней после моего шестнадцатого дня рождения, до худших последствий не дошло. Мы решили где-нибудь поесть, и папа забронировал столик в нашем любимом ресторане.

Незадолго до выезда у меня зачесалась шея.

– Лучше никуда не ехать, – сказала я.

Папа с восторгом и некоторой тревогой сказал:

– Снова оно?

Я молча кивнула.

Мама рассердилась.

– Это удобный случай доказать Анне и нам заодно, что речь тут идет о своего рода самовнушении. И оно не выдерживает критики с точки зрения науки.

– А разве это не явление так называемого самоисполняющегося пророчества? – возразил папа.

– Хм. Это зависит от того, применяем ли мы двоичную или поликонтекстуальную логику. И все-таки – нет. – Мама отрицательно покачала головой. – Давай поедем уже.

– Я не хочу, – упрямо сказала я. Встревожившись, что они могут просто поехать без меня, я схватила ключи от машины и выкинула их в унитаз.

– У меня есть запасной ключ, – сказала мама.

– Тогда я лягу под колеса.

Таким образом, праздничный ужин отменился. Два часа спустя мама позвонила в ресторан и осведомилась, не происходило ли у них каких-то необычных случаев вроде пожара или вооруженного захвата заложников, в ответ на что на том конце провода недоуменно заметили, что все в полном порядке. Мама мягко посмеялась надо мной и решила, что это сойдет за достаточное доказательство.

На следующее утро папа ехал на работу. Точнее, *хотел* поехать на работу. Меньше, чем через три минуты он вернулся и сообщил о луже, которую обнаружил, выезжая из дома. Лужа состояла из тормозной жидкости. Прошлым вечером мы ничего бы не заметили из-за темноты.

– Два-три раза тормоза бы сработали, – сказал вызванный им механик, проведя пальцем поперек горла, – а потом крышка.

С тех пор шея у меня больше не чесалась. До сегодняшнего дня.

Но почему сегодня она начала чесаться просто так, без связи с какими-то планами или намерениями? Я не собиралась плыть на красной гондоле, и никаких других планов у меня тоже не было.

Может, надвигающаяся опасность угрожала всем? Землетрясение? Крупнейшее наводнение века?

– Может, у тебя аллергия на солнце? – предположил Маттиас.

– Возможно, – согласилась я, хотя мне было лучше знать. Сэндвич словно потерял вкус, хотя мне очень нравились эти треугольные, типично итальянские кусочки хлеба, и каждый день я съедала как минимум один такой бутерброд. Майонез просочился между пальцами, когда я запихнула в рот последний кусочек, поспешно прожевала и проглотила его, только чтобы наконец-то покончить с едой. В следующее мгновение мне внезапно захотелось исчезнуть оттуда как можно быстрее. Не только с этой кампо [\[4\]](#), на которой мы с Маттиасом устроили наш маленький пикник, но и вообще из этого города.

Охваченная беспокойством из-за своего внезапного порыва, я подняла взгляд.

И тогда я впервые увидела его.

* * *

Он подходил все ближе и притягивал к себе взгляды – не только мой. И дело было не только в том, как он выглядел, – хотя ладно, он выглядел великолепно, без вопросов, – но и в том, что он собирался затеять драку с другим парнем.

Оба были примерно одинакового возраста, около двадцати лет, и кричали друг на друга что есть мочи. Как будто этого было недостаточно, они начали друг друга толкать.

Тот, от которого я едва могла отвести взгляд, был одет небрежно, почти в лохмотья. На нем были поношенные джинсы, грязные кроссовки и черная футболка с крупной надписью: «Я – *настоящий победитель*». У него были темные вьющиеся волосы, слегка длинноватые, и даже с нескольких метров было заметно, какие у него невероятно белые зубы. Я рассеянно подумала: «За шмотки ему вряд ли можно засчитать победу, но к зубам не придраться».

Другой был чуть-чуть ниже ростом, но при этом сложен покрепче. И он вел себя явно агрессивнее. Это стало особенно заметно, когда он вытащил складной нож.

Какая-то женщина увидела это и в ужасе закричала. Тогда это заметили и другие, и толпа взволнованно зашумела. Я задержала дыхание; все больше прохожих останавливались поглазеть на драку.

Оба парня непрерывно орали, и тут коренастый взмахнул ножом в воздухе и угрожающе приблизился к кудрявому. Но тот не отступил ни на шаг и вместо этого широко расставил руки, будто приглашая соперника наконец-то атаковать.

– Вот черт, – в ужасе сказал Маттиас. – Он его сейчас зарежет! Нужно позвонить в полицию!

Коренастый замахнулся ножом, а все последующее произошло так быстро, что едва можно было уследить. Победитель молниеносно схватил противника за руку и вывернул ее, отправив нож в полет по высокой дуге. Одновременно он высоко подпрыгнул и пнул коренастого в колено. Тот со стоном скорчился и, громко ругаясь, растянулся на мостовой.

Судя по всему, кудрявый вполне заслужил надпись на своей футболке. Он поднял голову и с видом победителя огляделся по сторонам. При этом наши взгляды встретились, и у меня снова перехватило дыхание. У него были такие невероятные синие глаза, что если смотреть в них без должной осторожности, в них можно потеряться навечно. Шея внезапно зачесалась так сильно, что я едва могла сдерживаться.

– Ты знаешь этого парня? – прошептал мне Маттиас. – Почему он на тебя так уставился?

Может, лучше спросить, почему я на него так уставилась? Я не могла издать ни звука.

Затем это мгновение окончилось. Победитель подобрал нож своего противника, сложил его и зашагал прочь.

Мама Маттиаса была стройной как тростинка, высокорослой, нордической красавицей блондинкой с зеленовато-голубыми глазами и фарфоровой кожей. Увидев ее впервые, я решила, что она выглядит как актриса. Не знаю, какая именно, но явно какая-нибудь известная. Никакому здравомыслящему человеку и в голову бы не пришло, что Маттиас – ее сын. В лучшем случае он сошел бы за ее носильщика. Три дня назад, когда семейство Тассельхофф заселялось в отель, он, тяжело нагруженный, тащился за своей мамой, держа в правой руке ее косметичку, в левой – чемодан, а под мышкой – саквояж, и все это – из кожи благородного бирюзового цвета, в тон костюму мадам Тассельхофф.

Затем в лобби вошел господин Тассельхофф с остальным багажом, и тут же стало ясно, что он – отец Маттиаса. Он выглядел так же, как Маттиас, только был немного выше ростом, немного толще и носил очки. Подчеркнуто медленно он проговорил:

– Мы заказывали комнату, *per favore*. Но-мер на дво-их. С до-пол-нитель-ной кро-вать-ю. Вы *capito*?

– Простите, простите, на какую фамилию? – спросила администратор на идеальном немецком.

– Ох... Так... Ммм...ы... да. На имя супругов Генрих Тассельхофф. С сыном.

Мадам Тассельхофф улыбнулась, как будто ей казалось совершенно нормальным, что в супружеской чете Генрих Тассельхофф она не удостоилась даже собственного имени.

Сейчас я уже знала, что ее зовут Юлиана, – потому что каким-то образом за эти три дня ей удалось подружиться с моими родителями. Тассельхоффы случайно встретились с ними вечером в баре отеля. За парой бокалов красного вина они обнаружили, что у них много общих интересов, и вскоре перешли на «ты».

Юлиана Тассельхофф провела мою маму на Биеннале, а папа показал Генриху Тассельхоффу место раскопок в палаццо Тассини. Я сама не испытывала ни малейшего интереса ни к многолюдным художественным выставкам, ни к грудам древнего мусора. Общение с Маттиасом показалось мне меньшим злом, так что мы проводили время вместе. Бегали по городу туда-сюда или плавали по каналам на вапоретто ^[5]. Однажды мы отправились на катере к Бурано, а на обратном пути посетили Мурано. На это ушел целый день, хотя я не увидела ничего впечатляющего, кроме

множества разноцветных домиков (в Бурано) и еще большего количества разноцветного стекла (в Мурано).

Позже я сильно раскаивалась в том, что вместо этого не отправилась с папой или, по крайней мере, не узнала хоть что-то о находке мистера Бьярнигнокки. Папа коротко упомянул, что он отослал удивительный документ в лабораторию, чтобы проверить его подлинность.

– Представь себе, – произнес он, – его совершенно точно написала женщина, которую зовут так же, как тебя!

– Анна? – несколько глуповато переспросила я.

Он кивнул.

– Но, как я уже сказал, пока не ясно, настоящее ли оно. Проблема в нескольких нарисованных от руки орнаментах, которые, по предварительной оценке, можно интерпретировать как анахронизмы.

Из сказанного я поняла только слово «которые» и пропустила остальное мимо ушей, не став ни о чем расспрашивать.

Отсутствие интереса было отчасти связано с тем, что у меня из головы не шел тот «победитель». Какие у него были синие глаза! Как пластично он двигался! Как он на меня посмотрел!

По меньшей мере я могла благодарить судьбу за то, что чесотка с того момента больше не проявлялась. И за то, что это, похоже, была ложная тревога – не произошло ничего плохого. В связи с этим я постепенно склонялась на сторону мамы, то есть к мнению о периодических нарушениях восприятия. В переводе на нормальный язык это означало, что на меня время от времени находит рассеянность. Но с этим я могла смириться. Главное, чтобы это не повторялось.

А потом наступило воскресенье, день Исторической регаты. И тут течение понесло меня неведомо куда. В буквальном смысле.

* * *

Генрих и Юлиана решили, что неплохо будет позавтракать вместе, прежде чем отвести нас на представление. Мои родители согласились, так что воскресным утром мы встретились в буфетном зале отеля в убийственную рань. Я чувствовала себя такой уставшей, будто могла бы проспать еще несколько часов, но Юлиана Тассельхофф объяснила, что если не застолбить себе вовремя хорошее место на берегу Гранд-канала, мы увидим в лучшем случае флаги на мачтах, но никак не сами лодки и гондольеров в восхитительных костюмах.

Если бы все получилось как обычно, сообщила она, мы смогли бы наблюдать за представлением из лоджии палаццо, которая выходила прямо на канал. Там жил знакомый Генриха по игре в гольф, который бы с радостью принял нас в своем элегантном доме. Но он, к сожалению, уехал.

– Очень важный политик европейского уровня, – сказала мадам Тассельхофф.

– И банкир, – добавил господин Тассельхофф. – Но в гольф играет с ограниченными возможностями.

– Он инвалид? – спросила я.

Маттиас прыснул в чай.

Папа подавил приступ кашля.

Мадам Тассельхофф смерила меня снисходительным взглядом.

– Это значит, что у него отсутствуют данные для игры в гольф. Так можно сказать почти о каждом, за исключением профессионалов.

– Может, именно поэтому все они катаются по полю в этих машинках, – добавила я. – Так явно проще передвигаться по лужайке, чем на костылях или в инвалидном кресле.

Маттиас, не в силах сдержаться, захихикал.

– Маттиас, не стоит смеяться над другими людьми только из-за того, что они ничего не понимают в гольфе, – резко сказала мадам Тассельхофф.

– Мама, я смеялся, потому что Анна смешно пошутила, – сказал Маттиас.

– С чего ты взял, что она шутит? – возмутилась его мама.

– Да, с чего? – спросила я. – Может, у меня просто от природы пакостный характер. Я уже говорила тебе, что однажды даже осталась на второй год?

– Это исключительно из-за твоей беспримерной лени, – сказала мама. – И из-за твоей достойной жалости дискалькулии.

– О, так она не способна считать? – сочувственно спросила мадам Тассельхофф. – Как ужасно.

– Жить с этим можно, – сказала я. – Кол по математике – вряд ли это можно назвать «ограниченными возможностями», по крайней мере, машинка для гольфа мне не требуется.

– На самом деле я имела в виду тебя, – сказала мадам Тассельхофф моей маме. – Для тебя это, должно быть, ужасно. Боже мой, быть корифеем в области физики, когда твой собственный ребенок...

Папа вступился за меня:

– Это у Анны от меня. Я тоже всегда не слишком хорошо считал. И однажды тоже чуть не остался на второй год.

– А Маттиас перескочил через класс, – сказала мадам Тассельхофф. – В следующем году он уже поступит в вуз и затем начнет изучать стоматологию.

– Мама, – сказал Маттиас, словно ему это было неприятно.

– У каждого человека есть выдающиеся способности к чему-то, – уверенно провозгласил господин Тассельхофф. – У кого-то к одному, у кого-то к другому.

Мадам Тассельхофф накрыла его руку своей.

– Ты прав, Генрих. Давай же радоваться, что Маттиас так невероятно одарен. Вряд ли найдется другой столь же умный человек.

Этого папа уже не мог спустить.

– Анна пишет восхитительные сочинения, – сказал он. – У нее талант писательницы. Ее истории очень смешные, такого чувства юмора вы ни у кого не встречали.

– Папа! – На этот раз его слова задели меня. Он бы еще начал рассказывать, как я однажды выиграла кубок по спортивной гимнастике.

– А еще Анна прекрасно выглядит, – добавил Маттиас, будто стремясь уравновесить мои проблемы с математикой. – Слово сестра-близняшка Майли.

– Что за Майли? – спросила мадам Тассельхофф.

– Майли Сайрус, – пояснил Маттиас.

– А кто это?

– Ну, певица. И еще играла главную роль в «Ханна Монтана».

– В чем?

– Это сериал. Идет по каналу «Дисней».

По нашим родителям было видно, что они не имеют ни малейшего понятия, кто такие Майли или Ханна, но никто не хочет в этом сознаваться.

– Внешний вид часто переоценивают, – заключила мадам Тассельхофф.

Господин Тассельхофф втянул живот.

– Ты совершенно права, дорогая.

Достигнув согласия по этому вопросу, мы отправились на историческую регату.

Мадам Тассельхофф не преувеличила: добраться до канала было почти невозможно. По обе его стороны люди дрались за лучшие места. На балконах и лоджиях палаццо уже громоздились бесчисленные зрители. Некоторые предусмотрительно забронировали столик в ресторане на крыше, другие наблюдали с собственных лодок, пришвартованных вдоль набережной. Повсюду царил давка, и, кажется, безнадежно было даже

пытаться разглядеть хотя бы клочок воды.

– Мы пришли слишком поздно, – возмутилась мадам Тассельхофф.

– Глупости, – возразил ее муж. – Водный парад начинается только через полчаса.

– Да, но здесь столько людей! Мы ничего не увидим!

Мы развернулись и зигзагами прошли несколько переулков, чтобы протолкнуться к другому участку берега, но и там набережная тоже оказалась переполненной.

– Какая досада, – сказала мама.

– Вон там, у пристани, – сказал папа. – Там еще есть место.

– Как нам повезло! – крикнула мадам Тассельхофф.

Я заметила, что мама нахмурилась.

– Не думаю, что зрителям разрешается там стоять. Иначе там давно уже было бы занято.

– Ты видишь где-нибудь запрещающую табличку или ограждение? – спросила Юлиана. С видом победителя она принялась прокладывать путь в толпе; розовый костюм, который она сегодня надела, выделялся ярким пятном на общем фоне.

Оказалось, что прямо у причала была протянута широкая лента, будто кто-то держал это место свободным специально для нас. Когда мы пробивались туда, люди даже отступали в сторону, чтобы пропустить нас.

– Как будто у нас место в ложе, – порадовался господин Тассельхофф.

– Да, невероятно! – согласился папа.

– Это на самом деле невероятно, – раздраженно сказала мама. Она осмотрелась вокруг, будто ожидала, что в любой момент могут появиться карабинеры или еще какие-нибудь представители органов правопорядка, которые запретят нам стоять тут, например, из-за того, что это место зарезервировали для лодки пожарной охраны. Но пока никто не пытался нас прогнать.

Некоторое время мы просто стояли там, и пока мои родители вели светскую беседу с семейством Тассельхофф, я рассматривала все вокруг.

Люди толпились повсюду, выжидательно глядя на канал.

Я успела вычитать в интернете, что Историческая регата – это нечто большее, чем шоу для туристов. Для самих венецианцев это событие имеет особое значение, потому что в нем участвуют лучшие представители весьма популярного здесь гребного спорта.

Перед началом регаты проводится парад исторических лодок, в котором участвует множество гондол и барок, проплывающих по каналу праздничной процессией. Все лодки отделаны с соблюдением

исторической точности до мельчайших деталей, а гондольеры и пассажиры одеты в костюмы в стиле пятнадцатого века.

Накануне вечером я науглила с айпода несколько фотографий и статей и поэтому примерно знала, чего ожидать.

– Самый величественный корабль – бучинторо, – сообщила мадам Тассельхофф, пытаясь перекрыть всеобщий шум. – Это позолоченная парадная барка дожа.

– Похоже, ты в них неплохо разбираешься, – крикнула в ответ мама.

– Я прочитала о Венеции все, что можно. Когда отправляешься в другой город, нужно иметь некоторое представление о его истории и культуре – так что можете спрашивать у меня что угодно. – Она показала в сторону канала и провозгласила: – Глядите, вот появились первые лодки! Кстати сказать, эти выступления на носу гондолы существуют уже пятьсот лет. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что их шесть. Каждый из них символизирует один из районов Венеции. Одну шестую, точнее говоря. Венеция делится на шесть частей, которые называются также *сестерьами* – от итальянского sei – шесть. Вот они: Сан-Марко, Сан-Поло, Каннареджо, Дорсодуро, Санта-Кроче, Кастелло и Джудекка.

– Интересно! – крикнула мама.

Я услышала, как она тут же тихонько сказала папе:

– Эта женщина начинает меня раздражать.

– Только сейчас? – спросил папа в ответ.

– Я вас слышу, – сказала я.

– Это личный разговор, – с упреком сказала мама. – И про машинки для гольфа тоже было не смешно. Нельзя шутить над инвалидами.

– А по-моему, ужасно смешно, – сказал папа.

– Уже вижу первые лодки! – восторженно выкрикнула мадам Тассельхофф.

От устья Гранд-канала к нам приближались лодки со старинной отделкой, и даже издали было видно, какие они разноцветные.

– Смотри, а вон и та красная гондола, – сказал Маттиас.

И правда, она приближалась. Лодкой снова правил одноглазый старик, одетый так же, как несколько дней назад. Гондола держалась немного в стороне от общего строя, ближе к набережной. К моему удивлению, в какой-то момент она отклонилась от общего курса. Одноглазый старик несколькими сильными взмахами весла направил ее к пристани, где стояли мы.

– Что это он делает? – спросила мама.

– Понятия не имею, – ответил папа.

Гондола подплыла к ступенькам, спускавшимся с набережной.

Старик энергично помахал рукой, словно пытаясь привлечь наше внимание.

– Похоже, он хочет, чтобы мы сели к нему в гондолу, – сказала мадам Тассельхофф.

– Честно говоря, мне скорее показалось, что он хочет спугнуть нас отсюда.

– А мне нет, – возразила мадам Тассельхофф.

– Чего-то он от нас в любом случае хочет, – сказала мама.

– Может, сто пятнадцать евро авансом, – предположил господин Тассельхофф.

Старик понял это и покачал головой. Он снова махнул рукой, на этот раз с нетерпением. Хотел ли он нас прогнать? Возможно, он из пожарной охраны. Пожарного инвентаря в лодке нигде не было видно, но ее красный цвет казался вполне подходящим.

Внезапно у пристани началась давка. Люди проталкивались ближе, и неожиданно вокруг меня поднялась настоящая суматоха.

– Мы сюда первые пришли, – возмутилась мадам Тассельхофф.

Она наконец определилась:

– Нам все-таки нужно сесть в гондолу. Прежде чем нас опередят другие. Дадим старику пару евро ради приличия, и все.

– Простите! – кто-то из толпы проталкивался вперед, отпихивая остальных в стороны. Похоже, именно из-за его грубых манер вся эта толкотня и началась. Мне не было видно, кто он, но зато я хорошо его слышала. Он сердито ругался по-итальянски, если ему уступали путь недостаточно быстро. Затем он крикнул что-то через головы людей, обращаясь к старику в гондоле, и тот крикнул в ответ. Прозвучало как приказ.

Мадам Тассельхофф сделала большой шаг вперед и забралась в гондолу.

– Кто первый пришел, тому больше достанется! – Она подняла взгляд на нас. – Давайте, чего вы ждете! Лучшего шанса все увидеть у вас в жизни больше не будет!

Господин Тассельхофф и Маттиас тоже послушно спустились в гондолу и уселись в ней. Тем временем тот человек, что проталкивался через толпу, – мне были видны только его темные волосы – оттолкнул в сторону последних людей, отделявших его от цели. По дурацкой случайности это оказались мы с мамой.

Папа выругался, потому что мама чуть не упала. Он с трудом сумел ее

удержать.

Я потеряла равновесие и по дуге полетела в воду. С плеском я приземлилась в канал и камнем пошла на дно.

* * *

Вода была не такая уж холодная, по крайней мере, не холоднее, чем в открытом бассейне, однако по сравнению с давящей жарой позднего лета это все равно оказалось сильным потрясением. Не говоря уже о том, что вода была омерзительно грязной, как в канализации. Венецианцам ведь нужно сливать куда-то отходы, и для этого они, конечно, пользуются каналами, до которых далеко ходить не приходится – вода плещется прямо у порога, в буквальном смысле слова. Я вынырнула, фыркая и хватая воздух.

– Анна! – крикнула мама. – Боже, она упала в воду!

Я ничего не видела, потому что волосы залепили мне лицо, словно скользкие водоросли. О боже, а может, это *и правда* водоросли! Вонючие, зеленые, ядовитые водоросли из канала!

Чьи-то руки схватили меня и втащили в лодку, вместе с моей сумкой, в которую я вцепилась железной хваткой. Я тут же нащупала в ней свой новый айпод. Надеюсь, с ним ничего не случится!

Я поспешно убрала волосы с глаз, с облегчением выяснив, что это действительно были только волосы. Я поняла, что лежу в красной гондоле, вытянувшись на ее дне, как рыба, вытащенная на сушу. Надо мной наклонилось перепуганное лицо Маттиаса, будто вверх ногами, потому что он смотрел на меня сверху вниз.

– Все в порядке, Анна?

– Это все вы виноваты, грубиян, – ругалась мадам Тассельхофф. – Если бы вы не стали всех распихивать, ничего бы не случилось. К тому же, вы видели, что гондола уже занята!

Слово «занята» к этому положению вещей явно не подходило. Честно говоря, точнее было сказать «захвачена».

– И все-таки он спас Анну, – сказал Маттиас.

Он? Кто? Я села и, разлепив глаза, осмотрелась вокруг. Первое, что я увидела, – парад старинных лодок, которые тянулись по воде мимо нас. Затем мой взгляд упал на старого гондольера, который невозмутимо наблюдал за мной. Подняв глаза на набережную, я увидела облегчение на лицах родителей.

А потом я обернулась к своему спасителю, который смотрел на меня с явным раздражением.

Это был победитель.

* * *

Старый гондольер что-то сказал ему, и это прозвучало как предупреждение.

– Вы должны немедленно сойти, – сказал мне «победитель» по-английски. Он выглядел встревоженным.

– Об этом даже не думайте, – убежденно заявила мадам Тассельхофф. – Мы сюда первыми пришли. Если кто-то и должен сойти, так это вы!

– Вы можете остаться, а девочка – нет!

– Не проблема, у меня все равно нет настроения кататься на гондоле, – пояснила я. Вряд ли мой английский порадует чей-то слух, но я надеялась, что этот Победитель поймет смысл сказанного. Как раз в этот момент я увидела, что он по-прежнему носит на поясе нож, отобранный у парня, с которым он тогда подрался. Победитель производил впечатление человека, не терпящего возражений.

Он был одет в старинный костюм, в точности как старик-гондольер, только Победитель выглядел лучше. Облегающие штаны подчеркивали, какие мускулистые у него икры, и даже расшитая красным шелковая рубашка отлично на нем смотрелась. Ботинки выглядели немного несуразно из-за длинных носов, но они подходили к остальному костюму. Как и шляпа, которая лежала рядом с ним на скамье.

Все это я разглядела в одно мгновение, пока готовилась выбраться из гондолы. Это было не так просто, поскольку вся моя одежда и в особенности сумка пропитались водой до последней нитки. Мне казалось, будто я стала в два раза тяжелее. Шагнув на ступеньку, я едва не свалилась в канал еще раз. Победитель поддержал меня снизу за пояс и уберег от повторного купания в помоях, а папа наклонился с набережной и вытянул руки, чтобы помочь мне выбраться на твердую землю.

Я уже почти дотянулась до папиных рук, но в последнюю секунду услышала, как Победитель что-то крикнул – прозвучало примерно как «*troppo tardi*»^[6], наверное, по-итальянски это означало «ну и тюлениха».

Затем, к моему безграничному удивлению, между мной и набережной что-то замерцало. Сначала появилась тонкая линия света, будто кто-то

включил прожектор, а потом она стала расширяться, будто между мной и людьми на набережной возникала полоса чистого, ослепительного света, который становился все плотнее.

Папа и люди вокруг него расплывались, свет окутывал их, и вскоре их было уже не различить.

– Что тут происходит? – крикнула у меня за спиной мадам Тассельхофф. – Помогите! Генрих, сделай что-нибудь!

Если Генрих что-то и сделал, это не помогло. Мадам Тассельхофф снова пронзительно закричала о помощи, но в следующую секунду словно онемела.

Я хотела что-то сказать, но мои голосовые связки внезапно словно оледенели. Я пыталась вытянуть руку, но тело было парализовано.

Холод охватил меня, и я больше не могла дышать. Все вокруг начало вибрировать, все пришло в движение, меня швыряло и трясло, лодка будто поднималась и одновременно падала в пучину, хотя это, очевидно, невозможно.

Я утонула, – внезапно пронеслась мысль. На самом деле меня никто не спас. Я лежу на заросшем ядовитыми водорослями дне канала, мертвая. Все, что я тут переживаю, это, так сказать, последние конвульсии моей бедной ауры, прежде чем она навсегда растворится в нирване.

Теперь ослепительный свет полностью охватил меня. А в следующий момент, до ужаса неожиданно, он взорвался с оглушительным грохотом. И весь мир погрузился в абсолютную черноту.

* * *

Когда я снова пришла в себя, ничего не было видно. Я чувствовала себя не лучшим образом. Казалось, будто меня нарезали на мелкие кусочки, хорошенько прожевали, а потом выплюнули. Болело все тело с головы до ног. Хуже всего была головная боль. Словно кто-то изнутри бил молотом по вискам. Или даже киркой.

Со стоном я открыла глаза и тут же попыталась понять, где нахожусь. И почему я лежу на спине на чем-то твердом, как камень.

Оказалось, что я *и правда лежу* на камне. Кончики пальцев коснулись неровных булыжников. Грязных булыжников. Я что, только что нащупала собачьи какашки? Точно они, отвратительная вонь!

Но это было не самое худшее. Я была голой! Даже нижнее белье пропало! Я тут же попыталась позвать на помощь, но не смогла произнести

ни звука.

– А как мне поступить с девчонкой, когда она проснется? – спросил тихий мужской голос. – Уверен, она скоро придет в себя.

– Так же, как и с другими, – ответил кто-то так же тихо. Это был голос Победителя! – Позаботься о ее одежде и доставь домой. Если она попала сюда, здесь у нее тоже должен быть дом.

– Ты уверен? – спросил первый мужчина. – Ее явно не было в предсказании. – Хотя он говорил шепотом, в его голосе отчетливо слышался гнев.

– У тебя есть другие предложения?

– Да – ты сам позаботишься о ней. В конце концов, это ты притащил с собой нежелательный груз.

– Я скоро должен отправиться дальше, и ты это знаешь. Уже сегодня ночью Тревизана могут пустить под нож, и если я этому не помешаю, что тогда? Малипьеро таятся с ядом и кинжалом за каждым углом!

– Ну что ж, тогда убирайся и сделай то, от чего не можешь отказаться, – сдался первый мужчина.

Шаги удалились, и после этого я наконец различила первые проблески света – с моего лица убрали покрывало. Точнее, грубую мешковину, которую кто-то набросил на меня, заслонив обзор.

В слабом мерцании фонаря я увидела склонившееся надо мной лицо, которое не вызывало большого доверия. По крайней мере, ему не помешало бы сбрить лохматую бороду. Владелец бороды оказался еще молодым мужчиной, вряд ли сильно старше двадцати, и по нему было видно, что он не станет со мной любезничать.

Мои мысли перепрыгивали с одного на другое. Меня похитили. Мне подсыпали снотворное. Меня раздели. А может, случилось и кое-что похуже. Где же была полиция, когда она так нужна?

– Тронешь меня пальцем, и я закричу, – выкрикнула я.

– Я только хочу тебе помочь, неблагодарное создание, – сказал бородач.

Я с усилием поднялась, прижимая к себе вонючий мешок.

– Как я сюда попала? Что случилось? Где мои родители? И мои вещи?

Он протянул мне сложенную одежду.

– Вот, надень это. Прикрой срам.

Подавая мне одежду, он отвернулся, но я ему не доверяла и старалась не выпускать его из виду, когда отбросила мешок в сторону и вцепилась в одежду. Вещи выглядели своеобразно и ничуть не походили на то, что было на мне раньше. Слишком длинная, довольно жесткая рубашка, похожая на

ночную сорочку, которую всегда надевала моя бабушка. Еще там была вещица вроде платья, коричневая и почти такая же длинная, со шнуровкой в верхней части. Вся эта одежда выглядела так, будто ее достали из театрального хранилища исторических костюмов.

Бородатый тоже был одет в старинном духе. Его костюм состоял из короткой рубашки, длинной жилетки и обтягивающих штанов. Еще на нем была шляпа, похожая на ту, которую я видела в лодке на скамье рядом с Победителем. Вряд ли ее можно было назвать исторической. А на поясе у него был короткий меч.

Он готовился к Исторической регате и стянул там женскую одежду, которую дал мне?

Неважно, главное, мне не следует оставаться голой, нужно одеться как можно быстрее. Я поспешно натянула через голову белую сорочку, а поверх накинула ту, которая была больше похожа на платье. Насчет трусов или лифчика я пока решила не беспокоиться. В качестве обуви мне достались своеобразные туфли с длинными носами вроде тех, которые носил Победитель.

Куда же он смылся? Он явно спешил поскорее исчезнуть! На мой взгляд, это было только к лучшему, поскольку я предпочитала находиться от него подальше, а не искать с ним встречи.

Завязывая шнуровку платья, я осмотрелась, оценивая обстановку и одновременно готовясь сбежать. Должно быть, я немало пробыла без сознания, потому что стояла глубочайшая ночь. Я оказалась на какой-то узкой, типично венецианской улочке, каких в городе сотни – с домами непонятной формы и покосившимися фасадами. Вокруг царила глухая тьма, которую нарушал только неяркий свет от фонаря со свечой в руке бородача.

– Как тебя зовут, девочка? – спросил бородач. Он снова обернулся и оценивающе рассматривал меня.

– К сожалению, мне срочно нужно домой, – сказала я, медленно отступая назад. – Уже очень поздно.

– Ты можешь уйти, но мне нужно знать твое имя, а также место, где ты живешь.

– Меня зовут Ханна Монтана.

– А где ты живешь?

– На канале «Дисней». – Я повернулась к выходу. – Так что я прямо сейчас туда и отправлюсь.

– погоди, – раздраженно спросил он, – ты совсем не хочешь узнать, что произошло?

Этого я хотела больше всего на свете, но еще сильнее я хотела вернуться в отель. Или хотя бы добраться до ближайшего телефона, чтобы вызвать полицию. Похоже, бородач искренне надеялся, что я спрошу его, что случилось, так что я это сделала, чтобы его не сердить.

– Так что произошло?

– Ну, короче говоря, – ответил он, будто произнося заранее отрепетированные фразы, – на тебя напали грабители, ударили так, что ты потеряла сознание, и украли твою одежду. Увидев меня, они оставили тебя лежать и убежали. Можно сказать, что я тебя спас.

– Ага, ясно, – сказала я. – Великолепно. – Я постаралась как можно убедительнее изобразить благодарность. – Спокойной ночи.

Я медленно двинулась в сторону, пока не убедилась, что бородач меня больше не видит. После этого я пустилась бежать со скоростью молнии. И, сделав несколько шагов, замерла, как громом пораженная.

* * *

Передо мной лежал Гранд-канал, я узнала его мгновенно. Во всей Венеции нет другого столь же широкого канала, с таким количеством роскошных палаццо по обоим берегам.

Но вместо ярких фонарей берег освещали лишь отдельные факелы. *Факелы!* И нигде не было видно вапоретто, а ведь они всегда, стуча моторами, ходили по Гранд-каналу. Куда делись все моторные лодки? Я готова была поклясться, что с домами тоже что-то не так, хотя я никак не могла уловить, в чем дело. Пристань для маршрутных катеров словно растворилась в воздухе.

На миг я усомнилась, в самом ли деле это Гранд-канал. Может, здесь есть еще какой-то другой канал, который выглядит очень похоже, но ни разу не попадался мне во время прогулок по городу.

Потом я увидела, как из палаццо выходят мужчина и женщина. Я хотела заговорить с ними, но не смогла выговорить ни звука. Оба выглядели как персонажи исторического костюмного фильма. Вместе они сели в гондолу. На носу лодки был укреплен фонарь, почти такой же, как у бородача. Гондольер тоже был в старинном костюме. Он собрался отплыть от набережной, а пара тем временем уселась на скамью.

Историческая регата продолжается и ночью? Это новая идея для шоу? Все в старинном стиле, никакого электрического освещения, никаких моторных лодок, никакой нормальной одежды? Или тут снимают кино, и

вот-вот зажгутся прожекторы, режиссер рявкнет: «Снято!», и перед следующим дублем на сцену выйдет команда гримеров, чтобы припудрить актеров?

Я ждала и ждала, но съемочная группа не показывалась. Вместо этого мимо проплыла еще одна гондола, а потом еще одна, и в обеих виднелись люди в старинных нарядах. Сразу после этого я увидела, как по противоположному берегу прошагали трое мужчин. У них были копья, шлемы, а верхняя часть их костюма напоминала рыцарские доспехи.

Я заметила, что дрожу, и снова осознала, как сильно у меня болит голова. Несмотря на это, я старалась хотя бы отчасти сосредоточиться. Мне же должно прийти в голову какое-то логическое объяснение!

Возможных вариантов не слишком много. Насколько я могла судить, максимум четыре. Либо я умерла и теперь в чистилище. Либо я под воздействием наркотиков. Либо это кино. Либо я сошла с ума.

Я вздрогнула. У меня за спиной появился бородач.

– Ты еще здесь, Ханна. Боишься отправляться домой одна? Мне тебя проводить?

Его лицо выражало искреннее участие. В сущности, он не выглядел как человек, которого стоит бояться. До этого он будто был огорчен, потому что по какой-то причине считал меня обузой, но теперь он смотрел на меня с неподдельным беспокойством.

Я задержала дыхание.

– Я хочу узнать только одно: я умерла? Допустим, что так... тогда все это не казалось бы мне настолько реальным... или нет?

Он нахмурился.

– Ты жива и в добром здравии. А почему ты спрашиваешь, Ханна?

– Ну... тогда здесь снимают фильм? – спросила я.

Честно говоря, я *хотела* это спросить. Но вместо этого прозвучал совсем другой вопрос:

– Ну, тогда здесь устроили костюмированное представление?

Я в растерянности захлопнула рот. Почему я не смогла произнести слово «фильм»? Я попыталась еще раз, стараясь сильнее: «Костюмированное представление». По меньшей мере десять раз подряд. И все равно, как бы сильно я ни пыталась – слово «фильм» не хотело слетать с моих губ.

Бородач тут же сильно насторожился.

– Скажи мне, что ты помнишь. О том, что произошло, прежде чем ты здесь оказалась.

Я непонимающе посмотрела на него. Разве он не знает?

– В общем-то, вот что, – осторожно сказала я. – Я упала в воду, а потом этот парень втащил меня в красную гондолу с одноглазым гондольером. А потом что-то загрохотало, и я очнулась тут, голая.

– О боже! Ты сохранила свои воспоминания!

А чего он ожидал? Что наркотик, под которым я, похоже, была, будет действовать вечно?

– Я не помню ничего о грабителях, – возразила я.

Он вздохнул.

– Не было никаких грабителей. Это Себастьяно выдумал.

– Кто это вообще?

– Человек, который принес тебя сюда.

– А все мои вещи и мое зеркало тоже Себастьяно припрятал? – спросила я.

«Зеркало»? – я громко застонала. С какой стати я сказала «Зеркало»? Я хотела сказать «айпод»! «Зеркало» – в ужасе повторила я. – «Зеркало!»

Бородач вздохнул.

– Даже не пытайся.

– Что вы со мной сделали? – обвиняюще воскликнула я. – Почему я больше не могу сказать «зеркало»? Разумеется, я имею в виду не «зеркало», а «зеркало»!

– Что бы ты ни пыталась сказать, ты не сможешь это произнести. Потому что это оказалось бы анахронизмом.

Это слово я сегодня уже слышала!

– Анахро... что это вообще за фигня?

– То, что не соответствует этому времени.

Я потрясенно уставилась на него.

– *Этому* времени?

– С твоей точки зрения, это прошлое.

Не сдержавшись, я громко расхохоталась. Хотя ситуация была ни капельки не смешная. Даже мне самой мой смех показался слишком громким.

– Тсс, не шуми так сильно! – упрекнул меня бородач. – Дождешься, что нас схватит стража!

Я решительно набрала в грудь воздуха.

– Я хочу наконец узнать, что *на самом деле* здесь происходит!

– Я тебе только что объяснил.

– А я не верю ни единому слову.

Бородач вздохнул еще раз.

– Пойдем. Я отведу тебя туда, где ты сможешь остаться на некоторое

время.

Я последовала за ним. Больше мне здесь не на кого было положиться. Я совсем не знала его, но по крайней мере я знала парня, который меня сюда притащил – уже что-то, для начала, чтобы попытаться во всем разобраться.

А объяснений требовало многое. Нигде не было электрического света, ни в домах, ни на улицах или площадях. Ни одной моторной лодки, ни у одной пристани. Все люди, которые время от времени попадались нам по пути, были одеты в старинном стиле. Большинство несли с собой фонари со свечами, а у некоторых были факелы. Все казалось мне совершенно настоящим. Я даже чувствовала, как факелы пахнут смолой.

Итак, должно быть, я сошла с ума, потому что только сумасшедшие могут воображать себе вещи, которые кажутся им совершенно реальными. Все началось с безобидного зуда в шее, а затем внезапно переросло в настоящий психоз.

Когда я снова вернусь домой, не стоит рассказывать никому эту безумную историю. Ванесса спросит, что я употребила, а мама потащит меня к школьному психологу и расскажет ему о моих «временных нарушениях восприятия».

А тот спросит с обманчиво доброжелательной улыбкой:

– Анна, подвергалась ли ты в последнее время необычному стрессу? Ты ведь точно знаешь, что в действительности путешествия во времени невозможны?

Нет, разумеется, невозможны. Это я и сама могу сообразить. В качестве лучшей версии я решила воспринимать все происходящее как своего рода иллюзию. Например, этого неприветливого венецианца. Сообщив мне, что мы находимся в прошлом, он замолчал, а поскольку он все равно был лишь плодом моего воображения, я не видела никакой необходимости с ним говорить.

Несмотря на это, я шла за ним, поскольку недоброе предчувствие говорило мне, что я немногого достигну, если буду стоять на месте.

Быстрым шагом он вел меня по улочкам и мостам, а я плелась за ним, как загипнотизированная овца.

– Куда мы идем? – в какой-то момент решила спросить я. Вдруг он – дружелюбный призрак, который поможет мне выбраться из этой существующей лишь в моем воображении ситуации, если я спрошу его вежливо.

Никакого ответа.

– У тебя вообще есть имя? – спросила я.

– Бартоломео.

Похоже, у моего подсознания была неплохо развита фантазия. У призраков даже были собственные имена. Я решила сократить Бартоломео до «Барта», тем более что это хорошо подходило к его заросшему лицу ^[7].

Как раз когда я начала спрашивать себя, как долго мне еще предстоит в этом ненормальном состоянии шагать сквозь ночь, как мы остановились на извилистой улочке.

– Пришли.

* * *

Мы стояли перед узким двухэтажным домом, второй этаж которого слегка выдавался над первым, как и у всех остальных домов на этой улочке. Маленькие окна были заделаны множеством круглых стеклышек, и за ними было темно.

Барт принялся нетерпеливо колотить в дверь, пока ее не открыли. До нас донесся запах зелени, дыма и спертых воздуха, который ударил мне в нос. Для плода воображения запах был потрясающе реальным.

Передо мной стояла женщина в рубашке до пола, похожей на шатер, под которой заметно колыхались ее тела. Она держала свечу, которая подсвечивала ее второй подбородок. Сложно было сказать, сколько ей лет. Морщин на ее лице не было видно – оно было для этого слишком толстым.

Женщина возмущенно посмотрела сначала на Барта, а потом на меня.

– Вас явно черти принесли!

– Почему вы сразу же предполагаете худшее?

– Потому что я вижу, что вы не принесли хороших новостей. Или я все-таки могу надеяться, что вы пришли, чтобы забрать бесполезную девочку?

– Нет, я привел еще кое-кого. Бедную, бездомную девочку.

– Я же говорю, вас черти принесли!

– Вовсе нет, *монна* ^[8] Матильда! И, если позволите, попрошу вас быть потише. Вы рискуете перебудить всех соседей.

Барт втолкнул меня в дом, что женщина восприняла с явным неудовольствием.

– Если вы требуете того же, что и в прошлый раз, я тем более имею право возмущаться громко! У нас маленький дом, мы и без этого уже живем в тесноте!

– Вам хорошо заплатят, если вы согласитесь потерпеть.

Взгляд толстой женщины стал жалким.

– Вы говорили, что это только на пару дней! И как долго она еще будет меня объедать до последней крошки!

– Вы не похожи на человека, который страдает от недоедания. Напротив.

– А теперь вы меня еще и оскорблять будете, после того, как я пошла на такие жертвы? Уже пять лет я предоставляю этой дерзкой девчонке и стол и кров.

– Кров? Дерзкой девчонке? Пять лет?

Я слушала спор, ничего не понимая. Мимоходом я заметила, что оба весьма выпренне обращаются друг к другу на «вы», как будто в разговоре участвуют несколько человек. Похоже, в этом времени – или в этом сне – преобладали вежливые обращения. К тому же, оба прекрасно говорили по-немецки. Уже это само по себе было бесспорным доказательством, что происходящее существует только в моем воображении.

– Вы чрезмерно преувеличиваете, – сказал Барт. – К тому же, на этот раз потребуется не больше двух недель. Он протянул руку к кошельку, который висел у него на поясе, и вытащил оттуда пару монет. – Хватит на это время.

Несмотря на свой недружелюбный настрой, толстуха вцепилась в деньги.

– Минутку, – вежливо сказала я. – Мне не нужен кров. Я сегодня же поеду домой. Как только Себастьяно...

– Себастьяно! – в ужасе крикнула толстуха. Она схватилась за сердце. – Если в деле замешан этот негодник, жди беды!

– Себастьяно! – донесся взволнованный голос с лестницы в глубине комнаты. В следующее мгновение вниз спустилась девушка и с вопрошающим видом встала перед нами. Видимо, это и была та «дерзкая девчонка».

Если она действительно объедала толстуху, никаких следов это не оставляло. Под ночной рубашкой она была худая, как эльф.

Разочарование отразилось на ее лице, когда она увидела, что того, кого она ищет, здесь нет.

Она повернулась к Барту.

– Где он? Почему он не пришел с вами? – Затем она взглянула на меня. – Кто это? Зачем она здесь?

– Она... выпала за борт, и теперь ей негде жить.

– Ты имеешь в виду, как и я?

– Можно и так сказать.

– О! – ее глаза округлились.

– Минутку, – сказала я. – Это должно означать, что ты тоже с Себастьяно... Что ты вроде как веришь, что ты...

Я хотела произнести *«совершила путешествие во времени»*, но не получилось даже выговорить какое-нибудь слово на замену. Я попробовала еще несколько раз, но добилась только того, что застыла на месте, онемевшая, с открытым ртом.

– Боже помилуй нас, – сказала толстуха. – У нее та же болезнь, что и у Клариссы! Чем же это все кончится!

– Я о ней позабочусь, – сказала девочка. Она бросила пристальный взгляд на Барта. – При одном условии, Бартоломео.

Он вздохнул, чувствуя, что она собирается его шантажировать:

– И при каком же?

– Себастьяно соизволит заглянуть сюда, причем уже завтра.

Барт вздохнул.

– Я приложу все усилия.

– Тогда позаботься о том, чтобы твоих усилий оказалось достаточно.

Она резко повернулась ко мне.

– Как тебя зовут?

– Анна, – ошарашенно ответила я.

– Я думал, тебя зовут Ханна, – с упреком сказал Барт.

На это мне было нечего ответить. Человеку, который так неохотно делился информацией, как он, не следовало бы жаловаться из-за одной буковки.

Я повернулась к этой девочке.

– Большое спасибо за готовность помочь. Но я не думаю, что тебе придется обо мне заботиться, потому что все происходящее – это всего лишь какой-то бред, плод воображения.

Она перебила меня на полуслове:

– Я Кларисса. Судьба сделала нас сестрами. Добро пожаловать в твой новый дом. Пойдем наверх, и я покажу тебе нашу каморку.

Разумеется, все это не предполагало возражений. Я крепко вцепилась в рукав Барта, когда он собрался уходить. Для галлюцинации он казался пугающе реальным.

– Ни в коем случае не бросай меня здесь! Я хочу домой!

Кларисса вмешалась:

– Я тоже. Уже давно. Но от этого никакого толку.

Толстуха начала терять терпение.

– Кончайте с этими спорами! А то еще Якопо разбудите! А теперь забирай новую девчонку в каморку и позаботься о том, чтобы было тихо и порядочные люди могли спать дальше! – Она повернулась к лестнице и зашагала вверх. Ступеньки жалобно заскрипели под ее весом.

Барт стряхнул мою руку со своего рукава и повернулся, чтобы уйти.

Я совершенно не собиралась оставаться. Поэтому я поспешно заступила ему путь.

– Ты должен взять меня с собой! Отведи меня к Себастьяно!

– Исключено, – его тон не предполагал возражений. – Сегодня ночью ты только подвергнешь его дополнительной опасности!

Я понятия не имела, что он хотел этим сказать, но выражение его лица явно показывало, что возражать бессмысленно. Я настолько растерялась, что позволила ему оттолкнуть меня в сторону. Он исчез в ночи, не сказав ни слова на прощание, и мне не оставалось ничего другого, как подняться вверх вслед за девушкой по имени Кларисса.

* * *

Каморка была крошечная, немногим больше стоявшей там кровати.

– Это твоя кровать? – вежливо спросила я.

– С этого момента и твоя тоже, – сказала Кларисса.

Я хотела тут же предложить, что лягу где-нибудь на диване, но затем поняла, что здесь вряд ли есть что-нибудь похожее на диван. Уж точно не в этой комнате. Из мебели здесь были только сундук, стоящий рядом с кроватью, табуретка и столик с парой вещей, необходимых, чтобы привести себя в порядок – там были расческа, зеркальце и небольшая чашка, в которой лежали какие-то обрезки – я решила, что это мыло.

А под столиком стоял... Мне пришлось дважды заглянуть туда, чтобы убедиться, но это определенно был ночной горшок. Кроме недоверия, вид этого предмета вызвал у меня еще кое-какое ощущение: я внезапно осознала, что мне немедленно нужно в туалет. Как вообще можно вообразить что-то подобное?

– Ты считаешь, что все вокруг – в твоём воображении, верно? – спросила Кларисса.

Она застала меня врасплох. Я кивнула.

– Со мной вначале тоже так было.

– Так это значит...

– Это не сон. И не галлюцинация. Все на самом деле. Настоящий мир.

Настоящее прошлое. И назад пути нет, во всяком случае, для меня.

Мне внезапно стало очень дурно, и я уже была готова воспользоваться ночным горшком, чтобы меня стошнило. Но урчание в моем кишечнике пересилило. К сожалению, в стрессовой ситуации я обычно отдаю предпочтение поносу. Мне нужно было в туалет, и поскорее.

Я откашлялась.

– В этом доме есть туалет?

То есть я хотела сказать «туалет», но вместо этого прозвучало «*отхожее место*».

– Я проведу тебя туда, чтобы в следующий раз ты точно знала, куда идти, – сказала Кларисса. Она вышла, держа свечу в руках, и я спустилась вниз следом за ней. Большая комната на первом этаже, которую я не успела рассмотреть подробнее, была разделена посередине стойкой, на которой стояли всяческие предметы. Я разглядела весы, бумагу, перо и подсвечник. Повсюду на стенах до потолка возвышались полки, на которых стояло множество склянок, глиняных горшочков и тиглей всех размеров, а рядом с ними – мешочки, ящички и прочий скарб. С потолочных балок свисали высушенные связки растений.

– Это магазин пряностей?

– Зелёная лавка, – сказала Кларисса. – Магазин Матильды. А я ее помощница.

Она открыла дверь, которая вела в комнату с низким, черным от копоти потолком.

– Наша кухня, – пояснила Кларисса.

В углу я увидела кирпичный очаг, над которым на цепочке качался горшок. Рядом с ним к стене была приделана полка для посуды. Посреди комнаты стояли стол и несколько табуреток. В этой комнате было что-то уютное, хотя с виду все казалось ужасно примитивным.

Кларисса провела меня через следующую дверь, и мы вышли на свежий воздух. В свете свечи я увидела внутренний двор, окруженный увитыми плющом стенами. У одной из стен виднелся деревянный сарай, а прямо рядом с ним – небольшая пристройка.

– Отхожее место, – сказала Кларисса, показывая на пристройку, и предупредительно протянула мне свечку. Я вошла внутрь и тут же пожалела об этом. Там стояла отвратительная вонь, напомнившая мне рассказы бабушки, которая на каждом семейном празднике вытаскивала на свет божий воспоминания детства. Однажды она рассказывала о выгребной яме, которой ей якобы пришлось пользоваться в детстве. Обычно она говорила, что этот запах остался у нее в носу навечно. Теперь я понимала,

что она имела в виду. И, кроме того, теперь я убедилась, что нахожусь в прошлом. Даже самое творческое подсознание не сможет выдумать этот чудовищный запах и вид широких деревянных досок с дыркой в середине.

Это меня буквально доконало. Меня одолел худший понос в истории. Я поспешно отставила подсвечник в сторону, подобрала полы платья, отмахнулась от нескольких жирных мух и присела над омерзительно вонючей дырой. Оставалось только надеяться, что в следующий раз я снова окажусь в своем родном времени, там, где по крайней мере будет туалетная бумага. Здесь было только деревянное блюдо, в котором лежали листья каких-то растений. По крайней мере, они были мягкими на ощупь, так что я попросту воспользовалась ими.

– Можешь спрашивать меня обо всем, – пояснила Кларисса, когда я снова вышла на свежий воздух. – Но нам следует говорить тихо. Если нас услышит кто-то непосвященный, ты не сможешь выговорить ни слова. Это вроде барьера, с которым ничего не поделать.

Сначала мне пришлось глубоко вдохнуть, чтобы ликвидировать недостаток кислорода.

– В какой год мы попали? – затем спросила я.

– Одна тысяча четыреста девяносто девятый, – сказала она.

– Боже мой!

– Я попала сюда из тысяча семьсот девяносто третьего года. А ты?

Я попыталась сказать, но не получилось. Я беспомощно посмотрела на Клариссу, которая опечаленно покачала головой.

– Ты из моего будущего. Поэтому ты не можешь ничего сказать. Даже не пытайся. Все, что ты попытаешься рассказать мне о своем времени, застрянет у тебя в горле. Какой у тебя родной язык?

– Немецкий. Кстати, ты говоришь на нем очень хорошо, и Бартоломео с Матильдой тоже. Даже акцента не слышно. – Я смущенно замолчала. – В сущности, я нахожу это весьма примечательным.

– Я не говорю по-немецки, – сказала Кларисса. – Я из Франции, говорю по-французски, и только.

Я недоверчиво посмотрела на нее.

– Но как тогда...

– Как мы все друг друга понимаем? Я – тебя, а ты – меня и Бартоломео или всех остальных, кого ты здесь встретишь? Это в природе вещей. Путешественники во времени приспосабливаются к обстоятельствам, каждый по природе своей понимает язык других и говорит так, что все остальные его понимают. Само получается.

Я понятия не имела, как к этому отнестись. Всем путешественникам

во времени имплантируют какой-то межгалактический переводчик? Маловероятно, но в любом случае разумно и практично. Жаль, что у нас в школе не применяют таких методов. На латыни или на английском очень пригодилось бы.

Вскоре разговор зашел в тупик. Я попыталась вспомнить, что я знаю о Франции восемнадцатого века. Примерно столько, сколько было в моей последней школьной работе по истории этого периода – немногим больше, чем ничего. Однако постойте – французская революция! Разве она произошла не примерно в то время?

Я попыталась счастья.

– Ты знаешь про Марию-Антуанетту?

Кларисса вздрогнула.

– Кто ее не знает, бедная погибшая королева...

– Ох... когда ты исчезла оттуда, она все еще была там...?

– Под гильотиной? – Кларисса печально кивнула. – Я видела, как она умерла, и проливала бесконечные слезы.

– Ох... Недавно я видела о ней костюмированное представление с одной актрисой. – На самом деле я хотела сказать «фильм с Кирстен Данст», но совершенно автоматически слова превратились в уже знакомое мне «костюмированное представление». Что сразу же заставило меня задать следующий вопрос: – А кто все это так устроил? Я имею в виду все эти штуки с языками и барьером?

Она пожала плечами.

– Понятия не имею. Но я, по крайней мере, могу объяснить тебе, как это работает: Тот, кто пришел из будущего, сам собой начинает говорить на языке времени, куда попал. Но никто не может произнести ничего, что нарушит течение времени.

– Что ты имеешь в виду – «нарушит»? – спросила я.

– Ход времени нарушается, когда кто-то разглашает знания из будущего, потому что другие смогут использовать их, чтобы изменить будущее.

– А если просто записать их?

– Тогда выходит еще хуже. Руку с пером будто парализует. Слова предательски не хотят ложиться на бумагу или сами собой меняются.

– Слова при письме переводятся на итальянский?

Кларисса кивнула.

– Думаю, да. Никто ничего не замечает, как и при разговоре – все выглядит так, будто человек выучил язык. Но увы, попробуй только написать то, в чем содержатся какие-то намеки! Уже несколько лет я

пытаюсь написать письмо. Для моей мамы, хочу сообщить ей, что со мной случилось. Но мне не удалось написать даже пол-строчки.

Она безнадежно посмотрела на меня.

– Ты могла бы попробовать! Ты наверняка умеешь хорошо писать!

– Ну да, хорошо – не то слово. Но даже если я с этим справлюсь – как ты добьешься того, чтобы твоя мама получила письмо через триста лет? Я имею в виду, почта в пятнадцатом веке идет невероятно долго, но явно не настолько долго.

Кларисса вовсе не заметила, что я попыталась разрядить атмосферу с помощью шутки. Она подавленно сгорбилась.

– Здесь так трудно. Я живу у Матильды уже пять лет, но она понятия не имеет, что произошло. Сколько я уже пыталась объяснить ей, но каждый раз начинаю запинаться или просто немею. Она считает, что меня подменили в детстве и что у меня неизлечимая нервная болезнь. – Она сердито фыркнула. – Даже с Бартоломео мне ни разу не удалось поговорить о моем времени, хотя он совершенно точно знает, что я из будущего.

– Ты можешь поговорить об этом со мной, – заверила я ее. – По крайней мере, пока я здесь.

– Надеюсь, ты и правда останешься надолго.

– Надеюсь, нет.

– Сначала я тоже думала, что это только на пару дней, но они превратились в годы.

Какая ужасная перспектива! Мне это однозначно не подходит!

– А что там с этим Себастьяно? – я решила сменить тему. – Какую роль он играет во всей этой истории? Из какого времени он вообще?

– Он путешествует во времени.

– Но ведь и мы тоже!

– Нет, не так, как он. Нас прихватили с собой случайно, а он путешествует по собственной воле, туда и обратно, когда захочет.

– А как ты сюда попала? На красной гондоле?

– Нет, на повозке.

– Она тоже была красная?

– Ну, разве что от крови множества невинных жертв. Это была повозка, на которой осужденных на смерть доставляют к гильотине.

У меня внутри все перевернулось.

– Ты имеешь в виду, ты... – У меня никак не получалось произнести предложение до конца, но дело было не в защите от анахронизмов, а в том, что его смысл был просто кошмарен.

Кларисса кивнула и произнесла это за меня:

– Меня везли на эшафот.

* * *

Я по-прежнему сгорала от бесчисленных вопросов, но из-за этого упоминания эшафота потеряла дар речи. В молчании я вернулась следом за Клариссой наверх, в нашу каморку-спальню. Сняв верхнюю одежду, я легла на кровать рядом с ней. Матрас был таким мягким, что я лежала в неглубокой ямке, а вокруг меня все шуршало и скрипело при каждом движении. От постельного белья исходил слабый запах лаванды. Кроме того, довольно сильно пахло каналом – причина этого была исключительно во мне и в моем непредвиденном купании в Гранд-канале. Может, мне стоит помыть голову, прежде чем Себастьяно придет за мной? Я вспомнила, что я не видела в этом доме ванной комнаты – возможно, в это время их вообще еще не придумали.

Но это было не важно. Я не собираюсь оставаться здесь так надолго, чтобы это стало проблемой. Завтра в это же время я уже снова буду спать рядом с родителями в отеле. Приняв долгий горячий душ.

Все будет хорошо, устало подумала я. При этом я попыталась не думать о том, что мои родители вообще еще не родились. Как и мои бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки и всевозможные предки, от которых я вела свой род. По сути, меня вообще не должно здесь быть. Я сама была, так сказать, ходячим анахронизмом.

И с этой тревожной мыслью я погрузилась в сон.

* * *

Колокольный звон заставил меня в ужасе подскочить. В голове пронеслась мысль: с какого перепугу я поставила на будильник такую смешную мелодию? Кроме того, мне вспомнился совершенно дикий сон, в котором я вместе с красной гондолой попала в прошлое.

– Блин, – пробормотала я, осознав, что это был не сон.

Только недавно рассвело. Кларисса уже встала и оделась во что-то коричневое. Ее одежда походила на платье, которое мне вчера дал Барт. Похоже, здесь было принято такое носить. Только ботинки у нее были другие; она шлепала по комнате в деревянных башмаках, которые выглядели явно более грубыми, чем мягкие кожаные туфли, которые я

получила от Барта.

Барт... Должно быть, скоро сюда явится Себастьяно, так что к этому времени я должна быть полностью готова двинуться в путь.

Взглянув в небольшое зеркало, я обнаружила, что выгляжу как женщина с голубями из фильма «Один дома». В ужасе я вцепилась в расческу и попыталась распутать свои лохмы. Без особого успеха.

– Можно ли тут где-то помыть голову?

Кларисса рассмеялась.

– Может, этот век в чем-то покажется тебе отсталым, но по чистоте он превосходит мое собственное столетие. Здесь моются гораздо чаще, чем триста лет спустя.

– Поняла, – честно ответила я, потому что где-то я читала, что во времена рококо, то есть в эпоху Клариссы, люди прихорашивались в основном с помощью духов и пудры, так как слишком частое мытье считалось вредным для здоровья. Если от кого-то начинало скверно пахнуть, достаточно было побрызгаться туалетной водой.

– А как здесь тогда моются? – спросила я.

– С помощью вот этого, – Кларисса показала на большой глиняный таз для мытья, который стоял у нее под кроватью. – Сейчас лето, и поэтому я все-таки моюсь во внутреннем дворике, а для этого использую деревянную кадку с теплой водой. Мы сможем потом нагреть воду, когда захочешь. Тогда мы помоем друг другу головы. Вдвоем проще управиться.

Она игриво взъерошила свои длинные светлые волосы.

– Чтобы выглядеть симпатично на случай, если сегодня и правда явится Себастьяно.

– А с чего бы ему не прийти? – спросила я, не в силах проигнорировать беспокойство, которое слышалось в словах Клариссы.

Она ссутулилась.

– Он очень занятой мужчина.

– Мужчина? Сколько ему вообще лет?

– Двадцать один, то есть столько же, сколько и мне.

– О, – потрясенно сказала я. Мне казалось, что она младше и ей немногим больше моих семнадцати с половиной.

Я с любопытством посмотрела на нее.

– Почему ты, в конце концов, не вернешься домой?

Ее выражение лица тут же стало угрюмым.

– Просто не выходит.

– Почему же?

– Если бы я только знала, – сказала Кларисса. – Я бы все отдала, чтобы

это выяснить.

Я подавленно взяла свое верхнее платье и натянула его.

– Ты уже много раз пробовала? Я имею в виду, вернуться?

– А ты как думаешь? – спросила она в ответ.

Мне в голову пришла еще одна мысль.

– Допустим, однажды тебе это все же удастся – ты бы снова оказалась на той повозке? В том же возрасте, как и была? И... ох, на пути на эшафот?

– Я молюсь, чтобы этого не случилось.

– А за что тебя вообще приговорили к смерти? – спросила я.

– Потому что я была дворянкой. – Кларисса подняла подбородок и внезапно, несмотря на свое скромное одеяние, показалась мне настоящей аристократкой. – Я графиня Кларисса де Сан-Пердю, троюродная кузина бедного дофина. – Она прервалась. – Я могу сказать все это вслух, – добавила она потом со счастливой улыбкой. – Даже мое настоящее имя! Ах, как я рада, что ты теперь рядом со мной.

Я задумалась, нужно ли мне ее называть «высочеством» или другим подобным титулом, но после того, как мы спали в одной кровати, это выглядело бы глупо.

– Кто такой дофин? – вместо этого спросила я.

– Сын короля, которого заточили в темницу, несмотря на юный возраст. На самом деле теперь он *и есть* король, после того, как его отец был столь жестоко убит. Я смотрела на это и не могла сдержать слез.

Верно, мужа Марии-Антуанетты тоже обезглавили. Я сглотнула. Бедная Кларисса, она видела, как текут реки крови, и была на волосок от того, чтобы самой пасть жертвой гильотины.

– Если бы я как-то могла помочь тебе до того, как уеду отсюда, – с искренним сочувствием сказала я.

– Конечно. Нам нужно принести воды, – бодро сказала Кларисса. – И в лавке тоже много дел.

* * *

Когда мы спустились вниз, Матильда встретила нас неприязненным взглядом. Она стояла за кухонным столом и нарезала внушительного размера копченую колбасу на кусочки, которые то и дело запихивала в рот. Рядом с ней за столом сгорбился дряхлый старичок, которого я заметила не сразу, потому что его заслоняло массивное тело Матильды. Наверное, это был ее муж, Якопо. Увидев меня, он дружелюбно улыбнулся.

– Вот она, – произнес он. – Еще один несчастный найденыш! Второй сын в нашей скромной лачуге! Как твое имя, сынок?

– Анна, – скромно сказала я.

– Как?

– Анна.

Он приложил руку к уху и вопросительно посмотрел на меня.

– Анна, боже мой, ты опять! – рывкнула Матильда.

Я вздрогнула, но тут же пожелала обоим доброго утра и поблагодарила их за ночлег.

– Время носить воду, – угрюмо произнесла Матильда.

– Считайте, что мы уже на полпути, – заверила Кларисса. Она поспешила наверх и принесла два жестко накрахмаленных чепчика, один из которых нахлобучила мне на голову.

– Так положено, – пояснила она.

Она под руку провела меня через магазин, и мы вышли на улицу.

– Разве мне не следует остаться здесь? – спросила я. – А что, если Себастьяно придет, чтобы меня забрать?

– Не переживай, этого не случится. Только что прозвонили *прим* ^[9]. До *нон* ^[10] он точно не заглянет. Но к этому времени мы обе точно успеем помыть голову.

В общем, мне ничего не оставалось, кроме как довериться ей, хотя я понятия не имела, что обозначают эти «прим» и «нон».

Наш извилистый путь пролегал по нескольким улочкам, через пару небольших мостов. Мы немного прошли вдоль канала, затем под арку и, наконец, оказались на церковной площади. Поначалу я и не пыталась запомнить дорогу, потому что не планировала надолго здесь оставаться.

При дневном свете даже полному тупице стало бы ясно, что он действительно оказался в прошлом. Не все улицы были вымощены, многие просто покрывала утрамбованная глина. В некоторых домах вместо стекол окна были закрыты воощеной тканью или выделанной кожей.

А главное, люди! Я знала, что пристально разглядывать незнакомых людей невежливо, но не могла удержаться. Все, кто попадался нам на пути, были одеты как персонажи старых картин Беллини ^[11], которые я видела в Галерее Академии.

Даже не обладая особыми познаниями истории, было легко понять, у кого есть деньги, а у кого нет: одежда бедных людей была поношенной, иногда даже порванной в клочья, а люди, которым повезло занимать более удачное положение, были одеты добротно, иногда даже изысканно.

Одни проходили мимо в простом и грубом облачении и крестьянских башмаках, другие – в шелках и бархате. Тут и там играли чумадые босоногие дети.

Так же контрастно выглядели и дома: покосившиеся, потрепанные хижины соседствовали с недавно построенными палаццо, украшенными фресками и мраморными балконами.

И лодки тоже: раскрашенные, сверкающие гондолы качались на воде рядом с гнилыми суденышками.

– Здесь нету бедняцких кварталов, – пояснила Кларисса в ответ на мой вопрос. Здесь совсем не так, как в Париже. Здесь бедный живет рядом с богатым, совсем близко. Здесь и в голову никому не придет сжигать во имя революции дворцы богатых, потому что это уничтожит и лачуги бедных.

Мы подошли к колодцу для сбора дождевой воды, который стоял посреди церковной площади. Вокруг колодца собрались женщины, чтобы начерпать воду, и для большинства из них, похоже, это была хорошая возможность поболтать. До нас уже доносились болтовня и смешки.

Кларисса наполнила ведро, которое взяла с собой, перекинувшись парой фраз с несколькими женщинами.

Я заметила, что привлекаю любопытные взгляды, и порадовалась, когда мы направились прочь.

Мы несли полное ведро вместе, чтобы было легче. Через некоторое время я взяла его сама, в конце концов, я была гораздо выше и сильнее, чем хрупкая Кларисса.

– Тебе приходится каждое утро носить воду? – спросила я.

– Кто-то должен этим заниматься. Матильде и так приходится тащить на себе кучу забот, и, кроме того, проснувшись, она должна позаботиться об утренней трапезе.

– Как недавно с колбасой?

Кларисса хихикнула и кивнула.

– А Якопо тоже не может носить воду, потому что у него нет половины правой ноги.

– Бог ты мой, – потрясенно сказала я.

– Он потерял ее в последней войне с Турцией. Кроважадный осман отрубил ее своей кривой саблей.

Я ярко представила себе это, и мне стало дурно.

– К тому же, он прекрасно слышит, – поведала мне Кларисса. – Он делает вид, что глухой, чтобы не приходилось вникать в вечное ворчание Матильды. Но не показывай, что ты это знаешь, потому что тогда ему придется за это поплатиться и он будет на нас зол.

– Пару часов я смогу потерпеть, – пообещала я.

Она посмотрела на меня сбоку, отстраненно, будто хотела возразить, но промолчала. Я уступила дорогу какому-то мужчине, который вел на веревке козу, а через пару метров чуть не упала в канал с перепугу, потому что на мостовой на корточках сидел попрошайка, который протянул мне усеянную язвами культю руки.

– Подайте по доброте душевной, милая девушка.

Я беспомощно замерла.

– У меня нет денег. Но могу предложить вам глоток воды.

– А чего покрепче нет?

– К сожалению, нет.

– Ну ладно, тогда давай воду.

Он расчетливо ухмыльнулся, глядя на меня снизу вверх, и здоровой рукой погладил меня по лодыжке, совсем не как калека.

– Милое дитя, подойди немного поближе, чтобы мне было легче пить.

Кларисса осыпала попрошайку ругательствами, от которых мое лицо залила краска. Я поспешно зашагала дальше. Надеюсь, Себастьяно не заставит себя долго ждать.

* * *

Завтрак состоял из стакана холодной воды, пары кусочков колбасы и слегка подсоленной массы непонятного состава в деревянной миске – Кларисса предположила, что это пшенная каша.

Колбаса пахла не так уж мерзко, но я не осмелилась ее есть. В ее оболочке могло скрываться что угодно, включая сальмонеллу. В конце концов, я точно знала, что эта колбаса ни разу не видела холодильника. И я сомневалась, что Матильда вымыла руки перед тем, как нарезать ее. Каша все-таки выглядела хорошо проваренной, и я, с некоторым усилием, сумела ее съесть.

Матильда никак не отреагировала на то, что я отказалась от части еды. Еще до того, как я покончила с кашей, она слопала и мою порцию колбасы.

Затем мы с Клариссой занялись мытьем посуды: сложив все в корыто, мы отдраили щетками тарелки, доски и столовые приборы (деревянные ложки и примитивные острые ножи; вилок нигде не было), а затем разложили их на полке рядом с очагом.

Потом Кларисса показала мне, как подмести метлой кухню и лавку, взбить постели в обеих спальнях, опустошить ночные горшки в ближайший

канал (для этого мне пришлось как следует собраться с духом) и проверить многочисленные мышеловки в доме и в саду. В одной из них оказаласьдохлаямышь, от вида которой пшенинная каша запросилась наружу. С большей охотой я принесла дрова для очага из сарая за домом, и затем Кларисса показала мне, как с помощью трута, кремня и огнива развести огонь в очаге. На цепочке над огнем висел внушительный железный чайник, в котором мы разогревали воду, чтобы помыть голову.

Якопо все это время сидел внизу за кухонным столом и строгал какую-то деревяшку. Время от времени он замечал нас за работой и дружелюбно улыбался.

Настроение Матильды тоже заметно улучшилось, она была явно в своей стихии, исполняя роль ловкой торговки зельями. В магазин приходило много покупателей, и пока мы с Клариссой переодевались в кухне, я невольно подслушала, как она с ними разговаривает.

– От боли в сердце для твоего мужа у меня есть новый рецепт, петрушка с уксусом, медом и вином. Действует превосходно, я испробовала это средство на Якопо!

Я заметила, как Якопо нервно огляделся и сделал вид, будто его сейчас стошнит.

– От сердечных страданий, которые случаются из-за грусти, советую, прежде всего, попробовать микстуру из журавельника, болотной мяты и душистой руты.

– Хм, твой отец все еще страдает от водянки? Хороший совет дорогого стоит. – Задумчивое молчание. – Я бы попробовала последнее средство – жевать гвоздику. Но она действует, только если ее съесть много, а это весьма недешево. Впрочем, тебе же для твоего старика-отца ничего не жалко? По крайней мере, мне так кажется!

Один за другим гости покупали всевозможные травяные настойки против учащенного сердцебиения, бессонницы, воспаления мочевого пузыря и кашля. А также мази против морщин, экземы, чесотки, ломоты, ночной потливости и импотенции.

О последней с покупателем разговаривали шепотом, за стойкой, но поскольку рядом находилась дверь на кухню, которая, к тому же, была лишь прикрыта, мы могли слышать каждое слово.

– Если ты дашь ему этот порошок, растворив его в подогретом вине, и добавишь ложку меда, чтобы скрыть вкус, он сможет трудиться всю ночь, как молодой бычок! Говорю тебе, каждый раз срабатывает! Мой Якопо превращается в похотливого сластолюбца!

Якопо с выражением мученика отложил свой нож для резьбы и

стукнулся лбом о стол. Я с трудом сдерживала приступ смеха.

Наша вода согрелась. Мы наполнили две деревянных бадьи, долили в них холодную воду и оттащили в сад. Затем Кларисса принесла чистые льняные полотенца и что-то вроде мыльного шампуня, который на удивление хорошо пах. Она рассказала, что сделала его сама из поташа и жира. В таких подробностях я совершенно не хотела это знать, но, по крайней мере, в составе был и экстракт лаванды, о которой я хоть что-то знала.

Мытье волос оказалось утомительным занятием. Нужно было намочить волосы в одной бадье и натереть их мылом, а потом полить на голову из второй чистой воду, пока все не отмоется. Я опустилась на колени перед бадьей, а Кларисса мне помогала. Под конец я вытерлась насухо льняными полотенцами, но несмотря на это, у меня был такой вид, будто я прогулялась под дождем.

Затем я повторила ту же процедуру для Клариссы, у которой волосы были немного длиннее. Мы уселись на солнце и принялись вычесывать друг у друга колтуны. Кларисса рассказывала мне, каким испытаниям подвергают себя некоторые венецианки, чтобы добиться красивых волос.

– Прежде всего, они хотят стать блондинками, – сообщила она. – Многие замачивают волосы в лимонном соке, чтобы они посветлели. Некоторые рассчитывают, что волосы выцветут на солнце. Чтобы защитить от солнца лицо, они надевают шляпку с широкими полями. При этом они прорежают в ней сзади большую дырку, чтобы волосы выглядывали наружу.

– Боже мой, какое расточительство, – сказала я с искренним потрясением. Сколько здесь можно было бы заработать, продавая что-нибудь от L'Oreal!

– В твоё время стать блондинкой намного проще, – предположила Кларисса.

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Я попыталась хотя бы кивнуть, но и это тоже не удалось.

– Попытайся моргнуть, если хочешь сказать «Да», – предложила Кларисса.

Я напряглась изо всех сил, но безуспешно.

Кларисса вздохнула.

– И так всегда. С этим ничего не поделать.

По её предложению мы разделись догола и вымылись оставшимся мыльным раствором с ног до головы. Перед этим я еще раз убедилась, что дверь в кухню закрыта, а стены двора достаточно высоки. Кроме того, я представила себе, будто нахожусь в общей душевой для девочек – это

помогло побороть стеснительность.

– А ты тоже оказалась голой, когда приземлилась в этом времени? – решила спросить я, пока мы одевались.

Кларисса ответила утвердительно и рассказала, как с ней это произошло. В одно мгновение она сидела на повозке, а в следующее уже увидела яркий свет, за которым последовали гром и тьма. Когда она снова пришла в себя, Бартоломео выдал ей чистую одежду и отвел к Матильде и Якопо.

– Все как у меня, – задумчиво сказала я. – Похоже, Бартоломео к этому заранее готовится. Но он не рассчитывал, что я буду обо всем помнить. Он из-за этого по-настоящему вышел из себя.

– И со мной так было, – с воодушевлением сказала Кларисса.

– Похоже, люди часто попадают сюда из других времен, – предположила я. – Но не все из них помнят, что произошло. Много ли людей, которых таким вот образом сюда занесло?

– Мы можем спросить об этом Себастьяно, – предложила Кларисса.

Дверь, ведущая в кухню, отворилась, и из нее высунулся Якопо.

– К дамам прибыл гость! – крикнул он.

Кларисса тут же заволновалась.

– Он здесь!

Она побежала в дом, и я последовала за ней, так быстро, как могла.

* * *

В лавке я налетела на нее, потому что она остановилась, словно пригвожденная к месту.

– Он не пришел! – жалобно воскликнула она.

– Нет, к сожалению, нет, – сказал Бартоломео. Он стоял посреди комнаты, а Матильда бросала на него подозрительные взгляды, возвышаясь за прилавком, как женщина-вышибала. Рядом с Бартом стояли две покупательницы, которые с интересом рассматривали его, из-за чего он явно чувствовал себя неловко. Барт переминался с ноги на ногу, и по нему было видно, что он предпочел бы оказаться где-нибудь еще.

– Ты же обещал! – крикнула Кларисса.

Я с испугом заметила слезы в ее глазах. Мне стало жалко ее, хотя ее чувства не шли ни в какое сравнение с моей собственной паникой.

– Где же он тогда? – спросила я. – Ты же сказал, что он придет сегодня, чтобы забрать меня!

– Этого я не говорил, – справедливо возразил Барт. – Я сказал, что приложу все усилия, чтобы доставить его сюда сегодня.

Очевидно, приложенных усилий оказалось недостаточно, потому что Себастьяно не появился. Зато Барт явно позаботился о своем внешнем виде. Он выглядел намного лучше по сравнению с прошлой ночью. На нем были белая рубашка, тщательно отглаженная жилетка и облегающие штаны, которые подчеркивали его мускулистые ноги и выглядели весьма аккуратно. И он побрился. При свете дня и без мелкой поросли на подбородке он выглядел вполне неплохо.

Я увидела, как он краем глаза наблюдает за Клариссой, и от моего взгляда не ускользнули его покрасневшие щеки.

Ага, подумала я. Да он на нее запал! А она готова выплакать глаза, потому что этот Себастьяно никак не явится!

По ее лицу побежали слезы.

– Я так надеялась, что в этот раз он придет! – всхлипывала она.

– Не грусти, – уныло сказал он. – У тебя же есть я! Я позабочусь о тебе, если ты хочешь! Ты всегда можешь поговорить со мной!

– А ты умеешь то же, что и он? – спросила она глухим от слез голосом.

– Нет, – ответил он. – Но если тебе станет легче, ты всегда можешь поговорить со мной.

Громко рыдая, она покачала головой и убежала обратно во двор.

– Всегда, когда вы приходите, получается скандал! – возмутилась Матильда. – Может, вам вообще лучше держаться отсюда подальше! – Она тут же перебила себя: – Но, конечно, только до тех пор, пока не кончится сумма вознаграждения за проживание и прокорм этих двух вечно голодных ртов.

Бартоломео опустил голову и собрался уходить.

– Минутку, – сказала я. – А что теперь будет со мной?

– Наверное, ты будешь ждать Себастьяно, – отрывисто буркнул он.

– О котором никто не знает, появится ли он вообще или нет?

Он только пожал плечами и направился к двери.

Это не может быть правдой! Я поспешила следом за ним – он уже выходил на улицу.

– Подожди! Что мне сейчас, по твоему мнению, следует делать?

Матильда услышала мои слова и тут же высказала предложение:

– Можешь почистить горшки.

– Хорошо, – соврала я. – Я только пойду... принесу чистой воды.

Я торопливо схватила ведро и выбежала на улицу, чтобы проследить за Бартом.

Он поспешно шагнул прочь, глядя прямо перед собой. Последнее меня вполне устраивало, потому что я могла следовать за ним так, чтобы он меня не заметил. Время от времени, когда он поворачивал или пересекал большую площадь, я на всякий случай прижималась к дверям домов или пряталась под арки, чтобы он не увидел меня краем глаза.

Сложнее всего пришлось, когда мы пересекали мост Риальто. Во всяком случае, я предполагала, что это мост Риальто, потому что увидела на привычном месте дворец Фондако-деи-Тедески, в котором в мое время находилось главное отделение почты, а в этом веке – немецкий торговый двор. По крайней мере, такие сведения задержались в моей памяти после экскурсии. Сам мост выглядел совершенно иначе, он был целиком из дерева, из чего я заключила, что где-то в промежутке между сейчас и тогда будет построен новый.

По обеим сторонам канала царила неопишуемая давка. Видимо, сегодня был базарный день, потому что на расставленных повсюду прилавках торговали чем угодно – продуктами, одеждой, мелочами для дома, свежеприготовленными блюдами. От вкусного запаха жареного у меня пошла слюна, но лишь до той поры, пока его не перебила ощутимая вонь: прямо под мостом была пришвартована большая лодка, и многочисленные мужчины опрокидывали в нее бочки с каким-то склизким грузом, в котором мелькнула пара дохлых крыс. Похоже, это была местная служба вывоза мусора.

В следующий момент я замерла на месте, проклиная себя на чем свет стоит. Я позволила себе отвлечься! Барт исчез! Через несколько наполненных ужасом секунд я снова заметила его. Он шел в сторону площади Сан-Марко, и я крадучись двинулась следом за ним, потя, тяжело дыша, с колотящимся сердцем.

Все время я молилась, чтобы он не решил внезапно остановиться у берега одного из каналов и сесть в одну из многочисленных гондол, потому что на этом моей слежке пришел бы конец. Однако, к моему облегчению, этого не произошло. Его путь окончился в небольшом переулке прямо за базиликой. Там он остановился перед магазином, на двери которого висела табличка. Она выглядела так же, как в будущем, когда я заходила туда с Маттиасом. Только теперь я, благодаря новообретенным переводческим способностям, могла прочесть, что на ней написано:

«Маски и костюмы».

Я подождала, замерев у начала улицы, и увидела, как Барт вошел в магазин и закрыл за собой дверь. Я внимательно рассматривала здание. Оно выглядело иначе, чем в мой прошлый визит: не было витрин с выставленными в них товарами, только искусно раскрашенная вывеска, а для тех, кто не умеет читать, – маска, которая висела над колотушкой на верхнем дверном косяке.

Невероятно, как долго просуществовал этот магазин! Даже еще дольше, чем кафе «Флориан» на Пьяцце, а оно было прямо-таки древним. Венецианцы и правда ценили традиции! И что за странное стечение обстоятельств – Барту тоже здесь что-то понадобилось.

Я нерешительно постояла у двери, не зная, стоит ли постучаться или просто войти, чтобы призвать Барта к ответу.

Наконец, я предпочла более вежливый вариант и взялась за дверную колотушку в форме львиной головы.

Я подождала, а затем постучала еще раз. Когда я уже испугалась, что никто не откроет, потому что Барт и все остальные давно сбежали через заднюю дверь, послышались шаги. В следующую секунду я оказалась лицом к лицу с человеком, который вытащил меня из Гранд-канала в красную гондолу и забрал с собой в прошлое.

Себастьяно заметно испугался, увидев меня. Прямо бальзам на душу.

– Удачно, что ты оказался дома, – непринужденно сказала я. Получилось бы еще круче, если бы мне не приходилось держать в руке нелепое и громоздкое деревянное ведро.

– Кто здесь? – послышался из глубины помещения голос Барта.

– Угадай с трех раз, – сказал Себастьяно. – Тебе следует почаще оглядываться, друг мой.

Я уже была готова отпустить какое-нибудь нахальное замечание, но тут мне пришло в голову, что лучше попытаться наладить с этим парнем хорошие отношения. В конце концов, в его распоряжении была машина времени – если я все правильно поняла.

– На самом деле я не хотела никого беспокоить, – объяснила я. – Я просто хотела заглянуть ненадолго. И спросить тебя, не найдется ли у тебя крошечная минуточка для меня, – я высоко подняла палец. – Только одна, правда. Чтобы обсудить всю... процедуру. Сам понимаешь, о чем я.

Барт высунулся из-за спины Себастьяно. Увидев меня, он с беспокойным видом исчез снова.

– Проклятье, – сказал он. – Это моя вина.

– Ну ладно, – сказал Себастьяно. Он вышел на улицу. – Я отведу ее обратно.

– О, отлично, – с облегчением сказала я. Наконец-то! Домой! Больше меня ничто не интересовало. Завтра все это окажется лишь дурным сном. Я буду рассказывать Ванессе в ICQ, как упала в канал и у меня от вонючей воды случились уморительные галлюцинации. От души представив себе эту картину, я сама поверила, что эта история мне только привиделась и все будет хорошо.

Идя рядом с Себастьяно, я украдкой рассматривала его. В отличие от Барта, он не стал прихорашиваться или бриться. Ясное дело, он не планировал никого впечатлять. На нем были те же потертые обтягивающие штаны, что и вчера. Он надел длинную рубашку и кожаные остроносые ботинки. Волосы свисали до плеч спутанными прядями, а из-за трехдневной щетины он казался таким же опасным типом, как тогда, когда подрался с хозяином того ножа. Я бросила быстрый взгляд на его пояс и убедилась, что он по-прежнему носит свой трофей.

Я откашлялась.

– Я не сержусь на тебя за то, что ты столкнул меня в канал, – сообщила я ему. – К тому же, в конце концов, ты меня оттуда вытащил. Так что будем считать, что ты загладил вину. Если можно так выразиться. Ладно, но потом ты меня каким-то образом притащил сюда, против моей воли, позволю себе заметить. Но я исхожу из того, что в этом не было умысла. Так что на это я тоже не злюсь. Ну да, я оказалась голой и перепуганной до смерти, а ты просто смылся, бросив меня в этой зеленой лавке. Но я и тут предполагаю, что у тебя не было злого умысла. Поэтому просто забудем об этом. Я говорю себе: забудь, Анна. Что было, то прошло. Главное, чтобы ты вернул меня назад, и дело в шляпе.

Я говорила и говорила, слова лились водопадом, хотя чтобы сказать то, что я хотела, хватило бы одного предложения. Но я не могла держать все это в себе. Я была в восторге оттого, что могу говорить все, что хочу, и слова не превращаются неизвестно во что и не застревают в горле.

– Айпод, – говорила я. – Мобильник. Компьютер. Кино. Попкорн. Кола. «Девочки Гилмор», – я восторженно хихикала и не могла остановиться. – Леди Гага. «Wonderbra».

Затем я заметила, что моя болтовня не очень соответствует настроению Себастьяно. Точнее говоря, он смотрел на меня весьма обиженно.

Я еще раз откашлялась и попыталась говорить с серьезным выражением лица.

– ЮНИСЕФ, – сказала я. – Фонд дикой природы. Гринпис.

Я тактично помолчала несколько секунд, а затем дружелюбно

заговорила снова:

– Ты из какого-то спецподразделения по защите времени, или что?

Его угрюмый вид сменился широкой ухмылкой, от которой у меня в районе живота словно распустился какой-то напряженный узел.

Внезапно он показался мне похожим на Орlando Блума в роли Уилла Тернера, только на пару лет младше.

– Конечно, у тебя полно забот со всеми этими путешествиями во времени, – продолжила я. – Опасные операции по борьбе со злодеями и все такое. А чем именно ты занимаешься?

Его улыбка мгновенно исчезла.

– Об этом я ничего не могу тебе рассказать.

– Понимаю, – сказала я. – Барьер.

– Что?

– Ну, этот блок. Что люди не могут выдать ничего тем, кто родился в предшествующие эпохи. Например, как у нас с Клариссой. А ты ведь прибыл из моего будущего. – Это казалось мне невероятно волнующим. Я бы охотно расспросила его, изобрели ли когда-нибудь аппарат, который помогает выучить иностранные слова. Или шоколадку, которую можно есть и не бояться прыщей. А также удалось ли человечеству установить мир во всем мире.

– Я предполагаю, Барт – это кто-то вроде местного помощника, – сказала я. – Кстати сказать, он положил глаз на Клариссу. Это я сказала только на случай, если ты не знаешь. По сути, хорошо, если он сможет о ней позаботиться. Она ведет у Матильды невероятно скучную жизнь, особенно если учесть, что она благородного происхождения. А она и правда оказалась бы на гильотине, если бы в последний момент не переместилась во времени?

– Ради бога, что она тебе рассказала? – перебил Себастьяно, нахмурившись.

Я неуверенно посмотрела на него.

– Ну, все с того момента, как она сидела в повозке, везущей ее к эшафоту...

– При случае можешь спросить ее, как все было на самом деле.

– Надо понимать, что она мне наврала?

Он пожал плечами.

– Это ты сама должна у нее выяснить.

Я решила спросить ее об этом напрямик. Все равно я скоро уберусь отсюда.

Мы дошли до Гранд-канала. У моста Риальто я остановилась и

пристально посмотрела вдоль набережной.

– А где красная гондола?

– Ее здесь нет.

– Мы будем ее ждать?

– Сегодня она не придет.

Я уставилась на него.

– Что? А когда она появится?

– Только при повороте луны. То есть через две недели, когда будет новолуние.

– Это значит, что мне придется остаться здесь еще на две недели? – в ужасе спросила я.

Он пожал плечами и не сказал ни слова.

– Но ты же хотел отвести меня домой, – выпалила я.

– В лавку зелий, – сказал он. – Не сомневайся, пока что твое место именно там.

Я готова была закричать от огорчения. Или, по крайней мере, спихнуть в канал это жалкое подобие Орlando, чтобы он сам попробовал, каково это.

Вместо этого я в ярости швырнула в воду дурацкое ведро.

– Это должно означать, что теперь я тут буду две недели сидеть на месте?

Он снова пожал плечами – похоже, это был его универсальный ответ на все вопросы.

Я взяла себя в руки, чтобы не допустить больше всплесков ярости. Как бы он ни выводил меня из себя – этот человек теперь необходим для моего возвращения. Я только наврежу себе, если на него накричу. Или спихну в канал.

Мы напряженно пошли дальше. Себастьяно держался на расстоянии метра от меня, возможно, он читал мои мысли. А я ведь все ему доверяла.

Следующий вопрос вертелся у меня на языке, но я не произнесла его. Виной этому оказался не мой гнев, а незванный слушатель.

– Ваша кадка! – крикнул мальчишка у меня за спиной. – Мадонна [\[12\]](#), вы потеряли вашу кадку! – Оборванный малец лет шести или семи, спотыкаясь, подошел к нам, обхватив обеими руками ведро, с которого капала вода. – Пожалуйста, вот она.

На его веснушчатом лице застыло выражение вежливости. Я охотно вознаградила бы его за то, что он принес мне ведро, но в своем нынешнем положении я могла отплатить ему только улыбкой и дружелюбным «спасибо».

Себастьяно был более великодушен. Из кошелька, который он носил

на поясе рядом с кинжалом, он достал монетку и протянул мелкому.

– Вот, за труды.

Мальчишка ответил ему щербатой улыбкой и вихрем умчался прочь.

Я озабоченно смотрела ему вслед. В мое время он был бы в школе или детском саду. Или на детской площадке, в сопровождении своей мамы.

– Он ни разу не был в школе, – сказала я. – И ты видел, какой он худой?

– Такова эта эпоха, – холодно ответил Себастьяно. – Это называется бедностью. Часто все, что есть у людей, – то, что на них надето.

– С этим и правда нужно как-то бороться, – сказала я. – Прежде всего, людям со средствами, которым следует быть более щедрыми.

Он лишь покосился на меня, а затем снова сунул руку в кошелек и вытащил пригоршню монет. Я растерянно рассматривала незнакомые мне деньги.

– Что мне с ними делать?

– У тебя тоже нет ничего, кроме того, что на тебе надето, и я принял на свой счет твои слова насчет щедрости.

– О, – сказала я, разрываясь между желанием швырнуть деньги к его ногам и пониманием, что немножко наличности мне не повредит. В итоге разум одержал верх над гордостью. В конце концов, именно из-за Себастьяно я и оказалась в таком положении. По сути, это было не подаяние, а честно заслуженные небольшие средства на проживание. Невозможно предугадать, когда мне могут срочно понадобиться эти деньги.

– Большое спасибо, – высокомерно сказала я. – Конечно, я расплачусь, как только снова окажусь дома. То есть максимум через две недели.

В молчании мы преодолели оставшийся путь. Я ощутила, как во мне нарастает страх. Что, если меня постигнет участь Клариссы и я не вернусь? Что, если события, которые до сей поры казались мне примитивным и грубоватым, но все-таки увлекательным приключением, теперь обернутся чем-то серьезным? Нет, пообещала я себе, об этом я даже думать не буду!

Чтобы хоть частично оправдать мою прогулку в глазах Матильды, я набрала воды из того же колодца, у которого утром побывали мы с Клариссой. Снова на меня смотрели со всех сторон, но примерно столько же любопытных взглядов привлекал и Себастьяно.

Когда мы подошли к лавке Матильды, я с подчеркнутой вежливостью спросила Себастьяно, не хочет ли он зайти, но он, как я и ожидала, отказался.

– Матильда не слишком хорошо ко мне относится, она считает, что это я навлек на Клариссу несчастье. А Кларисса... – он сделал паузу. – Нас

ждут только бесконечные споры.

– Из-за чего?

– Касательно ее нынешней жизни. – Он пожал плечами. – Но она должна жить так, я не могу ничего изменить, как бы ей ни хотелось иногда в это верить.

Из лавки вышла покупательница. Сквозь открытую дверь меня заметила Матильда.

– Чего это ты стоишь тут и ворон считаешь? – крикнула она.

– Уже иду! – крикнула я в ответ.

– Я снова вернусь к новолунию, точно к третьим колоколам [\[13\]](#), – сказал Себастьяно, уходя. – Не ищи меня больше, в ближайшее время меня здесь не будет, – и с этими словами он скрылся за углом.

Я пообещала Матильде немедленно почистить горшки, но в первую очередь бросилась на поиски Клариссы. Она оказалась в садовой пристройке, где с раздраженным видом смахивала со столешницы перемолотые травы.

– Где ты была? – спросила она.

– Ходила за водой.

– Тебя долго не было. Заблудилась?

– Нет, я пошла за Бартоломео, потому что хотела с ним поговорить.

– И что, ты его поймала? Удалось с ним поговорить? Что выяснила?

– Себастьяно придет сюда через две недели, потому что будет новолуние. А раньше мне домой никак не попасть. – Я вопросительно посмотрела на нее. – Ты знала?

Она пожала плечами.

– Да, конечно. Это как-то связано с приливами и отливами – когда можно путешествовать, а когда нет.

– Почему ты мне не сказала? Я и правда думала, что смогу сегодня попасть домой! Почему ты дала мне надежду?

– Из осторожности. Ты была так напугана. Я не хотела, чтобы тебе стало еще хуже.

Объяснение показалось мне не очень убедительным, но я решила не спорить. Намного сильнее мне хотелось прояснить другой вопрос. Вот только я не знала, как к нему подойти, не дав ей понять, кто меня сюда привел. Себастьяно упомянул, что она сказала мне неправду о своем путешествии во времени, и я решительно хотела узнать больше.

Раздумывая над подходящей формулировкой, я наблюдала за тем, как она работает. На длинном столе были разложены многочисленные приспособления. По виду большинства из них я могла догадаться, для чего

они используются, но о других мне оставалось только гадать.

– Что это? – я указала на большой стеклянный шар с многочисленными выпуклостями и трубками.

– Аламбик ^[14]. Его используют для дистилляции.

– Ты имеешь в виду, чтобы сделать крепкий алкоголь?

– Не только, – Кларисса коротко хихикнула, и я с облегчением обнаружила, что к ней возвращается хорошее настроение. – Нам он нужен, чтобы делать духи. Но принцип тот же.

Она объяснила мне, для чего нужны различные устройства. Там были емкости для измерения и смешивания, склянки с реагентами, изогнутые ножи для рубки зелени и ступки для измельчения компонентов, мельницы для пряностей, кухонные доски, лопаточки и ложки всевозможных размеров, весы и многочисленные песочные часы. Над рабочим местом, как и в лавке, висели связки трав, которые источали приятные и неприятные запахи. На противоположной стене крепилась широкая полка, сплошь заставленная мешочками, деревянными ящичками, глиняными тиглями и бутылками. В части из них были готовые товары, а в части – нужные компоненты, объяснила Кларисса. Вместе с Матильдой они производили здесь все, что может понадобиться для здоровья и красоты. Весь год у них было множество дел, связанных не только с продажей, но и с производством. Они плавали на лодке на материк, чтобы собрать определенные растения, и ходили к торговцам, чтобы заполучить экзотические пряности или редкие минералы. Иногда для изготовления лекарств и косметики использовались свежие растения, а иногда их предварительно высушивали, а затем перемалывали, варили, толкли или перегоняли. Жир растапливали и очищали, душистые эссенции разбавляли и смешивали, пряности и минералы отмеряли в мельчайших дозах.

Кларисса охотно демонстрировала разные изделия и объясняла все тонкости.

– Мне внезапно показалось, что ты занимаешься всем этим с удовольствием, – сказала я.

– Это правда. А почему нет?

– Потому что ты из благородного дома. Вряд ли пахать весь день и позволять собой командовать – обычное дело для тебя.

Ее щеки едва заметно покраснели.

– Честный труд еще никому не навредил.

– В отличие от французской революции, – заметила я и немного помедлила. Внезапно я совершенно точно поняла, что в ее лице казалось мне странным. И решила не тянуть кота за хвост. – Мне тут пришло в

голову кое-что любопытное. Как ты могла сидеть на повозке в Париже, а затем в одно мгновение объявиться здесь, в Венеции?

Муки совести отчетливо отразились на ее лице. Я выстрелила наугад и попала.

– Ты явно была не в Париже, когда это произошло, – сказала я напрямую. – Ты была здесь, в Венеции, как и я.

Она не пыталась возражать.

– На самом деле ты вовсе не из Франции? – спросила я.

– Определенно из Франции, – с оскорбленным видом сказала она. – И я правда дворянка!

– Ты и правда видела, как казнили короля и Марию-Антуанетту?

Она старательно избегала моего взгляда.

– К тому моменту я уже сбежала из Парижа, – добавила она. – Якобинцы казнили множество людей, а для обвинения хватало, чтобы человек был из дворян и жил в красивом доме.

– На фонарях, – пробормотала я. Небольшая бессмысленная деталь с уроков истории, о которой я вдруг вспомнила.

– Совершенно верно, так они и делали. Или стали бы делать, когда до этого дойдет. Еще до кровопролития я сбежала с друзьями в Венецию. У одного из них были здесь родственники, нам оказали дружеский прием, хотя французов в мое время в Венеции не очень любили. Мы взяли с собой достаточно денег, чтобы вести красивую жизнь. Здесь мы были уверены, что революция – далеко. Мы праздновали, устраивая маскарадные балы ночи напролет! Ах, венецианский карнавал в мое время, это был бесконечный праздник!

Я попыталась сообщить ей, что вскоре праздники начали бы радовать ее куда меньше, потому что в Венецию вторгся Наполеон и Франция прибрала ее к рукам. Так было написано в путеводителе. Точная дата мне не запомнилась, цифры просто не задерживались у меня в голове, будь то математика или история. Но это было в тысяча семьсот девяносто каком-то году. И еще Наполеон запретил карнавалы. Но барьер не дал мне об этом заговорить.

– Я честно тебе во всем признаюсь, – тихо сказала Кларисса, пристыженно склонив голову. – Когда это случилось, я праздновала карнавал здесь, в городе. Всю ночь.

– Ну надо же! – озадаченно сказала я. – Расскажи мне об этом!

Она пошла на бал-маскарад, как и почти каждый вечер в период карнавала. Вместе с друзьями и парой музыкантов они сели в лодку, чтобы продолжить праздник на воде.

– Мы отправились гулять по Гранд-каналу в богато украшенной барке. Огромный разноцветный фейерверк на Пьяцце осветил небо над всем городом. Повсюду играла музыка, мы смеялись, пели, шутили и наслаждались жизнью. На мне было чудесное платье из крепдешина, сверху донизу отделанное буранскими кружевами. Бурано – это остров в Венеции, который славится своими уникальными кружевами, – дополнила она.

– Знаю, я уже там была. Рассказывай дальше!

– Также на мне был парик, как было модно в мое время, высокий и с чудеснейшими украшениями. Парикмахер даже вплел в прическу клетку, в которой сидела маленькая птичка.

– Настоящая? – недоверчиво спросила я.

– А как же. Она беспрестанно чирикала, это был настоящий успех, по последней моде! – Кларисса немного помолчала. – Ты выглядишь такой удивленной, – сказала она. – Ты сильно злишься на то, что я тебе врала?

– Нет, это из-за птички, – честно призналась я. – Животным тоже больно, и так далее. Зачем тебе вообще это понадобилось? Я имею в виду, обманывать меня?

Она сокрушенно посмотрела на меня.

– Потому что я не хотела, чтобы ты подумала обо мне плохо.

– Что именно? – потрясенно спросила я.

– Что я декадентка. Ни о чем не думающая любительница удовольствий. Что я сбежала и устремилась навстречу карнавалу, пока на родине разоряли Тюильри, а мои родственники шли на эшафот за свои роялистские убеждения.

– А что же тебе оставалось? Дать обезглавить себя вместе с остальными из солидарности?

– Может, так и случилось бы, – призналась она. – Но все-таки я повела себя эгоистично и неблагородно.

– Расскажи мне еще, как ты оказалась на красной гондоле, – попросила я.

– Это была глупая оплошность. Я упала с барки в канал. Парик в считанные мгновения пропитался водой, и я рисковала утонуть. Поскольку он был надежно прикреплен к моим волосам, я не могла сама стряхнуть его со своей головы.

– Птичка утонула? – спросила я.

– Нет, она смогла улететь, когда кто-то схватил меня за волосы – точнее за парик – и вытащил из воды.

– Дай угадаю. Этим «кем-то» был Себастьяно.

– Нет, другой человек. Он сидел в красной гондоле, а у весла был одноглазый старик.

– Не понимаю! – сказала я. – Ведь я его тоже видела!

Все остальное происходило совершенно так же, как и у меня. Человек, который втащил ее в красную гондолу, начал нервничать и приказал старику тут же править к берегу, чтобы высадить Клариссу.

– Гондола пристала к берегу, но прежде чем я успела сойти на землю, случилось что-то вроде грозы, – рассказала Кларисса. – Я сначала подумала, что передо мной взорвался один из фейерверков, повсюду были эти серебристые вспышки и ослепительный свет. Затем раздался ужасный грохот и все потемнело. – Она покорно закончила рассказ. – Когда я снова пришла в себя, стояла ночь. Я была голой, мое прекрасное платье пропало, как и все остальное.

Дальнейшее я уже знала. Хотя она пока не сказала, почему ей не удалось вернуться.

Пыхтя, явилась Матильда и сообщила, что пора обедать. Предполагалось, что мы, ленивые создания, могли бы, наконец, взяться за готовку.

* * *

Следующие две недели прошли быстрее, чем я поначалу боялась. Почти не оставалось времени терзаться унылыми мыслями, потому что Матильда не давала нам расслабиться.

Мы вставали с первыми колоколами, хотя я всегда не прочь поспать подольше. Матильда была неумолимой надсмотрщицей. Мало кто осмеливался роптать против ее властной манеры, потому что чем дольше длился спор, тем яростнее и упорнее она ругалась на смельчака.

В сарае, который был своего рода мастерской и назывался *оффициной*, всегда было полно дел. Кларисса объяснила мне самые важные моменты работы, и я под ее присмотром выполняла всевозможные вспомогательные задачи, от сортировки и связывания свежих трав до измельчения пряностей и чистки и наполнения сковородок. Параллельно я узнала от нее, как закупоривать стеклянные или глиняные емкости вощенной тканью, как из высушенных цветов, масла и других компонентов варить мыло и как из меда, шалфея и тимьяна сделать сироп от кашля.

Стоя в душном и теплом сарае, мы трудились час за часом, причем работе не было конца. Уже через несколько дней я спросила, как Кларисса

до моего появления справлялась со всеми обязанностями.

Матильда при этом тоже не лентяйничала. За исключением перерывов, когда она заходила на кухню, чтобы заправиться едой, почти весь день она стояла за прилавком. Иногда с покупателями общалась Кларисса. Тогда Матильда надевала свой парадный чепец и отправлялась к различным торговцам покупать исходные материалы, такие как масло, говяжий сыр, уксус или минералы. Из-за нехватки места сама она не могла хранить много необходимых компонентов. Так или иначе, ее товары все равно можно было изготавливать только в ограниченном количестве, потому что многое очень быстро портилось. Особенно мази и кремы быстро протухали на летней жаре.

Кларисса привлекла меня и к работе по дому. К мышам, которые то и дело шмыгали по углам, привыкнуть было невозможно, но со временем я научилась, по крайней мере, не каждый раз громко вскрикивать, когда, подметая в доме, замечала, как что-то шерстяное отпрыгивало от метлы.

Белье нужно было относить на стирку и глажку. Эти утомительные заботы брала на себя живущая по соседству вдова – Кларисса объяснила мне, что это настоящая роскошь. Первые два года после прибытия стирка входила в ее обязанности, но потом Матильда сообразила, что может повысить прибыль, обучив Клариссу помогать в оффисине, вместо того, чтобы заставлять ее стирать и гладить с утра до ночи.

Матильда надеялась, что я стану образцовой кухонной феей, но вскоре она убедилась, что я – худшая стряпуха всех времен. Дважды я пыталась сварить пшеничную кашу. В первый раз результат был похож на грудку раскрошившегося цемента, во второй раз – я продержала ее на огне подольше – на грудку раскрошившегося угля. С тех пор я изо всех сил увиливала от готовки.

К тому же, оказалось, что с некоторыми ингредиентами я просто не могу примириться, например, с мертвыми курами, которых нужно было сначала ощипать и выпотрошить. Или с рыбами, у которых были глаза, плавники и чешуя.

Иногда мне казалось, что Матильда с радостью выставила бы меня за дверь, потому что я оказалась настолько бесполезной и беспомощной на кухне. Но, хотя она явно с трудом скрывала гнев по поводу моих отсутствующих кулинарных талантов, все-таки она ограничивалась обычными ругательствами и удовлетворялась той пользой, которую я могла принести в других делах. Возможно, она утешалась мыслью о деньгах, которые Барт заплатил ей за мое проживание.

Даже если еду готовила не я, к ее вкусу еще нужно было привыкнуть,

и если бы голод не вынуждал меня ею давиться, я бы с радостью отказалась от здешней пищи. По утрам обычно была пшенная каша, иногда какое-то подобие блинов, запах которых тоже вгонял в тоску. К обеду обычно на столе стояли макароны, которые имели примерно такую же консистенцию, как утренняя каша. Из овощей чаще всего на столе появлялись чечевица или фасоль, которые подавались с рыбой, салом или колбасой, разваренными до состояния густого супа. Похоже, эта еда нужна была в первую очередь чтобы насытиться. Вкус был второстепенным.

При одной только мысли, что шоколад изобретут приблизительно через четыре столетия, мне хотелось развеяться от жалости к бедным людям пятнадцатого века.

Тем не менее все это было сущей мелочью по сравнению с тем, в каком жалком состоянии находилось здравоохранение. Почти каждый день в зеленую лавку приходили больные или их родственники, и то, что я за короткое время уловила из их жалоб, потрясло меня до глубины души. Люди постоянно стояли одной ногой в могиле. Заражение крови, сухой кашель, болезненный понос или просто сильная боль в животе – иногда через несколько дней кто-то из семьи больного возвращался и сквозь слезы извещал нас, что все молитвы и лекарства не помогли.

Вряд ли кто-то из этих людей умер бы в двадцать первом веке, но здесь не было ни пенициллина, ни операций по удалению аппендикса.

Еще более подавленно я себя почувствовала, когда узнала, как часто женщины умирали во время или после родов. Дважды за одну неделю я видела, как растерянные родственники стояли в магазине Матильды и оплакивали свое горе. К моему удивлению, Матильда в подобных случаях вела себя совсем не так, как обычно, и разговаривала с ними весьма сочувственно, не выказывая ни недовольства, ни неприязни. Однажды она взяла за руку плачущую женщину, потерявшую двух сыновей во время недавней эпидемии чумы, дочь которой теперь умерла в родах.

Кларисса рассказала мне о чуме.

– Эпидемия то и дело возвращается в город, в некоторые годы она особенно сильна, и тогда всех охватывает страх. Больных собирают и отвозят на остров проклятых, где большинство и умирает.

Я в страхе вспомнила о массовом захоронении на чумном острове, про которое мне рассказывал отец. Слава богу, я скоро буду дома!

Если не обращать внимания на многочисленные примитивные ограничения, дни до следующего поворота луны шли монотонной чередой, то одна работа, то другая, а потом еще больше работы, с перерывом на различные заботы, например, ежедневное хождение за водой к источнику

или еженедельные покупки на большом рынке у Риальто.

Дважды мне удавалось скрыться и я приходила в магазин масок за базиликой, но его дверь была закрыта и никто не отвечал на мой стук.

Каждые несколько дней мы с Клариссой мыли голову во дворе, а затем обливались мыльным раствором, насухо вытирали друг друга полотенцами и сидели на солнце. Однажды я так уснула и мне приснилось, будто я лежу на пляже.

Постепенно становилось все холоднее – мыться было уже не так приятно, и нам приходилось управляться побыстрее.

Несмотря на это, я пыталась по возможности держать свои вещи в чистоте – с меня хватало того, что я день за днем ходила в одной и той же одежде и вскоре приобрела соответствующий аромат. При этом меня не утешало, что мои соседи тоже пахли не слишком хорошо; особенно сильный запах источала Матильда. В этом она несильно отличалась от большинства других людей, которые попадались на моем пути в этом времени. Ни геля для душа, ни стиральных машин, ни дезодорантов. И никакого слива в туалете. Прошное дурно пахло в худшем смысле слова.

Поначалу я постоянно задерживала дыхание, но несколько дней спустя научилась героически переносить вонь, а на вторую неделю уже почти ее не замечала.

Кларисса одолжила мне кое-что из своего белья, чтобы мое можно было отдать в стирку. Впрочем, после стирки оно не стало сильно чище. Пару раз я собиралась купить себе сменную одежду, но потом подумала, что через пару дней она мне уже не понадобится. Я планировала перед отбытием передать Клариссе деньги, полученные от Себастьяно, потому что взять с собой их я не могла. А ей бы онигодились, чтобы исполнить какое-нибудь свое желание. Матильда явно ограничивала ее в средствах – что касается карманных денег – точнее говоря, она не получала вообще ничего, разве только что-нибудь из одежды или новую обувь, раз в год, и только тогда, когда старая уже безнадежно изорвется. В сравнении с прошлой жизнью, когда она еще могла одеваться в шелк, бархат и кружева, здесь она жила словно Золушка. Но каждый раз, когда я заговаривала об этом, она становилась на редкость молчаливой. Я предполагала, что она не хочет вспоминать о прекрасных временах роскоши, чтобы жизнь здесь не казалась ей еще более угнетающей и безнадежной.

Чтобы выяснить, сколько стоят монеты, которые дал мне Себастьяно, я пару раз просачивалась в лавку вместе с Матильдой и делала вид, будто сосредоточена на подметании пола, а сама тем временем наблюдала, сколько монет переходят через прилавок. При первой возможности я

спросила Клариссу о различных монетах и узнала, что можно купить за *сольдо*, *лиру трон* или *марчелло*. Дороже всего стоили дукаты, потому что они были золотыми. На этом основании я решила, что Себастьяно вручил мне небольшое состояние, в основном из золотых и серебряных монет, которых хватило бы, чтобы скупить всю лавку трав. Кларисса смогла бы закупить себе целый сундук новой одежды и обуви.

Все, кроме нескольких серебряных монет, я спрятала под матрас нашей кровати. Позже, в день новолуния, я бы передала их в распоряжение Клариссы.

Иногда, перед отходом ко сну, я подсаживалась к Якопо за кухонный стол и наблюдала за тем, как он вырезает из дерева. Его руки были почти такими же узловатыми и потрескавшимися, как дерево, которое он обрабатывал при свете масляной лампы, хотя то, что получалось, обладало вневременной красотой. Он вырезал фигурки святых, которые затем полировал и натирал воском, пока они не начинали сверкать, как старинное золото. Закончив работу, он ставил их на стол и рассказывал, кого они изображают. Среди прочих там были Святой Себастьян, пронзенный стрелами, Святой Христофор с младенцем Иисусом на плечах и, конечно, покровитель Венеции, Святой Марк, восседающий верхом на льве.

Раз в несколько дней Якопо вешал на шею переносной лоток, раскладывал на нем некоторое количество своих фигурок и ковылял на костылях к площади, чтобы там продавать свои творения. Обычно они расходились довольно быстро, потому что люди в этом веке были крайне благочестивыми. Для многих почитание святых было важнейшей частью повседневной жизни.

Для Клариссы, Матильды и Якопо религия тоже имела большое значение. Они всегда молились перед едой и каждое воскресенье ходили в церковь. Я прилежно ходила с ними – в первую очередь, чтобы не вызвать чьего-нибудь недовольства. Я могла бы сказать, что принадлежу к евангелистам, но это была бы плохая отговорка, тем более, я не знала, родился ли уже Лютер.

Маленькая церковь из обожженного кирпича всегда была набита битком. Люди стояли тесной толпой и едва могли пошевелиться. Хотя большинство прихожан старались надевать самую чистую одежду, от общего запаха я едва не теряла сознание. Священник читал службу своеобразным речитативом. Латинская литургия казалась мне странной и пугающей, хотя я утешалась тем, что мое присутствие – пример международного [\[15\]](#) единства еще до того, как это понятие было придумано. Так что я посетила обе воскресные службы, которые

состоялись до поворота луны.

А потом время наконец пришло. Две недели кончились.

* * *

Ночью накануне важного дня я была так взволнована, что не могла сомкнуть глаз. Кларисса тоже спала плохо. Ее расстраивало, что я отбываю, в то время как у нее нет никаких шансов вернуться на родину. Ее настроение не улучшилось и утром, когда я отдала ей деньги. Напротив: узнав, что я получила их от Себастьяно, она вышла из себя от гнева, потому что ей он не дал ничего.

Потом ее гнев утих, но она по-прежнему пребывала в подавленном настроении.

– Мне будет тебя ужасно не хватать, – сказала она.

– Мне тебя тоже, – заверила я ее, и это была чистая правда.

Я определенно не буду скучать ни по этому дому, ни по Матильде, ни по всему этому примитивному времени. Но по Клариссе – точно. Она стала мне настоящей подругой. Мы делили с ней все – не только бесконечную работу, рубашки, ночной горшок и кровать, но и судьбу, которая забросила нас в прошлое. Это связало нас. И при этом было совершенно невозможно сказать друг другу на прощание «До свидания» или «Я же не в другой мир отправляюсь».

Я действительно исчезну из этого мира, как только красная гондола отвезет меня обратно. С точки зрения географии мне будет до Клариссы рукой подать. Но я окажусь в будущем, на пятьсот с лишним лет впереди – а это уже дальше, чем просто за углом.

– Мне так жаль, потому что тебе придется терпеть все это в одиночестве, – заверила я Клариссу. – Но все как-нибудь у тебя сложится! Тогда ты сможешь вернуться домой и все будет хорошо. – Я была бы рада еще и предупредить ее о Наполеоне, который явно не стал бы деликатничать с беглецами от французской революции, такими как Кларисса, но барьер не дал мне выговорить ни слова. Вместо этого мне пришла в голову другая идея.

– Знаешь, я думаю, что не повредит, если ты будешь, между делом, держаться поближе к Бартоломео. Он – симпатичный парень, и ты ему действительно нравишься. Может, у вас что-то выйдет?

– Посмотрим, – пробурчала она.

Из-за нескрываемого возбуждения за завтраком я не притронулась к

пшеничной каше. Матильда с подозрением присматривалась ко мне.

– Ты вся покраснела. У тебя точно нет жара?

– Нет, со мной все в порядке. Я просто вчера слишком много времени провела на солнце.

Я не сказала ничего о том, что собираюсь уйти. Кларисса посоветовала мне просто исчезнуть молча.

– Так будет лучше. Матильда только ужасно разволнуется. Ты ей и правда симпатична, знаешь ли.

– Ты имеешь в виду, как бесплатная помощница?

– Нет, скорее как человек.

Пожалуй, я не могла согласиться с этим впечатлением, но Кларисса знала Матильду дольше, поэтому я не стала возражать.

До третьих колоколов – я уже знала, что они звучат через три часа после первых колоколов, то есть примерно в девять утра, – я сделала вид, что хочу помочь Клариссе в оффисине. Позже, когда наконец прозвенели заветные колокола, я крепко обняла подругу.

– Прощай! – растроганно сказала я. – Желаю тебе счастья на этой земле и скорого возвращения в твоё время!

Затем я помчалась прочь, через кухню, мимо Матильды, через магазин, на свежий воздух. Я изо всех сил старалась не смотреть направо или налево, иначе я, скорее всего, расплакалась бы, в особенности когда увидела Якопо за кухонным столом – он вырезал очередную фигурку святого.

Снаружи, в паре шагов от входной двери, стоял Себастьяно.

Он взглянул мне через плечо и сочувственно покачал головой.

– Ты же знаешь, тебе нельзя идти с нами.

Я обернулась и, к своему удивлению, увидела, что у меня за спиной стоит Кларисса. Она упрямо посмотрела на нас.

– Я имею полное право попытаться хотя бы раз! Разве я недостаточно искупила свою вину?

– Если бы это было так, ты бы об этом узнала. А сейчас иди обратно домой! Жди, пока не придет твоё время! – Он повернулся ко мне: – А ты иди вперед. Я сейчас тебя догоню.

Я нерешительно двинулась в путь. Оглянувшись через плечо, я увидела, как Кларисса пытается побежать за мной, но Себастьяно заступает ей путь и крепко держит ее.

– Мне жаль, – сказал он.

– Ненавижу тебя! – в ярости выкрикнула она.

– Иди обратно в дом, – сказал он, заталкивая ее в магазин.

Она вырывалась.

– Ненавижу тебя! – повторила она еще раз, а затем резко отвернулась.

Себастьяно подождал, пока она не скрылась в доме, и подошел ко мне.

– Готова? – спросил он.

Я молча кивнула.

Он стремительно зашагал вперед, так что мне пришлось напрячься, чтобы не отстать.

– Почему ей нельзя пойти со мной? – спросила я. – Она и правда могла бы попробовать! Почему ты не пускаешь ее в лодку?

– Об этом я ничего не могу тебе рассказать.

Эти коммуникативные ограничения, как всегда, выводили меня из себя, но что я могла поделать?

Почти бегом шагая рядом с ним, я решила прояснить по крайней мере один вопрос.

– Знаешь что, из-за тех денег, которые ты мне дал – это было довольно много, во всяком случае, судя по тому, что я к настоящему времени успела узнать. Нам следовало бы договориться о курсе обмена, чтобы я знала, сколько я должна тебе отдать, когда мы вернемся домой. Чем ты недоволен?

– Ты отдала ей почти все?

– Ну да...

– Ты отдала их Клариссе!

Я вздрогнула под его сердитым взглядом.

– Мне показалось, что так будет честно, – возразила я. – Она торчит здесь уже не первый год и пашет как сумасшедшая, и у нее даже нет никакой путной одежды! Разве она этого не заслужила! Она же никому ничего не сделала!

– Вероятно, она все-таки не рассказала тебе всю правду.

– Нет, как раз таки рассказала! – торжествующе воскликнула я. – Она сказала мне, что ее вовсе не должны были казнить, на самом деле она раньше сбежала из Парижа.

Себастьяно покачал головой.

– Просто забудь об этом.

– С какой стати? Почему я не могу хоть немножко облегчить ее тяжелую жизнь?

– Может, потому, что она сама обрекла себя на все это?

– Только потому, что она по неосторожности упала в воду? Сам подумай, вообще! – я немного помолчала. – Или у тебя на этот счет другое мнение?

– Об этом я ничего не могу тебе рассказать.

Ага, это мы уже слышали. Проклятый барьер. Но вскоре мне будет уже совершенно все равно, потому что скоро я совершу путешествие на пятьсот лет вперед.

Мы подошли к Гранд-каналу. По диагонали от нас, на другом берегу, виднелось самое прекрасное венецианское палаццо – Ка-д'Оро, по крайней мере, в будущем оно называлось так, и в нем располагался музей. Увидеть его здесь, в историческом окружении, прямо передо мной, в точности на том же месте – это было как обещание возвращения, как связь с моим собственным временем, с правильным временем. Со временем, где есть мороженое «Häagen-Daz» и фейсбук. Чао, пшенная каша и уборная на улице!

С надеждой я всматривалась в канал. Поверхность воды блестела на солнце как золото, все было мирным и успокаивающим. Тишина казалась почти осязаемой, ведь ближайшая моторная лодка находилась от нас буквально на расстоянии вечности. Только гондолы тянулись одна за другой по своим маршрутам, разноцветные, а не черные, потому что закон против роскоши еще не был принят. Вскоре все это действительно *останется в прошлом*. И я смогу увидеть эту эпоху с другой, лучшей стороны. А именно – оглядываясь назад.

Затем я увидела красную гондолу. Она появилась из бокового канала и стремительно приблизилась к нам. Одноглазый старик стоял у кормы, рассекая воду размашистыми движениями весла.

Увидев меня, он прищурил оставшийся глаз. Он ухмыльнулся мне, и бесчисленные складки и морщины испещрили его лицо.

– Мне кажется, кое-кто этого совсем не ожидал, – сказал он скрипучим голосом.

У меня снова возникло ощущение, что я откуда-то его знаю, но затем Себастьяно подтолкнул меня в лодку.

– У нас осталось мало времени!

Я поспешно взошла на борт гондолы. Себастьяно элегантно прыгнул следом за мной, и я снова удивилась его подвижности. Хотя я едва могла дышать от поглотившего меня напряжения, я отчетливо различила, какие у него синие глаза. И от него приятно пахло – я ощутила это, когда он усадил меня на скамью и уселся рядом. Не дезодорантом, шампунем или чем-то подобным. Просто... как-то правильно.

Я ждала, пока мы отчалим, но ничего не происходило. Старик поднял весло и сидел, склонив голову. Он бормотал что-то непонятное.

– Сейчас, – сказал Себастьяно. И тут я увидела, как от бортов лодки поднимается серебристое сияние. Сначала тонкая светлая линия, затем

плоскость, как занавес из ослепительного света, который вытягивался снизу вверх, поднимаясь все выше, пока не заполнил все поле зрения. Я задержала дыхание, ожидая, когда раздастся гром. У меня в голове толкались бесчисленные вопросы, например, окажусь ли я в будущем голый. И вернется ли ко мне при приземлении моя сумка с айподом внутри. Буду ли я помнить обо всем случившемся. От последнего вопроса у меня уже начала раскалываться голова, и за долю секунды до того, как свет поглотил все, я собралась сказать Себастьяно, что была рада с ним познакомиться. Несмотря ни на что.

Но на это уже не было времени. Слепящий свет взорвался с оглушительным грохотом. И все погрузилось в глубокую непроглядную тьму.

Часть вторая

Венеция, 1499

Как и в прошлый раз, когда я пришла в себя, снова была ночь. Я лежала плашмя на спине, но никто не стал накрывать мое лицо мешком, так что я могла видеть звездное небо. И я не была голой, насколько я смогла понять, поспешно ощутив себя. Ясно, подумала я, в принципе логично, что одежда по-прежнему осталась на мне. Вещи, которые попадали из прошлого в будущее вместе с путешественником, не были анахронизмами – просто обычным антиквариатом. Да и за него они бы не сошли, потому что не выглядели по-настоящему старыми...

Мои мысли сбивчиво метались, но постепенно сознание прояснилось настолько, что я снова смогла разговаривать.

– Эй? – спросила я тонким голосом. – Есть тут кто?

– Я здесь, – сказал Себастьяно рядом со мной. Он коснулся рукой моего плеча, а затем поднял меня в сидячее положение.

– Все в порядке? – спросил он.

– Сейчас да. Сначала я подумала, что на мне ничего нет. Не думай, что я как-то уж слишком стеснительна. Но все-таки мы не настолько хорошо друг друга знаем.

– На самом деле совсем не знаем, – заметил Себастьяно. – Если это тебя утешит, – в первый раз я не подглядывал. Или, скажем так, в худшем случае совсем недолго, а потом пришел Бартоломео с мешком.

Я осмотрелась. Мы очутились на темной улочке. В общем-то, она выглядела так же, как в прошлый раз. Похоже, некоторые уголки Венеции за пять с лишним веков почти не изменились.

С помощью Себастьяно я поднялась на ноги.

– Как мило с твоей стороны доставить меня сюда. На случай, если ты спешишь – думаю, дорогу в отель я и сама найду.

Я втайне надеялась, что он все-таки проводит меня. Было уже довольно темно. Только через открытые окна домов проникал мерцающий свет. Его хватило, чтобы различить, что улица покрыта утрамбованной глинистой землей.

– О боже! – вскрикнула я. – Что-то пошло не так! Посмотри! Как выглядит улица вон там! Нет асфальта, только дурацкая глина! Мы остались тут!

– Я знаю. Не слепой.

Охваченная ужасом, я задрожала и, не сдержавшись, разразилась слезами. Я ревела, не в силах остановиться, и дрожала, будто была самая середина зимы – хотя на самом деле мне было совершенно не холодно.

Себастьяно стоял, опустив руки, и беспомощно смотрел на меня, что ничуть не утешало. Наконец, он вздохнул и обнял меня, и оказалось, что я всхлипываю, уткнувшись ему в шею. Сдавленные вздохи вырывались из моей груди и влажно оседали у его уха. Объятия мне помогли. Потрясение медленно отпускало меня, будто сила и тепло, исходившие от тела Себастьяно, как бы передавались мне. Постепенно дрожь пошла на спад, а потом и полностью прекратилась. Несмотря на это, я еще немного поплакала, промочив воротник Себастьяно, пока мне самой не показалось, что это чересчур.

Я нерешительно высвободилась из его объятий и вытерла глаза рукавом.

– Где гондола? Мы не можем просто попробовать еще раз?

Он покачал головой.

– Уплыла. Гондолы нет. Окно во времени снова закрылось.

– Но как это могло случиться?

– Тсс, не так громко! В это время здесь всегда ходят патрульные.

Под этим словом он, разумеется, вряд ли имел в виду карабинеров – скорее тех типов в шлемах, броне и с копьями, на которых мне за две недели уже однажды довелось посмотреть.

– Себастьяно, я хочу домой! Я не стану остаток своей жизни ходить в тот мерзкий туалет и обходиться без нижнего белья! – я говорила шепотом, потому что слышала шаги в темноте. – Мои родители явно уже с ума сходят от беспокойства. Поверь мне, они и небеса и ад на уши поднимут, если я не вернусь!

– Ты вернулась бы через то же окно, в котором исчезла. Даже в твоей собственной одежде. Твои родители вообще не заметили бы твоего отсутствия.

– Значит ли это, что есть еще и другие окна? – решила спросить я.

– Об этом я ничего не могу тебе рассказать.

Если бы в это мгновение мы стояли поближе к каналу, я бы его туда толкнула.

– Если есть другие окна, я хочу ими воспользоваться, – потребовала я. – Готова поспорить на что угодно, ты тоже так делаешь.

– Это нечто совершенно иное.

– Ага! – сказала я. – Они все-таки есть! Другие окна!

На это я не получила никакого ответа, но я не собиралась ослаблять хватку. – Место, на котором я оказалась, – то же, что и в прошлый раз, или нет? Есть ли у окон во времени постоянные места? Вход в канале, на гондоле, выход на улице? Вы не боитесь, что кто-то это случайно заметит и обвинит вас в колдовстве?

– Это не так работает, – нетерпеливо сказал Себастьяно. – Важные окна могут увидеть только посвященные. – Он взял меня под руку. – Пойдем. Нам нельзя здесь оставаться.

Он потащил меня за собой, и некоторое время мы шли вместе.

– погоди. – Я остановилась. Мы добрались до другой улицы, где было немного больше света, потому что там на стене дома был прикреплен факел. – Куда мы, собственно, идем? Если ты считаешь, что снова можешь сбавить меня Матильде и смыться, ты очень заблуждаешься! Я буду следовать за тобой! А если ты попытаешься избавиться от меня и исчезнуть, я буду караулить тебя у магазинчика масок, пока ты не появишься снова.

– Кто тебе сказал, что я вообще туда снова зайду?

– Держу пари, там у вас какая-то база. Хотя бы потому, что магазинчик выглядит в точности так же, как через пятьсот лет.

Он вдруг встревожился.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что купила там маску.

– Когда?

– В будущем, разумеется.

– О, проклятье! – он застонал, как будто я со всей силы наступила ему на ногу.

Мне показалось, что он ждет от меня дальнейших объяснений.

– На самом деле я хотела купить туфли, но каким-то образом нас с Маттиасом занесло в этот магазинчик масок. Кстати, Маттиас – это тот толстый мальчик, который тоже был в гондоле вместе со своими родителями, когда открылось окно во времени. – Я нахмурилась. – На самом деле забавно, что не они оказались здесь, а именно я. Им крупно повезло, да?

– Хм. Маска была при тебе, когда произошел переход?

Я ответила утвердительно.

– Она была в моей сумке через плечо. Которая сейчас, разумеется, пропала, вместе с моим айподом, моими карманными деньгами на целый месяц и моими «Sensi». – Последнее я произнесла с невероятной горечью, потому что мои шансы как можно скорее попасть домой и добраться до

сумки со всем тем, что было мне мило и дорого, были еще меньше, чем час назад. Несмотря на это, я даже думать не хотела о том, что меня постигнет участь Клариссы. Стоило мне только начать хотя бы отдаленно обдумывать эту возможность, мне хотелось разразиться истерическими криками. Но тогда я рисковала попасть в больницу. Я понятия не имела, где она здесь, и предпочла бы не выяснять.

– Что такое Сенси? – решил спросить Себастьяно.

Похоже, в будущем они тоже существовали, хоть он о них и не знал.

– Разновидность духов, – сказала я. – Так что не так с маской? Какую роль она играет во всей этой истории?

– Об этом я ничего не могу тебе рассказать.

– Ага, – хмуро сказала я.

Он настороженно посмотрел в темноту.

– Нам нужно идти дальше. У ночи есть глаза и уши.

– Там никого нет, – сказала я, прислушавшись.

– В этом и заключается опасность. Людям кажется, что они в безопасности, а в следующую секунду они получают кинжалом в горло.

Я содрогнулась, но потом все-таки пошла следом за ним.

– Ты хочешь меня запугать, – сказала я. – Но из этого ничего не выйдет. Смирись с тем, что тебе придется взять меня с собой. Не важно, сколько киллеров тебе по ходу дела придется одолеть.

– Похоже, что мне придется так и сделать.

– Бороться с киллерами?

– Нет, взять тебя с собой. Киллеры потом сами явятся.

Это заставило меня рассмеяться. Учитывая мое сложное положение, я не предполагала, что так скоро смогу смеяться над шуткой, какой бы хорошей она ни была. Только позже я узнала, что это была вовсе не шутка.

* * *

Мы поспешно шагали сквозь ночь, как две тени, при этом мне было намного легче поспевать за ним, чем две недели назад. Мои туфли за это время разносились, и я лучше знала окрестности. Но я твердо решила оставаться независимой. Я не была уверена, могу ли доверять Себастьяно. Он следовал планам, о которых я ничего не знала. И у него была в высшей степени сомнительная работа – о которой он не слишком охотно рассказывал. Но он умел путешествовать сквозь время. Я хотела узнать об этом все, а значит, нужно было приклеиться к нему, как жвачка.

- Куда ты меня ведешь?
- Не переживай, не к Матильде. Сегодня ночью мы переночуем у знакомого, а завтра... посмотрим. Я еще должен кое-что обдумать. Нужно найти место, где за тобой будет легче уследить.
- Думаю, это излишне, – возразила я. – Все считают меня очень благоразумной для моего возраста.
- Но тут же уступчиво добавила:
- Ну ладно, я писала Ванессе, что она должна приклеить своему бывшему стикер на мотоцикл, с надписью: «Осторожно, алкоголик за рулем». – Я немного подумала. – Строго говоря, я этого еще не сделала. Только через пятьсот лет с лишним.
- Речь не о твоих будущих проделках, а о причине твоего пребывания здесь.
- Это значит, что причина есть? Я думала, что это дурацкая случайность!
- Я тоже на это все время надеялся. Но маска указывает на противоположное. Ты здесь по конкретной причине.
- Что вообще это должно означать? – я саркастично взмахнула рукой. – Подожди. Держу пари, ты ничего не можешь мне об этом рассказать.
- Напротив. Я даже *должен* об этом рассказать. Ты здесь, чтобы предотвратить некое событие.
- Правда? – ошарашенно спросила я. – Ты, случайно, не знаешь какое?
- Нет. Но есть какое-то событие, которое повлияет на будущее. От него зависит и твоя жизнь – если ты допустишь ошибку, ты не сможешь вернуться назад. Или, еще хуже – умрешь.

* * *

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить ужас, который я испытала, услышав это. Хотя у меня возникла примерно тысяча новых вопросов, в том числе, почему я умру, если допущу ошибку, но Себастьяно, к моей досаде, сказал, что не может об этом ничего рассказать. Почему-то мне стало лучше оттого, что сейчас не нужно много говорить.

– Хочешь сказать, дело в том, что здесь повсюду подкарауливают опасности? – неуверенно спросила я.

– Нет, потому что я устал как собака и хочу только поспать. Я не спал не только эту, но и предыдущую ночь.

Это вызвало новые вопросы, например, почему он не спал прошлой

ночью – может, из-за обязательного дежурства в патруле времени?

Мы пересекли город с запада на восток; я заметила это, потому что небо стало светлеть с одной стороны – медленно всходило солнце.

В какой-то момент мы достигли нашей цели. Себастьяно остановился перед большим домом и взялся за дверную колотушку.

Я разглядывала фасад, подняв голову. В слабом свете начинающегося рассвета я едва могла увидеть его очертания, но нужно было признать, что постройка весьма роскошная.

– Это палаццо, – сказала я.

– В этом веке так называют только Дворец дожей. – Себастьяно еще раз постучал в дверь.

Она со скрежетом открылась, и перед нами возник одноглазый из красной гондолы. У него в руках был подсвечник, в слабом свете его лицо с повязкой на глазу приобретало демонический вид.

– Ну надо же, – сказал он. – Кое-кому не удалось попасть домой.

– Во время перехода у нее была с собой маска, – сказал Себастьяно, как будто это все объясняло.

– Кстати, я Анна, – представилась я.

– Я знаю, – сказал одноглазый, – меня зовут Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон, можешь называть меня просто Хосе.

Это показалось мне вполне удобным, потому что остальное я все равно не разобрала.

Хосе, держа в руке подсвечник, прошел через окруженный стенами двор к наружной лестнице. В мерцающем свете свечи тень дряхлого старика на стене казалась огромной.

Лестница вела в лоджию. Поднявшись наверх, Хосе распахнул дверь. Мы вошли в комнату, размеры которой я в потемках могла только предполагать. В любом случае она была просторной, особенно в сравнении с небольшой каморкой, в которой я провела две последних недели.

Вместе с родителями я недавно (или в далеком будущем, как посмотреть) посещала Ка-д'Оро и теперь вспомнила кое-что об архитектурном стиле типичных венецианских палаццо. Большинство домов патрициев, построенные в это время, создавались по сходным принципам. На нижнем этаже находился водный зал с выходом к каналу, и можно было вплыть в дом прямо на гондоле. Рядом с водным залом располагался промежуточный этаж с хозяйственными помещениями, такими как кухня, склад и комната для стирки.

Второй этаж занимали роскошные жилые помещения и просторный парадный зал, который назывался *портего* и простирался на всю глубину

дома. По обеим сторонам от этого зала находились покои, в которых спали и ели владельцы дома и их посетители.

В таком портего я и оказалась прямо сейчас. Справа и слева рядами шли двери. Хосе открыл нам одну из них и осветил расположенную за ней комнату.

– Думаю, это подойдет для юной дамы, – сказал он.

Я всмотрелась в темноту в глубине комнаты, в то время как Себастьяно зажег свечку на подсвечнике и передал мне.

– Хорошего сна, – сказал он. – Завтра продолжим разговор. Точнее говоря, сегодня. В любом случае позже.

– С ума сойти, – сказала я. – Тут что, кровать с балдахином?

* * *

Это действительно оказалась кровать с балдахином. Взглянув на нее, я внезапно осознала, насколько сильно устала. Несмотря на это, я проверила все углы, желая убедиться, что все чисто. Зловещие намеки Себастьяно о тайных убийцах явно не прошли для меня даром. В сочетании с темнотой и одиночеством они еще сильнее выводили меня из равновесия.

Однако за исключением дорогой с виду мебели в комнате ничего не было. К тому же, дверь можно было весьма кстати запереть изнутри, что я немедленно и сделала, прежде чем раздеться и растянуться на облаке перьев. Что в данном случае нужно понимать буквально, поскольку постельное белье было удивительно легким и воздушным, как пуховые одеяла в будущем. Матрас тоже оказался мягким и удобным, а льняные простыни – гладкими. Нигде не торчало ни соломинки, не было ни кусачей ткани, ни вонючей шерсти. Под балдахином – в свете свечи я могла разглядеть, что он сделал из расшитого шелка, – я чувствовала себя спящей красавицей. Готовой проспать сто лет.

Прежде чем погрузиться в сон, я ощутила укол совести. Бедная Кларисса! Я здесь разлеглась на шелках и пухе, а она, должно быть, довольствуется качающейся деревянной кушеткой, и примерно через час – вряд ли у нее осталось больше времени до восхода солнца – ей придется выносить ночные горшки, таскать воду, варить пшеничную кашу, а потом весь день на летней жаре торчать в сарае и обрабатывать травы. И меня больше не было рядом, чтобы ей помочь.

Я задумалась, не следует ли мне позднее, днем, когда приду в себя и освоюсь в новых обстоятельствах, из чувства солидарности заглянуть к

Клариссе. Может, она почувствует себя лучше, если узнает, что я еще здесь. По крайней мере, ее утешит, что не она одна застряла в этом столетии.

Правда, она тогда непременно захочет узнать, где именно я остановилась. И это ей вряд ли сильно понравится. В особенности когда она услышит, что я спала в огромной комнате, где есть кровать с балдахином, зеркала в золотых рамках и лакированная мебель. И ночной горшок, который не только оснащен крышкой, но и встроен в специальное кресло, скромно спрятанное за ширмой. Похоже, в этом столетии не всюду так же неудобно, как у Матильды.

Слабый звон корабельного колокола, который донесся откуда-то, был последним, что я слышала, погружаясь в сон.

* * *

Когда я проснулась, уже наступил день. Хотя ставни были закрыты, через щели и трещины в спальню проникали лучи солнца. Несколько сонных секунд я представляла себе, что нахожусь дома. Папа поет в душе, а мама вот-вот ворвется в комнату и громко объявит, что школьный автобус уезжает уже через пять минут. Но у меня еще будет время, чтобы встать. Автобус придет лишь через четверть часа – мама любит преувеличивать в подобные моменты, – но в итоге у меня едва хватит времени, чтобы собраться. Душ и мытье головы я обычно оставляла на вечер, потому что точно знала – после подъема я успею только одеться и почистить зубы.

У Матильды по утрам тоже все происходило в постоянной спешке, только вместо звонка будильника вдалеке раздавался утренний перезвон колоколов из окрестных часовых башен, который заставлял дрогнуть каждую живую душу в округе. Если мы с Клариссой через минуту не выскакивали из кровати, Матильда неизменно врывалась в нашу комнату и поднимала нас на ноги своими воплями.

После этого нам следовало быстро одеться и причесаться, потому что нас уже ждала работа. Такие тонкости, как чистка зубов, приходилось откладывать на потом вместе с остальной личной гигиеной.

Хотя в этом веке уже додумались до чистки зубов, для этого использовали разломаченные деревянные палочки и мятные веточки. И то, лишь если было время. Видимо, у многих людей его не хватало, потому что как только они открывали рот, были видны серые, изъеденные кариесом зубы. Зубные врачи еще не появились – только так называемые цирюльники. Их искали, впрочем, когда было уже слишком поздно, потому

что они специализировались на вырывании зубов. Кларисса живо описала мне, как проходили такие операции. Двое мужчин крепко держали жертву, а цирюльник истязал ее клещами.

С несколькими такими пациентами я уже познакомилась. Сначала они покупали в зеленой лавке средство от зубной боли, а потом, когда оно не помогало, им приходилось отправляться к цирюльнику. Оттуда они с отвратительно опухшими щеками снова приходили в лавку, потому что теперь им нужно было средство от болезненных ран.

Размышляя о гигиене полости рта в эту эпоху, я по-прежнему дремала в кровати. Было приятно, что после пробуждения не нужно сразу вскакивать.

Но потом я все-таки ощутила некоторую нужду. Я воспользовалась ночным горшком и решила при следующей возможности выяснить, где здесь находится уборная. Но стоило мне об этом подумать, послышался стук и в комнату вошла женщина, которая слегка поклонилась мне, вынула ночной горшок из стула и исчезла вместе с ним. Сбитая с толку, я застыла на месте, глядя ей вслед. Сразу же после нее явилась еще одна женщина, как и первая, в фартуке и чепце. Она открыла ставни и принялась взбивать перину. Не успела она покончить с этим, как вернулась первая женщина. Она принесла поднос и поставила его на лакированный столик перед камином.

– Ваша утренняя трапеза, мадонна, – вежливо сказала она.

– Ох... спасибо, – смущенно сказала я. Быстро оглядев тарелки, я поняла, что нос меня не обманул. Яичница с жареной ветчиной! А рядом с ней на доске лежал свежий белый хлеб, который еще пах пекарней. Кроме того, там были золотисто-желтый сыр, маринованные оливки и чашечка с медом.

Женщина пододвинула мне стул и сделала книксен.

– Вы всем довольны, мадонна?

Я хотела сообщить ей, что вообще меня зовут Анна и я привыкла опустошать ночной горшок самостоятельно, но была настолько потрясена, что не смогла произнести ни звука. Вместо этого я только утвердительно кивнула и опустилась на стул. Я тут же осознала, насколько проголодалась. Никто не требовал от меня немедленно приступить к еде, тем более что она выглядела так, будто приготовлена только для меня.

Я взялась за ложку – вилок в этом столетии еще не водилось – и принялась поглощать яичницу. У нее был великолепный изысканный вкус. Между делом я откусила кусочек хлеба, который оказался на диво воздушным, с хрустящей поджаристой корочкой. У сыра тоже был такой

вкус, будто его купили в гастрономе для гурманов. Застонав от удовольствия, я отправила следом за ним пару оливок и в завершение трапезы обмакнула остатки хлеба в мед и проглотила все до последней крошки.

Для питья подали какую-то смесь вина с минеральной водой в дорогом стеклянном бокале. Я уже знала, что его разбавляют и обычной водой. От Клариссы мне было известно, что самые знатные господа уже за завтраком пьют воду с вином. Это был явно не мой случай, но я хотела пить слишком сильно, чтобы отказываться.

Женщины вернулись, принеся с собой чистую одежду и воду для умывания. Одна разложила вещи, которые мне предстояло надеть, другая налила подогретую воду из кувшина, который принесла с собой, в большую миску, а затем положила рядом мыло, расческу и чистое льняное полотенце. Затем обе выпрямились и замерли в ожидании.

Мне тут же стало ясно, чего они хотят.

Я виновато откашлялась.

– Сейчас при мне нет денег, – сказала я. – Но скоро я встречу с человеком, который точно при деньгах, и тогда я отблагодарю вас, обещаю.

Обе переглянулись и хихикнули, а затем одна из них дружелюбно сказала:

– Да нет же, мадонна! Мы ждем, чтобы помочь вам с мытьем, прической и одеванием.

Я ощутила неловкость из-за этого непонимания, но еще хуже я бы почувствовала себя, если бы две женщины стали помогать мне одеться, будто я маленький ребенок. Поэтому я отказалась от их предложения вежливо, но решительно.

Обе смущенно переглянулись, но вышли не возражая. Я услышала, как за дверьми комнаты они снова захихикали, и, пожелав узнать, по поводу чего они смеются, я подошла к двери и прислушалась.

– Некоторым новоприбывшим нужно немного времени, – сказала одна.

– Да, но и они быстро приучаются жить в роскоши, – возразила другая. – Пожалуй, это лишь малая компенсация за то, что им придется выносить от мужчин.

– Но ведь не все так плохо. Если бы мы были молодыми и красивыми, мы бы терпели это с радостью.

– Ты – может быть, но я – точно нет. Мне дороже моя душа и здоровье.

Голоса затихали – женщины удалялись от комнаты.

В недоумении я подошла к миске для мытья и расстегнула рубашку. Вода была приятно теплой, а мыло пахло не хуже, чем дорогие сорта,

которые Матильда продавала обеспеченным клиентам. Но мои мысли крутились в основном вокруг вопроса о том, где же я оказалась. Лежа в кровати, я успела вообразить, будто нахожусь дома и мне вот-вот идти в школу. Но теперь этим фантазиям пришел конец.

В школу тут в любом случае никто не ходит, поскольку ее нет, – это я уже выяснила в первые две недели своего пребывания здесь. Тот, кто был достаточно богат, нанимал домашнего учителя – но только для сыновей.

Девочки моего возраста обычно были уже замужем и часто даже имели детей. Они становились у кого-нибудь служанками или домработницами либо выполняли дешевую подсобную работу. Многих отсылали в монастырь, хотели они этого или нет.

О профессиональном образовании девушки в этом столетии могли только мечтать. При некотором везении женщина могла открыть свою лавку – как Матильда. Но это было исключение.

Но *одна* широко распространенная и хорошо оплачиваемая работа для женщин все-таки была. Несколько женщин, которые ею занимались, я уже видела в лавке Матильды. Часто они покупали ароматические масла, свинцовые белила, чтобы накраситься, или смеси трав, которые должны были помочь им, когда у них начинались эти дни.

Кларисса рассказала мне, что в Венеции их несчетное количество. Многие, по ее словам, жили чуть ли не на улице, едва сводя концы с концами, но некоторые вели по-настоящему роскошную жизнь в богатых домах со служанками, одеваясь в изысканные платья и купаясь в комфорте.

Так мои мысли описали круг и снова вернулись к исходному вопросу. Где же я оказалась?

Я покончила с мытьем и причесыванием, а затем осмотрела разложенную для меня одежду. Белье из тончайшего хлопка было ослепительно-белым. Верхнее платье, *гамурра*, было сделано из небесно-голубого бархата, с искусной парчовой отделкой по краю воротника. Также мне принесли шелковые чулки с лентами, которые нужно было завязать над коленом. Женщины даже снабдили меня новыми туфлями, похожими на тапочки, которые выглядели так изящно, что в них было жалко ходить.

Я снова аккуратно разложила все это на кровати и натянула собственную одежду, потому что в одно мгновение поняла, где нахожусь. Несомненно, это был дом куртизанок. Другими словами, бордель.

Я с сожалением бросила последний взгляд на сказочную кровать с балдахином и прекрасное платье, а затем отправилась искать Себастьяно. Он привел меня сюда, и теперь его задача – доставить меня куда-нибудь еще. Он сам сказал, что мы проведем здесь лишь одну ночь.

Большой парадный зал при дневном свете впечатлял еще сильнее, чем ночью. Стены были обиты блестящей кожей, повсюду висели дорогие зеркала и хрустальные канделябры. Пол украшала мозаика, сверкающая в солнечном свете.

Из комнаты по соседству с *портего* доносились женские голоса, перемежавшиеся смехом. Когда я хотела прокрасться мимо открытой двери, оттуда вынырнула высокая миловидная девушка. На самом деле она выглядела скорее как сказочная фея, с блестящими как шелк темными волосами до бедер. Она была одета в платье вроде того, что предназначалось и мне. Увидев меня, она улыбнулась.

– Ах, ты, наверное, бедная маленькая брошенная Анна! Тебе понравилась еда? Ты довольна услугами горничных?

Я безмолвно кивнула.

– Но ты не стала надевать платье, которое я для тебя подобрала.

– Я... ну, оно не подошло.

– Какая жалость. Себастьяно сказал, у нас похожие фигуры, только ты ниже. Мне пришлось его укоротить специально для тебя. – Она испытующе посмотрела на меня. – Оно тебе не понравилось?

Я судорожно пыталась объяснить ей, что я здесь скорее по недоразумению, и поэтому мне не нужно новое платье, но мне не удалось произнести ничего, кроме сбивчивого лепета.

Наконец, девушка снова взяла слово:

– Я забыла представиться. Меня зовут Мариетта.

– Приятно познакомиться, – растерявшись от неожиданности, сказала я. – Это твой дом?

– Верно, – она солнечно улыбнулась. – Конечно, уже полдень, но если у тебя подходящее настроение, чтобы пораньше начать праздник, можешь присоединиться к нам и нашим гостям, – она приглашающе указала в сторону комнаты, перед которой стояла.

– Ах... На самом деле, мне нужно поговорить с Себастьяно. Он уже встал?

– Ты найдешь его внизу, в водном зале. Он как раз вернулся с покупками. – Еще одна сияющая улыбка. – И если тебе что-то нужно – просто скажи. Повсюду в доме есть колокольчики.

– Большое спасибо.

По пути к лестнице мне встретилось двое мужчин, оба примерно возраста Себастьяно, в изящной щегольской одежде. Они были в праздничном настроении и выпили уже за завтраком, о чем я догадалась по тянущемуся за ними шлейфу алкогольного запаха.

Взглянув на одного из них, я до крайности перепугалась, потому что узнала его – это был тот коренастый тип, который в будущем бросился на Себастьяно с ножом!

– Новое сокровище, погляди-ка! – сказал он.

– Черт побери, и какое милое, – согласился второй. – Мариетта нам о ней ничего не рассказывала!

Коренастый вытянул руку и схватил меня выше локтя. – Может, достойно отпразднуем твое прибытие?

Я смотрела на него, словно парализованная. Рассудок подсказывал, что нужно убежать прочь от этого мужчины как можно скорее, но ноги словно приросли к полу.

– Отпусти ее! – Мариетта появилась в дверях своих покоев. Ее лучистая улыбка смягчала резкий тон. – Она не для вас.

– А что она тогда тут делает? – спросил коренастый с неприятной ухмылкой, глядя меня по руке.

– Это моя младшая кузина, и она просто приехала в гости.

Мужчины рассмеялись. Коренастый дернул меня за волосы и неохотно отпустил, когда я отшатнулась.

– Младшая кузина, на случай, если ты заскучаешь – спроси, где найти братьев Альвиса и Джованни Малипьеро! – Он подмигнул мне и коснулся своей груди. – Я Альвис. А это мой брат Джованни.

К счастью, они ушли с Мариеттой, которая напоследок бросила на меня виноватый взгляд через плечо, прежде чем исчезнуть в своих покоях вместе с мужчинами.

Я поспешила в сторону лестницы.

* * *

На промежуточный этаж можно было войти с внутреннего двора. Помещения внизу были заметно более низкими и тесными, чем на роскошном верхнем этаже, скорее такие, к каким я привыкла в доме Матильды. Пахло кухней и горячим мыльным раствором.

На ходу я наткнулась на одну из служанок и спросила у нее, где найти водный зал.

Я быстро побежала дальше, по-прежнему в смятении из-за встречи с неприятными мужчинами. Как этот Альвис попал в будущее?

Я прошла мимо прачечной, наполненной клубами пара, а затем мимо кухни, в которой тоже было полно пара – от котла, висевшего над огнем. У шкафов и столов стояли многочисленные женщины и готовили еду.

При других обстоятельствах я бы немного постояла тут и поблагодарила кухарок за вкусный завтрак, но сейчас я не могла медлить. Я снова задумалась о том, где я могла раньше слышать фамилию Малипьеро. Приходя в чувства после своего прибытия в будущее, я слышала, как Себастьяно говорил о них: «Малипьеро таятся с ядом и кинжалом за каждым углом!»

По запаху было ясно, что до водного зала осталась буквально пара шагов. От входа явственно доносилась тухлая вонь канала.

Затем я услышала голос одноглазого гондольера Хосе и, различив его слова, в ужасе застыла на месте.

– Итак, ты сегодня поместишь девушку в монастырь?

– Как можно скорее, – подтвердил Себастьяно.

– Она потребует объяснений. И в дальнейшем тоже.

– Это я уже улаживаю. В худшем случае сошлюсь на барьер. – Себастьяно рассмеялся, словно над хорошей шуткой.

– Какой барьер? – спросил Хосе.

– Тот, который ей самой не дает упоминать анахронизмы. Она убеждена, что я не могу говорить с ней о каких-то вещах, потому что верит, что я из будущего.

Старик захихикал.

– Да ты прямо отменный лжец!

– Я ей ни разу не солгал, просто не отвечал на ее вопросы. Мол, я не могу об этом говорить. Объяснение она сама себе придумала.

– Можешь быть благодарен ей за это, – заключил Хосе. – Верно говорят, худшая черта в женщинах – любопытство.

Сжав кулаки, я стояла у входа, кипя от ярости.

– Тем временем я узнал, что дальше планируют делать Малипьеро, – продолжил Хосе. – Насколько я знаю, вскоре нас ждет открытое противостояние. Позже, сегодня вечером, я буду знать больше. До скорого, мой мальчик.

– До скорого, Хосе.

Я услышала скрежет, а затем всплеск, будто отчалила лодка. Я осторожно заглянула в дверной проем. Большие ворота, ведущие в канал, были открыты, и я увидела, как Хосе уплывает на гондоле.

Себастьяно направился ко мне. Я поспешно отшатнулась, но было слишком поздно. Он уже меня заметил.

– Я не хочу в монастырь! – выкрикнула я, прежде чем он успел что-нибудь сказать. – Я вообще не хочу оставаться в этом времени. И я не хочу мешать какому-то событию. И уж точно не хочу иметь никаких дел с гнусными Малипьеро! – Я ненадолго смолкла. – Кстати, они оба в этом доме. Они явились, чтобы веселиться с Мариеттой. Я наткнулась на них по пути сюда.

– Они... проклятье!

– Именно. Самое время для объяснений. – Я требовательно посмотрела на него. – И больше не говори мне, что ты о чем-то не можешь рассказать!

* * *

– Не здесь, – сказал он. – Там, где нашелся один шпион, легко может появиться и другой.

Я ощутила, как покраснела, но гнев был многократно сильнее смущения.

Следом за Себастьяно я направилась к пристани перед домом, где было привязано множество гондол. Он помог мне сесть в одну из них, а затем отвязал ее. Вставляя весло в уключину, он мрачно посмотрел на меня.

– О чем говорили Малипьеро? – спросил он.

Я уселась на скамью и пожала плечами.

– Они решили, что я там новенькая... Ну ладно, не важно. В общем, они хотели, чтобы я повеселилась вместе с ними. В особенности этот Альвис, у которого ты отобрал нож. Тот еще тип.

Себастьяно выглядел обеспокоенным.

– Он тебя узнал?

– Думаю, нет. По крайней мере, он ничем этого не выдал. Ты мне объяснишь, в чем тут все дело?

– Сейчас. Давай сначала отплывем.

Себастьяно оттолкнул гондолу от пристани и начал грести. От моего внимания не ускользнуло, как ловко он управлялся с веслом, стоя на корме. Мы все продолжали ускоряться. Гондола скользила по Гранд-каналу, мимо роскошных палаццо пятнадцатого века. Они выглядели совсем не так, как в будущем, – фасады были окрашены не в бежевый или охра, как в мое время, а разрисованы красочными фресками во всю стену. Над крышами

возвышались бесчисленные дымоходы, похожие на перевернутые кегли.

Тем временем мы отплыли уже довольно далеко. Больше никто не мог нас подслушать. Я выпалила самый важный вопрос:

– Эта Мариетта – она...

Себастьяно поднял бровь.

– Куртизанка?

Покраснев, я кивнула. Он тоже кивнул.

– Вот как, – сказала я подчеркнуто равнодушно.

Себастьяно улыбнулся.

– Имеешь что-то против?

– С чего ты взял? Я вообще ничего не имею против меньшинств. – Я помолчала. – Хотя о меньшинствах тут, в общем-то, и речи быть не может. Я слышала, в Венеции их тысячи.

Себастьяно рассмеялся.

– Я не считал. В общем-то, к куртизанкам здесь относятся с бóльшим вниманием, чем в будущем, многие из них приняты в высшем обществе. Можно сказать, это супермодели пятнадцатого века. Например, Мариетта – настоящая звезда.

Я решила перейти к следующему по важности вопросу.

– Откуда ты ее знаешь?

Он пожал плечами.

– Моя работа требует разнообразных знакомств. Она – моя старая добрая подруга и всегда готова помочь.

Старой она мне совершенно не показалась, и тем сильнее меня заинтересовало, что он понимает под словами «готовая помочь» и «подруга». Но тут у меня в ушах прозвучали слова Хосе о женском любопытстве. Я только поддерживаю этот предрассудок, если сейчас продолжу расспрашивать Себастьяно о Мариетте. Такой слабости я себе не позволю.

Но все-таки не помешает установить некоторые факты, если я хочу вернуться домой.

– Из какого ты года? – спросила я.

– Из того же, что и ты.

Я это уже предположила, исходя из недавнего разговора между ним и Хосе. И все-таки я была немного разочарована. Мысль о том, что он, возможно, прибыл из моего будущего, казалась мне невероятно волнующей.

– А что с барьером? На тебя он вообще не распространяется, или что?

– Ты снова исходишь из неверного предположения. – разъяснил Себастьяно. – На меня он действует так же, как и на тебя. Это своего рода

физический закон для путешествий во времени. Невозможно рассказать человеку из прошлого о событиях будущего.

– Но мне ты можешь рассказать все! – торжествующе сказала я. – Потому что мы из одного времени!

– Могу, – согласился он.

– Так сделай это наконец! Я хочу все знать! Как ты получил эту работу? Кому принадлежит красная гондола и где она сейчас? Какое задание ты должен выполнить здесь?

– Возможно, знать слишком много – опасно для тебя. Чем меньше ты знаешь, тем меньше ты сможешь выдать кому-нибудь еще в чрезвычайной ситуации.

– Из-за барьера я все равно не смогу ничего рассказать.

– Я говорю о тех, кто родом из нашего времени. Они могут схватить тебя и вытащить из тебя информацию.

Меня пробрала дрожь, и я тут же вспомнила о том, как Альвис смотрел на меня. Как блестели его глаза, когда он погладил меня по руке. И как он в будущем набросился на Себастьяно с ножом.

– Под «кем-то еще» ты имеешь в виду Малипьеро или еще кого-то? – спросила я. – Этот Альвис – он был в будущем. Должно быть, и он оттуда. Или люди, которые родились в прошлом, тоже могут путешествовать в будущее?

– Насколько я знаю, нет. Альвис из нашего времени.

– Что у тебя с ним за дела? И что именно ему тут нужно?

– Мы занялись им, когда было уже слишком поздно. Для твоей безопасности тебе не стоит знать о Малипьеро слишком много.

Я хотела возмутиться, но вместо этого убедила себя переключиться на другие вопросы.

– В каком городе ты вообще родился?

– В Венеции, – с улыбкой сказал он. – Я живу и учусь здесь.

– Ах, – сказала я, удивившись, что у него вполне обычное прошлое. – И что ты изучаешь?

– Историю. Специализируюсь на итальянском Возрождении.

Как предсказуемо для человека, который на досуге путешествует во времени.

– И как часто ты путешествуешь в прошлое?

– Два-три раза в год. Иногда на неделю, иногда на две. Редко дольше.

– Так для тебя это своего рода... подработка на каникулах?

Он улыбнулся снова.

– Можно и так сказать.

– Как это работает? Я имею в виду, когда ты... используешь окна во времени – ты возвращаешься в тот же момент, из которого перед этим отправился?

– Нет, время идет вперед – и в будущем, и в прошлом.

– Но ты же говорил мне, что я вернусь в то самое мгновение, из которого до этого исчезла!

– Это работает только с гондолой и только в ночь поворота луны. И то, к сожалению, не всегда.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Случается, что путешественник просто исчезает.

Меня окатило холодом. Может, именно это случилось с Тассельхоффами? Я сглотнула и решила выкинуть из головы этот вопрос.

– Другими словами, ты не всегда используешь гондолу?

– Нет, лишь изредка.

– Но как тогда ты путешествуешь сквозь время?

– Есть порталы, сквозь которые я прохожу.

– Где они?

– Лучше, если ты этого не будешь знать. Тебе это все равно ничем не поможет.

– Хочешь сказать, я не смогу пройти в портал?

– Именно.

– Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

– В одиночку не получится. Только с помощью определенной... специальной процедуры.

– Что за *специальная процедура*? Нужно закинуться парой таблеток? Имплантировать в мозг чип для путешествий во времени? Или нужно, чтобы тебя загипнотизировал гуру?

– Ничего такого. Не спрашивай меня, я не имею права тебе ничего сообщать.

– Обязательство о неразглашении?

– Именно. Я и так его почти нарушил. Анна, давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Погоди. Еще несколько махоньких вопросов. Что это за одноглазый Хосе? Откуда он?

– Из Испании.

– А из какого времени?

– Этого я не знаю, потому что он не может рассказать.

– Ты хочешь сказать, – я задержала дыхание, – он из будущего? Из

нашего будущего?

– Предполагаю, что да.

– Он – руководитель всей этой... операции?

Себастьяно предоставил мне самой отвечать на этот вопрос. Он свернул в боковой канал, на берегу которого стояли люди, и они могли нас услышать. Себастьяно жестом показал мне, что барьер мешает дальнейшим объяснениям.

Он направил гондолу к пристани и пришвартовался, обвязав канат вокруг столба, торчащего из воды.

Мы вышли из гондолы и направились к впечатляющему архитектурному ансамблю. Он состоял из церкви с готическим фасадом, рядом с которой стояла еще одна церковь, с колокольной, а за ними выстроились кирпичные здания. Церковь, которая была больше, выглядела новой с иголочки, но несмотря на это ее облик показался мне странно знакомым. Затем я вспомнила, что осматривала это здание вместе с родителями во время обзорной экскурсии по городу. Раньше – то есть сейчас – здесь был бенедиктинский монастырь. Мне тут же вспомнилось его название.

– Сан-Заккариа, – сказала я.

– Совершенно верно, – подтвердил Себастьяно. – Самый крупный женский монастырь Венеции.

– Я не хочу становиться монахиней, – прямо заявила я.

Себастьяно рассмеялся.

– Я так и подумал. Поэтому я договорился с аббатисой, чтобы тебя разместили там как гостью.

– Она знает почему?

– Нет, – он понизил голос, чтобы убедиться, что нас никто не подслушает. – Здесь никто ничего не знает, и пусть это так и остается. Ты – моя кузина из Рима, которая приехала сюда в гости.

– Я думала, я кузина Мариетты, – сказала я.

Он приподнял бровь.

– Мы все – одна большая семья.

Меня по-прежнему одолевали бесчисленные вопросы. Например, как он получил эту работу и в чем именно заключается его задание.

Но их пришлось отложить в долгий ящик, потому что Себастьяно постучал в ворота монастыря, и ему тут же открыли. Дородная монахиня в черной рясе спросила, с какой целью мы пришли, и Себастьяно вежливо сообщил, что привез свою римскую кузину, о которой уже договорился с преподобной матушкой. Монахиня знала, о чем речь. Она провела нас во

внутренний двор, окруженный колоннадой. Во дворе я увидела множество монахинь: некоторых в черных одеяниях, других, к моему удивлению, в совсем обычной повседневной одежде. Некоторые из них были еще детьми, не старше десяти-одиннадцати лет. Пока мы шли к внутренним покоям, нас встречали любопытными взглядами, и большинство глаз определенно были обращены на Себастьяно.

Монашки смотрели на Себастьяно восхищенно, как Белла на Эдварда. Почему-то мне внезапно захотелось спрятать его от них, но вместо этого я лишь отводила взгляд и делала вид, будто не замечаю их восторженного жеманства.

– Здесь наш dormitorio – помещения для сна, – сказала монашка, ведя нас по коридору со множеством дверей.

– Одна из наших спален предназначена для посетительниц, потому что к нам часто приезжают дамы из других мест, – пояснила монахиня, которая представилась нам как сестра Жюстина. В заключение она рассказала мне о правилах, которые следовало соблюдать, находясь здесь. Никаких ночных вечеринок, никаких посетителей-мужчин, за исключением, естественно, моего кузена, никаких домашних животных и никакой громкой музыки в келье.

– Мы не приветствуем ни игры на лире, ни собачьего лая.

Я заверила сестру Жюстину, что у меня нет ни собаки, ни лиры и что я не планирую устраивать никаких торжеств ни ночью, ни в какое-либо другое время суток.

Она поинтересовалась, где мои вещи. В ответ на это я лишь растерянно посмотрела на Себастьяно. Он поспешно объяснил, что они еще на корабле, на котором я приплыла, и он доставит их позже.

Сестра Жюстина отвела меня в келью, которую мне предстояло делить с другой гостьей, вдовой неаполитанского купца.

– Бедная монна Доротея, – сказала сестра Жюстина. – Ее супруг умер здесь, в Венеции. Он приехал по торговым делам, а она его сопровождала. Теперь она ждет, пока родственники смогут ее забрать.

– А где сейчас монна Доротея? – спросила я.

– Она отправилась на исповедь, а затем она будет молиться святому Марку в базилике, – сказала сестра Жюстина. – Но самое позднее к вечеру она вернется.

– И все-таки здесь очень красиво, не так ли? – спросил меня Себастьяно.

Я осмотрелась в комнате. Она была просторной, почти в два раза больше, чем каморка Клариссы, и обставлена весьма достойно. Рядом с

двумя кроватями расположился столик со скамеечкой, настенная полка и большой сундук для одежды. Над дверью висел резной деревянный крест, а на стене напротив – зеркало. Перед ним стоял своего рода шкафчик для косметики, на котором были разбросаны различные принадлежности, от расчесок, флаконов с духами и горшочков до мозаичных шкатулок для украшений и прочих безделушек. Неизбежный ночной горшок был спрятан за ширмой.

Было несложно заметить, что моя новая соседка по комнате не слишком любила порядок. Повсюду валялись одежда и обувь, а в тазике для мытья осталась использованная вода.

Кроме того, монах Доротея не соблюдала запрет на домашних животных – у нее была птичка. У узкого окна висела клетка с разноцветным громогласным попугаем, который искоса рассматривал меня, наклонив голову.

Себастьяно сказал, что теперь ему пора идти, и меня тут же охватила тихая паника.

– Когда ты вернешься? – спросила я.

– Так скоро, как смогу. Самое позднее завтра вечером.

– Куда ты направляешься?

– Туда, куда потребуют отправиться мои нынешние обязанности.

Сестра Жюстина и еще несколько монахинь могли нас услышать, и я заметила, что все они тут же наострили уши. К сожалению, Себастьяно не мог сообщить мне ничего конкретного об этих своих обязанностях.

Так что я попыталась спросить намеком:

– Другими словами, ты снова должен... уехать?

Он кивнул.

– К нам домой?

Он кивнул еще раз.

Я не смогла сдержать слез, навернувшихся мне на глаза. Он отправлялся назад, в наше время, а я застряла здесь! Это было так несправедливо! Почему это ему можно, а мне нет?

– Скажи мне только одно, – прошептала я ему на ухо, сделав вид, будто хочу обнять на прощание своего драгоценного кузена. – Могу ли я тоже рассчитывать на эту... специальную процедуру?

– Нет, – так же тихо ответил мой названный кузен. Его дыхание щекотало мои виски. – Ее делают только... дома.

– Ты можешь, по крайней мере, известить моих родителей, что со мной все в порядке?

– Не получится. Я объясню тебе в следующий раз.

Внезапно я заметила, что наши объятия из прикрытия превратились в настоящие. Себастьяно держал меня неожиданно крепко. Я почувствовала его чистый, мужской запах и смутилась, как это уже случалось однажды. Я растерянно ощутила, какой маленькой кажусь, когда стою так близко к нему. Он был почти на голову выше меня. Мои глаза были на высоте его губ.

Затем он отпустил меня и отступил на шаг назад.

– Вещи тебе привезут на лодке.

– Какие вещи?

– Мариетта соберет для тебя кое-что.

Я не знала, стоит ли этому радоваться. Бесспорно, у нее изысканный вкус, в этом я не сомневалась. Но если он мог запросто попросить ее подобрать пару вещей для бедной брошенной маленькой Анны, между ними существовали какие-то близкие отношения. Это меня странным образом раздражало.

– До скорого, – сказал Себастьяно.

– До скорого, – откликнулась я.

Я хотела сказать что-нибудь еще, может, даже о чем-то пошутить, чтобы не выглядеть такой безутешной и несчастной, но у меня не нашлось слов.

Затем ворота закрылись за ним, и я осталась одна.

* * *

Одна среди монахинь, если быть точной. Как только Себастьяно ушел, обитательницы монастыря обступили меня со всех сторон, чтобы познакомиться. Точнее, чтобы спросить, как зовут моего кузена, сколько ему лет, где он живет и когда он снова вернется.

Они допрашивали меня, окружив плотным кольцом. Так я познакомилась с Урсулой, Имельдой, Беатой и еще несколькими своими сверстницами. Большинство из них жили в монастыре уже давно – некоторых отдали сюда, когда им было еще семь лет.

Я вспомнила о том, что экскурсовод рассказывал нам с родителями об этом женском монастыре. По его словам, это было своего рода закрытое учреждение для женщин. Вообще говоря, выходить замуж могли только старшие дочери. Это было связано с тем, что от невест из богатых семей ожидали разорительно большого приданого. Место в монастыре обходилось дешевле. Поэтому все вторые, третьи и последующие дочери

становились монахинями и до конца жизни кисли за стенами монастыря, проводя время в молитвах.

В ходе разговора с девушками я узнала, что их жизнь все-таки не была беспросветно унылой. Например, никто не возмущался, если монахини в своих комнатах красились или надевали красивые платья; главное, чтобы этого никто не видел.

Этот любопытный факт я выяснила, расхаживая вместе с Урсулой, Беатой и Имельдой по галерее вокруг внутреннего двора. Они выдали мне и другие пикантные детали: ночью иногда устраивались вечеринки с музыкой, танцами и вином, и последняя была как раз недавно. Время от времени на этих праздниках даже появлялись мужчины, и тогда получалось по-настоящему весело.

Беата шепотом сообщила мне, что она хочет устроить праздник как раз грядущим вечером, в комнате Доротеи.

– Теперь и я там живу, – ошеломленно сказала я.

– Именно, – прошептала Урсула. – Вы обе – не монашки, поэтому преподобной матушке будет проще закрыть на это глаз.

– Оба глаза, – хихикнула Беата.

Я с трудом успевала переваривать информацию. Судя по всему, в этом столетии жизнь в монастыре была не худшим вариантом.

– А что, кузен Себастьяно тоже сможет прийти? – спросила Имельда.

– К сожалению, он должен уехать по делам.

Девушки показали мне и другие помещения монастыря. Они провели меня по хозяйственному флигелю, где в кухне и прачечной трудились бесчисленные служанки, через обеденный зал, который здесь назывался «рефекторием», и наконец, через скрипторий, зал для письма вкупе с библиотекой, в которой было собрано удивительное количество книг. Книги, как я успела узнать от Клариссы, были в те времена ценным раритетом, потому что книгопечатание изобрели только недавно, и большинство фолиантов по-прежнему изготавливались вручную, что требовало долгого и упорного труда монахов, которые часто дополнительно изучали каллиграфию.

После того как я все осмотрела, мы снова вышли на свежий воздух, где мне показали уборную, а затем сад и огород, но тут появилась сестра Жюстина и приказала нам разойтись по кельям. Все монахини должны были надеть свое облачение, все гости и служанки – чепцы. Тут же мне сообщили, зачем это нужно: какое-то знатное должностное лицо заявило о намерении посетить монастырь, принять участие в совместной трапезе с аббатисой, а затем присутствовать на мессе в церкви Сан-Заккариа.

– Так что мы все должны произвести хорошее впечатление, – сообщила Урсула по пути в dormitorio. – А то благородные господа могут подумать, что в монастыре недостаточно дисциплины и порядка. Они издадут новые законы, чтобы запретить нам даже малейшие удовольствия.

Я узнала, что это происходило уже не раз. Например, среди прочих, существовал закон, который запрещал мужчинам шататься ночью по женскому монастырю.

– Можно подумать, кто-то его соблюдает, – добавила Урсула.

Постепенно у меня сложилось впечатление, что в женских монастырях того времени происходило немало интересного. Внешне благочестивые девушки любили повеселиться.

Немного позже посыльный принес к воротам монастыря ящик. Две служанки притащили его в комнату монны Доротеи и, с трудом переводя дух, поставили на пол, пояснив, что это мои вещи.

Я была не слишком удивлена, обнаружив в нем целую кучу одежды от Мариетты, старой доброй подруги Себастьяно, – включая маленький мешочек с монетами. Заметно меньше золотых, чем в прошлый раз, но все-таки. Даже платье, которое я отвергла сегодня утром, было тут, вместе с еще несколькими весьма красивыми вещами – верхней одеждой и бельем.

Я как раз закончила рассматривать одежду, когда в келью ворвалась женщина, от вида которой попугай сразу же разразился воодушевленными криками.

– Монна Доротея, сокровище мое! – завизжал он. – Монна Доротея, красавица моя!

– Я Доротея, – представилась мне женщина, хотя в этом уже не было никакой необходимости – А ты, должно быть, Анна, моя новая соседка по комнате!

Попугай она сказала:

– Тише, Полидоро!

Я украдкой рассматривала ее. По-моему, она была совершенно не похожа на безутешную вдову. Прежде всего, я не ожидала, что она окажется такой молодой и симпатичной. Скорее я рассчитывала увидеть даму средних лет, убитую горем, скорбящую и поблекшую.

Но Доротее было не больше двадцати. Кроме того, она составляла отличную компанию своему попугаю. На ней было светло-голубое платье, изумрудно-зеленый чепец и красные туфли. Волосы были ярко-рыжими. Когда она сняла чепец, медные пряди рассыпались по плечам.

– На случай, если ты удивляешься, почему я не ношу черное, – портниха еще не закончила шить мой траурный гардероб, – сказала

Доротея. На слове «черное» она скорчила такое лицо, будто необходимость носить черное огорчала ее сильнее, чем смерть мужа.

Несмотря на это, я выразила ей свои соболезнования, которые она приняла, небрежно пожав плечами.

– Пришло его время, – сказала она. – Таддео был древним стариком, он мне в дедушки годился.

– Боже мой! – в ужасе воскликнула я. – Тебя заставили за него выйти?

Она рассмеялась.

– Вот еще! Он был богат, как Крез. Старики с деньгами часто выглядят моложе, чем на самом деле. По крайней мере, поначалу. Но потом это уже не слишком помогало. Под конец, несмотря на все его дукаты, он не мог обойтись без пеленок.

Я сочувственно посмотрела на нее, хотя она, похоже, хорошо переносила стресс, поскольку в следующую секунду она с восторженными возгласами бросилась к открытому сундуку, чтобы поближе рассмотреть мою новую одежду. Для сравнения она достала свой сундук и принялась вытаскивать одну вещь за другой, чтобы продемонстрировать мне. У нее были восхитительные одеяния и украшения, а я мало-помалу начала разбираться в том, что здесь считалось модным.

– Как тебе вот это? – спросила она, показав мне желтый шелковый платок, накинутый на плечи. – Я его только что купила! – Она закружилась, так что ее юбки приподнялись, а шаль раздулась от потока воздуха.

– Монна Доротея, сокровище мое, – закричал Полидоро. – Монна Доротея, красавица моя!

– Платок и правда очень красивый, – сказала я.

Доротея вздохнула.

– Ах, так печально, что я, быть может, не смогу больше никогда его носить, потому что все будут требовать от меня, чтобы я остаток своей жизни проходила в черном. Меня заберут со дня на день.

– Твои родственники?

Она кивнула.

– Мой старый как коряга деверь и старая как коряга золовка, которые вынудят меня прожить остаток моей жизни в старом как коряга доме моего старого как коряга супруга, который, между прочим, уже умер.

– Я не хочу обратно в Неаполь! – завизжал Полидоро во всю глотку. – Я не хочу обратно в Неаполь!

– Часто Полидоро подхватывает то, что не предназначено для чужих ушей, – извиняющимся тоном сказала Доротея.

Это навело меня на одну мысль. Вскоре Доротея снова вышла, потому

что ей нужно было в уборную, и я встала перед клеткой.

– Привет, Полидоро, меня зовут Анна, и я из будущего, – сказала я. Или, скорее, хотела сказать. Вместо этого получилось:

– Приветствую, Полидоро, меня зовут Анна, и я прибыла издалека.

После этого я попробовала еще раз, с «айподом», который тут же превратился в «зеркало».

А ведь мне так сильно хотелось обойти барьер.

* * *

Вечерняя трапеза, которую обитательницы монастыря принимали в рефектории после общей молитвы, оказалась неожиданно хорошей, не менее вкусной и разнообразной, чем завтрак в доме куртизанок. Еда здесь была действительно восхитительной.

Возможно, эта роскошь была связана с тем, что многие монахини происходили из богатых домов. Их семьи должны были выплачивать немалую сумму за пребывание в монастыре, а значит, придавали значение тому, чтобы с девушками и женщинами там хорошо обходились.

Я спрашивала себя, почему Клариссу не отправили сюда, ведь здесь ей было бы легче, чем у Матильды. Кларисса... Мне по-прежнему казалось, что я не все о ней знаю. С одной стороны, из-за туманных намеков Себастьяно, с другой – из-за ее собственных слов, произнесенных в момент прощания.

– *Разве я недостаточно искупила свою вину?*

Что она хотела этим сказать? Еще пару часов назад я могла спросить об этом Себастьяно, но у меня в голове крутилось так много других вопросов, что я об этом совершенно забыла.

Вернувшись из уборной, Доротея сообщила, что сейчас самое время подготовиться к веселью. Я молча приняла это к сведению, поскольку мое настроение было совсем не праздничным. Я бы с большей охотой посидела в углу и подумала обо всем. Или прилегла подремать, чтобы отдохнуть как следует. Хотя я и проспала до полудня, я уже снова устала. Неудивительно, учитывая, с чем мне пришлось столкнуться за последнее время.

Впрочем, я не хотела портить остальным удовольствие – это было бы неблагоприятно. В конце концов, Доротея приняла меня любезно и даже предложила мне свои красные туфли. В обмен на это она одолжила у меня нижнее платье с оборками. Я ничего не имела против, хотя красные туфли меня не слишком порадовали – они были малы мне по меньшей мере на два

размера.

Доротея прибралась в комнате, попросту сгрузив за ширму все ненужное (включая клетку с попугаем). Затем она уселась перед зеркалом и от души принялась за дело. Она подвела глаза углем и в избытке нанесла румяна, затем уложила свои локоны с помощью булавок, превратив их в своего рода водопад, приправила все это испанской мантильей и, наконец, спросила у меня, как она выглядит. Я заверила ее, что сногшибательно, в ответ на что она радостно взмахнула веером с бахромой.

– Сегодня я буду по-настоящему красивой, – решительно сказала она, что привело Полидоро в невероятное возбуждение, хотя он сидел в клетке за ширмой и не мог ничего видеть. После того как он проскрипел «Монна Доротея, красавица моя» по меньшей мере десять раз, я набросила на клетку желтый платок, заставив его замолчать. Зато у Доротеи появилась возможность говорить без умолку. Она рассказала мне совсем чуть-чуть о своем муже Таддео, волосах у него в носу, запахе у него изо рта, его подагре и постоянном желании помочиться. При этом она выразительно подчеркнула, что неопытные люди иногда переоценивают значение денег, прежде всего, в связи с супружескими узами.

– Пусть моя судьба послужит тебе уроком, – посоветовала она. – Лучше выходи за бедного, но красивого молодого человека, чем за богатую дряхлую развалину.

Я пообещала помнить об этом, если мне когда-нибудь потребуется определиться с планами на свадьбу.

– Не стоит думать, что я была непочтительна к старшим, – продолжала Доротея. – Я была в высшей степени благодарна Таддео и буду вечно чтить его память. Все-таки он оставил мне все свое состояние. Чтобы я, став вдовой, смогла прожить достойную жизнь и ни в чем себе не отказывать.

Словно отреагировав на какую-то тайную команду, она вытащила из-под кровати целый кувшин вина. Наполнив до краев два бокала, она протянула один мне. Затем она пожелала здоровья мне и своему отражению в зеркале.

– За тебя, дорогой Таддео.

Я только пригубила вино, но вскоре ощутила, как оно ударило мне в голову. Доротея опустошила свой бокал парой щедрых глотков и затем, что-то напевая, принялась расставлять по углам новые свечи.

– Они придут, как только снаружи полностью стемнеет, – заговорщицки заверила она меня, щедро прыскавая на себя духами.

Я чихнула, потому что запах роз оказался неожиданно резким.

– Кто придет? Другие монахини?

– Они, конечно, тоже. И мужчины. Только с ними веселье по-настоящему удастся.

– Как же они проберутся сюда?

– Под покровом ночи они забрасывают веревочную лестницу на стену со стороны огорода. Затем они крадутся к dormitorio.

– Вы не боитесь, что аббатиса обо всем прознает?

– Ах, она сама время от времени не прочь повеселиться. Только Жюстина слишком щепетильно ко всему относится, но обычно это несложно уладить.

Я отпила еще немного вина, и в результате через некоторое время мне еще сильнее захотелось улечься спать. Как раз когда я размышляла, не забраться ли на кровать с ногами, Доротея подняла голову, прислушиваясь.

– Кажется, я слышу шаги!

Тут же раздался стук в дверь и появились первые гости – Урсула и Беата. Они вошли, хихикая, получили у Доротеи порцию вина и принялись обсуждать каких-то незнакомых мне людей. Следующий стук в дверь не заставил себя долго ждать.

Доротея вскочила и еще раз торопливо посмотрелась в зеркало, оценивая свой макияж.

Я тут же подскочила и замерла, чувствуя, как колотится сердце. Нет, меня не так уж волновала предстоящая вечеринка, но у меня внезапно начала чесаться шея. Как будто зажегся красный свет, возвещающая тревогу.

Затем я услышала под дверью тихие мужские голоса и поняла, в чем дело.

* * *

Дверь отворилась, и вошли остальные гости. Меня они вообще не заметили, потому что я одним прыжком оказалась за ширмой. Через щель в полотне я разглядела Имельду и троих мужчин, шедших следом за ней. Двоих я знала. Это были Альвис и Джованни Малипьеро, а третий явно был их хорошим другом.

Все были в превосходнейшем настроении. Джованни тут же принялся заигрывать с Беатой, а она смеялась и не протестовала. Альвис заключил Доротею в жаркие приветственные объятия и горячо поцеловал ее. Неудивительно, что она не изображала из себя скорбящую вдову. Судя по всему, Альвис был ее любовником. Очевидно, она так часто отправлялась на молитву или исповедь, только чтобы встретиться с ним. Или сходить за

покупками.

Третий мужчина налил себе вина и принялся любезничать с Имельдой. Обоим стоило бы сначала узнать друг друга получше, но быстро стало понятно, что это чистая формальность, которая займет не больше пары минут.

Урсула тоже налила себе вина и огляделась вокруг, словно высматривая кого-то.

– А где Анна? – спросила она. – Она же только что была тут.

Она заглянула за ширму, и я молниеносно опустила на ночную вазу, которая, к счастью, оказалась пустой и чистой.

Урсуле показалось, что она поняла, в чем дело.

– Вот как, – озадаченно сказала она, а затем снова присоединилась к остальным и включилась в общую болтовню. Говорили, прежде всего, о темных делах венецианских благородных семейств.

Потом Альвис сказал нечто, что заставило меня наострить уши.

– Конечно, завтра мы пойдем на торжество Тревизана. Нам нужно обсудить с ним кое-какие неотложные дела.

Альвис произнес слово *дела*, злорадно усмехнувшись, и это прозвучало так, будто речь шла не о делах, а о... каком-то коварном замысле?

– Ах, дела – это так скучно, – зевнула Доротея. – На праздниках нужно танцевать, петь и радоваться! Я бы согласилась на ладонь укоротить себе волосы, только чтобы пойти.

– Наши с Тревизаном дела вовсе не скучные. Они скорее... неизбежные.

На этот раз в смехе Альвиса отчетливо слышалось злорадство. Мою спину словно окатил холодный душ, а шея зачесалась еще сильнее. Я осторожно приблизилась к щели, чтобы увидеть больше.

– Доротея, красавица моя, если ты точно хочешь пойти, мы можем это организовать, – сказал Альвис. Он шутливо схватил ее тщательно уложенную прядь. – И тебе даже не придется обрезать твои великолепные огненные волосы.

Она оттолкнула его руку.

– Не смейся надо мной!

– Не смеялся и не собираюсь. – Он ухмыльнулся. – Почему бы тебе просто не пойти?

– Но что скажут люди? – с сомнением произнесла Доротея. – Я недавно овдовела!

– Никто тебя не узнает. Надень маску, все равно почти все так делают.

– Но ведь сейчас не время карнавала, – возразила Урсула. – Разве носить маски не запрещено?

– Невинная овечка, – сказал Джованни. – Никто не соблюдает эти запреты. Кроме того, праздник ведь проходит в доме, никто нам там не помешает.

Доротея хлопнула в ладоши.

– Ах, это было бы так чудесно! Я уже столько лет ни разу не была на празднике! – Она немного подумала. – В последний раз – когда отмечали мою свадьбу. На нее пришли одни дряхлые старики, у большинства из которых даже нет своих зубов.

– В зубах недостатка не будет, – смеясь, пообещал Альвис. Словно в доказательство он наклонился и укусил Доротею за мочку уха, отчего она тихонько взвизгнула.

Я яростно почесала шею, но от этого зуд только усилился. Внезапно я вспомнила, где могла слышать имя Тревизана. Себастьяно упоминал его в ночь моего появления здесь, когда я только приходила в себя.

Уже сегодня ночью Тревизана могут пустить под нож, и если я этому не помешаю, что тогда? Малипьеро таятся с ядом и кинжалом за каждым углом!

Эти слова оставляли не слишком много места для фантазии. Альвис хотел навредить Тревизану, вероятнее всего, с помощью яда или кинжала. Другими словами, он планировал убить этого Тревизана, причем уже завтра, на этом празднике!

«Ну отлично, – растерянno подумала я. – Что, черт побери, мне теперь делать?»

– Где же, собственно говоря, Анна? – спросила Доротея.

Урсула многозначительно откашлялась, и я увидела сквозь щель, как она отчетливо указала рукой в мою сторону, что означало «Анна отлучилась в туалет». К сожалению, поняли не все.

Альвис, который сидел на кровати рядом с Доротеей, встал и попытался заглянуть через ширму.

– Эта Анна настолько невинна, что прячется от мужских взглядов?

– Если эти взгляды настолько дерзкие, как твои, то ничего другого ей не остается, – пояснил его брат, и они с Альвисом оглушительно расхохотались. Еще секунду я надеялась, что они просто забудут обо мне, но Альвис не сделал мне этого одолжения. Он подошел ближе. Еще пара шагов, и он мог бы меня увидеть. Еще один. Полшага.

– Ну надо же, – сказал он. – Что у нас тут?

– Птица. – Я держала клетку перед собой так, чтобы заслонить голову

и верхнюю половину тела. – Ему не очень хорошо. Я вынесу его на свежий воздух.

Прежде чем кто-то успел меня задержать, я уже протиснулась мимо Альвиса и пробиралась к двери, обходя столпившихся в комнате людей. Оказавшись в коридоре, я пнула дверь, захлопнув ее за собой.

– Пронесло, – сказала я Полидоро.

– Я не хочу обратно в Неаполь, – сонно проскрипел он.

– Не проблема. Мы только немного погуляем в саду.

* * *

По дороге в сад я оставила клетку в галерее, где какой-нибудь «жаворонок» рано или поздно наткнется на нее и отнесет Доротее.

– Только води себя потише, – попросила я Полидоро.

Затем я взяла свечу и прокралась в огород. Там я некоторое время металась вдоль стены. Вместо свечки я бы предпочла держать в руках фонарик; мне показалось, прошла вечность, прежде чем я нашла веревочную лестницу.

Я взобралась по ней и убедилась, что она оканчивается крюками, которые цепляются за край стены. Было слишком высоко, чтобы спрыгнуть вниз, не говоря уже о том, что позже мне нужно будет как-то вернуться назад, так что я втянула лестницу наверх, переставила крюки и сбросила ее с внешней стороны стены. Если Альвис и остальные снова захотят забраться наверх, прежде чем я вернусь, они окажутся в западне, но это не моя проблема.

В моем колышущемся объемном одеянии было непросто осилить спуск по лестнице, при этом еще и следя за свечой, но каким-то образом мне удалось справиться с этим, не свернуть шею, не поджечь одежду и остаться незамеченной.

Дальнейшее оказалось намного сложнее. У меня не было при себе денег, и я не рассчитывала, что просто смогу забраться в гондолу. Возможно, я могла бы рискнуть, убедив гондольера, что расплачусь в конце маршрута. Но что я буду делать, если мне никто не откроет? Например, если сегодня выходной, или все спят, или никто не захочет одолжить мне денег?

Так что я пошла пешком, что заняло намного больше времени, чем поездка на гондоле, поскольку мне пришлось сначала пересечь мост Риальто, а затем пройти через Сан-Поло. Многочисленные тупики и

похожие друг на друга дома тоже не облегчали дело. Я постоянно сбивалась с пути, пока снова не увидела Гранд-канал, который был единственным надежным ориентиром, потому что факелы, горевшие вдоль его берегов, были ярче, чем на улицах.

Добравшись наконец до дома куртизанок, я вся промокла от пота, несмотря на холодный воздух. Я постучалась, и мне тут же открыла служанка, которая сегодня утром приносила мне завтрак.

Я спросила о Себастьяно и, к моей огромной досаде, узнала, что о его местонахождении ничего неизвестно. Еще днем он вместе с одноглазым отправился в путешествие, ничего не сказав о том, когда собирается вернуться.

Я спросила о Мариетте – а что мне еще оставалось? Может, она знает больше.

– Лучше подождите здесь, внизу, пока я извещу нашу госпожу, – сказала Магда. – Наверху прямо сейчас... празднуют.

Могу себе представить. Подозреваю, что это зрелище не для детей.

Я нетерпеливо ждала во внутреннем дворе, пока Магда ходила за Мариеттой. С верхнего этажа доносились игра на флейте и гул голосов. То и дело их прерывали громкий мужской смех и женское хихиканье.

Мариетта спустилась по лестнице, паря в воздухе, как королева эльфов. Закутанная в текучий белый шелк, с непокрытыми волосами, она выглядела прямо как Арвен из «Властелина колец».

– Святые небеса, – сказала она. – Что ты здесь делаешь среди ночи? Как ты выбралась за стены монастыря?

– Ах, там случайно висела лестница... Ты не знаешь, когда вернется Себастьяно?

– Никто не знает. Почему ты здесь?

– Мне срочно нужно с ним поговорить.

– Он придет в ярость, когда узнает, что ты сбежала из монастыря. Он думал, что там ты точно в безопасности, под защитой.

– Ну да, безопасностью это не назовешь, – сказала я. – На самом деле туда явились те же ребята, что были здесь.

– Ох! – удивленно воскликнула Мариетта. – Кого же из тех, кто бывал здесь, ты встретила там? погоди, я сама могу догадаться. Братьев Малипьеро.

Когда я кивнула, она сердито щелкнула языком.

– У обоих любовницы повсюду, и среди куртизанок, и среди монахинь. Я слышала, что Альвис подцепил одну молодую вдову, которая как гостья живет в монастыре.

– Монна Доротея. Она моя соседка по комнате. Он пришел к ней сегодня ночью, вместе со своим братом и еще одним мужчиной. Собирались устроить веселый праздник. Пока они не начали праздновать вовсю, я решила исчезнуть.

Она с любопытством разглядывала меня.

– Ты сбежала оттуда? Потому что все это показалось тебе неподобающим?

– Нет. Этот Альвис сказал кое-что, что я должна срочно сообщить Себастьяно.

– Ну, к сожалению, как я уже сказала, его сейчас здесь нет, и я понятия не имею, когда он вернется. – Она бросила на меня вопросительный взгляд. – О чем речь? Лучше всего, если ты расскажешь мне, а я потом передам все Себастьяно, как только он появится.

Учитывая сложившееся положение, это была разумная идея. Она была его старой доброй подругой. С другой стороны... Возможно, она была старой доброй подругой не только для Себастьяно, но и для этих братьев Малипьеро. В конце концов, они были ее постоянными клиентами.

Меня разрывали противоречивые чувства, и я понятия не имела, могу ли я ей доверять. В конце концов победила осторожность.

– Я лучше сама ему расскажу.

Она с усилием улыбнулась.

– Как тебе будет угодно. Как только он появится, я пришлю весточку. А сейчас тебе пора возвращаться в монастырь. Я бы с радостью предложила тебе кров на остаток ночи, но многие будут весьма недовольны, если поутру тебя не окажется в монастыре. Разошлют стражников, чтобы найти тебя, ведь кому же заботиться о бедной сиротке, как не монастырю.

Ее слова расстроили меня, я почувствовала себя беззащитной, как Бемби. Хуже всего, я даже не могла объяснить, что это на самом деле не так. Моя мама не только не умерла, она еще даже не родилась. И родится не скоро.

В одном Мариетте было не отказать: она умела принимать гостей по высшему разряду. По ее приказу служанка принесла мне хлеб с ветчиной и кувшин с неизменным разбавленным вином, и после того как я перекусила, Мариетта позаботилась и о моем обратном пути: один из ее слуг довез меня до монастыря на гондоле. Высадив меня у пристани, он дал мне новую свечу, потому что моя сгорела уже почти полностью.

Тут же мне пришлось пережить мгновение ужаса, потому что, когда я приближалась к монастырю, из-за угла вышел патруль – двое мускулистых

мужчин, в шлемах и с копьями. Я едва успела спрятаться в арке ворот, спрятав свечу за спиной, но, к моему облегчению, они промаршировали мимо, не заметив меня.

Я проворно прошмыгнула вдоль здания монастыря к стене, где висела лестница. С невероятным облегчением я увидела, что она по-прежнему там, иначе мне пришлось бы задействовать план Б. У которого был существенный недостаток: сначала мне пришлось бы его придумать.

До утренних колоколов оставалось не так уж много времени. На востоке, у горизонта, уже показалась блеклая полоска света, значит, мне нужно было торопиться, чтобы успеть перебраться через стену. Карабкаясь наверх, я втягивала голову в плечи, стараясь быть незаметной. И все равно мне казалось, будто на меня смотрят со всех сторон.

Забравшись наверх, я втащила за собой лестницу, а спустившись, оставила ее незаметно болтаться между ягодными кустами. Быстрым шагом я преодолела остаток пути до главного здания.

Клетка с попугаем исчезла. Я предусмотрительно приложила ухо к стене комнаты Доротеи и прислушалась, но не различила ни звука. Итак, я могла рассчитывать, что их вечеринка уже закончилась. Я осторожно постучалась. Дверь открылась не сразу, наружу выглянула заспанная Доротея. Макияж на ее лице смазался – после праздника она не стала утруждать себя умыванием.

– А вот и ты, – сказала она, впуская меня внутрь. – Где ты пряталась все это время?

– Ах, я забыла кое-что важное в доме, где жила до этого.

– Где же этот дом?

– Не знаю, – соврала я. – Он где-то на Гранд-канале. Но не спрашивай меня, где именно. Я нездешняя и не так уж хорошо ориентируюсь здесь.

– Верно, ты же из Рима. – Она снова улеглась в кровать. – И ты права. Нужна не одна неделя, чтобы разобраться в здешних улочках. И все-таки, если пожить здесь, уезжать уже никогда не захочется. – Она мечтательно посмотрела на потолок. – С Альвисом никогда не скучно.

Под этим я подписалась бы, не раздумывая. Находясь рядом с ним, каждую секунду приходится быть настороже.

Я сняла туфли и забралась в кровать.

– Ты уже давно с ним встречаешься?

Ее смущение было почти осязаемым, но голос прозвучал упрямо:

– Я была совсем одинока и подавлена. А он такой симпатичный, что любая женщина растает.

Пожалуй, это дело вкуса. Не говоря уже о его манере оглушительно

смеяться.

– Кроме того, он всегда такой веселый, – продолжала Доротея. – Он очень помог мне в моем горе.

Этот сомнительный аргумент я оставила без комментариев, хотя кое-что мне все-таки нужно было узнать:

– Он часто приходит сюда к тебе? То есть, ну... чтобы праздновать?

Если да, мне следует как можно скорее поискать убежище где-то еще, потому что я не могу каждый раз прятаться от этого типа. Он видел меня у Мариетты и точно начнет задавать опасные вопросы. Мне становилось страшно от одной только мысли о ноже у него на поясе.

К моему облегчению, Доротея произнесла:

– Нет, мы почти всегда встречаемся у него. Сегодняшняя встреча – исключение. Вряд ли мы будем в скором времени это повторять. Мы поссорились, и веселью быстро пришел конец. Нам пришлось подкупить сестру Жюстину одним из моих лучших шелковых платков и целым миндальным пирожным, чтобы она выпустила мужчин из ворот. Лестница исчезла.

Я решила, что лучше не упоминать, что она, скорее всего, висела на другой стороне стены, потому что мне нужно было как-то вернуться.

– Почему веселье кончилось так быстро?

– Полидоро поднял ужасный шум в галерее, – с упреком произнесла Доротея. – Зачем тебе вообще понадобилось уносить бедную птицу отсюда?

– Клетка случайно попалась мне в руки, мне нужно было чем-то прикрыть лицо. Я не хочу, чтобы незнакомые мужчины пялились на меня вблизи.

– Альвис не такой, – заверила Доротея, хотя это прозвучало не вполне искренне. – Доброй ночи, – наконец, сказала она примирительно. – Спокойного сна.

Об этом меня не нужно было просить дважды. Я так измоталась, что не смогла бы пошевелить и пальцем. Буквально в следующую секунду я уже спала.

* * *

Меня разбудил звон колоколов в монастырской церкви. Мне показалось, будто я проспала в лучшем случае две минуты. На самом деле прошло примерно два часа, что было немногим лучше. Как бы то ни было,

я чувствовала, что не в силах встать.

– Я не хочу вставать, – проскрипел Полидоро за ширмой. Эта птица читала мои мысли.

Заметив, что Доротея просто осталась лежать, я поступила так же. Пока никто не явился выгонять нас из кроватей, нет никаких оснований торопиться.

Я снова задремала, но покой продлился недолго. Вскоре в дверь постучали, и вошла сестра Жюстина.

– Утренняя молитва вот-вот начнется, – сказала она.

– Я приду позже, к вечерней мессе в базилике, – пробормотала Доротея.

Жюстина осуждающе посмотрела на нее.

– Вы это всегда говорите, но мне кажется, что в итоге вы направитесь куда-нибудь еще.

– Какое вам до этого дело? – проворчала Доротея. – Я здесь гостя и хорошо плачу. Вам мало того прекрасного платка, который вы получили прошлой ночью? Чего вы еще хотите? – Она помолчала. – Ну ладно. Перламутровая застежка. И тогда вы оставите меня в покое до конца недели, и я смогу выходить наружу, когда захочу. Даже по вечерам.

Сестра Жюстина, не возражая, взяла застежку, но вместо того, чтобы уйти, спросила меня.

– А ты, дитя мое? Не хочешь пойти на утреннюю службу, как все добродетельные женщины в этом монастыре?

– Я плохо себя чувствую, – пробормотала я.

– От молитвы тебе сразу станет лучше.

Она по-прежнему выжидательно стояла у моей кровати.

Я уже уяснила, как это работает. Я сонно села на кровати и принялась рыться в сундуке, который стоял рядом. Наконец, я нашла кошелек и вытащила маленькую серебряную монету, которую сестра Жюстина безмолвно приняла. Затем она вышла, оставив нас спать дальше.

Звон полуденных колоколов окончательно положил конец нашему покою. Полидоро начал вопить, а Доротея сказала, что ей нужно спешить, потому что она еще должна купить маску к вечернему празднику у Тревизана. Когда я это услышала, сон как рукой сняло. Праздник!

Успеет ли Себастьяно вернуться вовремя, чтобы расстроить коварные планы Альвиса?

Кем бы ни был этот Тревизан, он, наверное, важный человек, если Себастьяно должен был его защитить.

Довольно быстро в моем воображении нарисовались всевозможные

ужасы: Альвис хитростью заманил Себастьяно обратно в будущее, чтобы снова напасть на него с ножом и на этот раз одержать верх. Себастьяно лежит, тяжело раненный, в больнице, в будущем, в то время как здесь надвигается беда.

Мои фантазии становились все мрачнее. Довольно быстро я убедила себя, что жизнь Тревизана уже окончена. Все попытки Себастьяно его спасти оказались тщетными.

– Скажи, а кто вообще этот Тревизан? – спросила я Доротею, когда мы возвращались в нашу келью после обеда.

– Массимо Тревизан – весьма уважаемый член Совета Десяти. Многие видят в нем следующего прокуратора. Или даже следующего дожа. Но Альвис считает, что Тревизан хочет занять пост в Savio del Collegio, Совете мудрецов. Так называют самых знатных и значимых советников дожа, о которых известно лишь немного. Альвис говорит, что это мужчины, обладающие огромной властью. Сам дож высказывается на публике не так уж часто, его представляют его люди. Эти «мудрецы» определяют саму судьбу Республики, они задают тон в Большом совете и говорят дожу, как ему следует поступать. – Она явно пришла в восторг. – У Массимо Тревизана денег как грязи, и к тому же он очень красив. Все любят торжества, которые он устраивает, пол-Венеции дерется за приглашения. Со стороны Альвиса было бы так любезно взять меня с собой!

Ага. Постепенно у меня начала складываться более четкая картина. Дело было в политической борьбе за власть. Альвис хотел убрать Тревизана, чтобы кто-то другой мог просочиться на этот пост в правительстве. Может, даже он сам?

– Альвис тоже занимается политикой? – спросила я.

– Не он, а его отец. Он тоже в Совете Десяти и, насколько я знаю, охотно стал бы членом Совета мудрецов.

Теперь все окончательно прояснилось.

– Мне пора идти на исповедь, а потом на службу, – сказала Доротея.

– А куда ты пойдешь на самом деле? – спросила я.

– Разумеется, покупать маску.

– Я пойду с тобой.

– Исповедаться? – с сомнением спросила Доротея.

– Нет, покупать маску.

– А тебе зачем маска?

– Мне нравятся маски, и я предпочитаю всегда иметь при себе одну.

На самом деле мне хватило той, которая навлекла на меня все эти несчастья и сейчас где-то в будущем гнила на дне Гранд-канала в моей сумке. Вместе с моим айподом.

– Я знаю хорошую лавку с масками, – сказала я.

– Я тоже, – ответила Доротея. – Совсем недалеко, прямо за базиликой.

Повезло – мне не придется упрашивать ее пойти со мной туда. Я молча надеялась, что встречу там, по крайней мере, Барта и смогу рассказать ему об ужасной ситуации.

Вместе мы с Доротеей двинулись в путь ранним вечером, в сопровождении мечтательного парня по имени Эрнесто, который обычно выполнял в Сан-Заккариа обязанности привратника и церковного служки. Доротея объяснила мне, что здесь не принято, чтобы молодые дамы благородной крови гуляли в одиночестве. Повсюду в городе шныряли карманники и прочий мерзкий сброд, а иногда даже творили бесчинства работоторговцы, которые особенно интересовались милыми светловолосыми девушками.

– Они утаскивают бедных созданий на свои грязные корабли и продают их в гаремы османских тиранов, – сообщила Доротея. Произнося это, она выглядела настолько серьезно, что ее слова невозможно было принять за шутку. За последнее время я уже слышала некоторое количество страшных историй об османах, с которыми Венеция почти постоянно вела войну. Кларисса поведала, как они заживо снимают кожу с пленных венецианцев или, что почти столь же ужасно, кастрируют их и обрекают на жизнь евнухов. Я знала об этой эпохе лишь немного, и мне было сложно рассудить, что из этого правда, а что – лишь легенда. Кроме того, я испытывала определенное уважение к османам и каждый раз, когда видела где-то человека в тюрбане и шароварах, глубоко кланялась ему.

Будучи простой служанкой, я каждый день могла перемещаться по городу совершенно свободно. Меня вообще не касались ограничения, которым вынуждены были следовать дамы более высокого положения вроде Доротеи – они могли выходить только под вуалью и в сопровождении мужчин.

Итак, под вуалью, рядом с Доротеей, которая непрерывно о чем-то болтала, я шла по улицам, а Эрнесто шагал в трех шагах позади нас, сосредоточенно глядя на свои ноги в деревянных ботинках. Если бы откуда-то вдруг возник османский охотник на девиц, Эрнесто его бы и не

заметил. Доротея усилила его рассеянность парой монет.

– Это ему за то, что он ничего не видит, ничего не слышит и ничего не говорит, – пояснила она мне.

Когда до лавки масок оставался только один поворот, на нашем пути возникли трое людей, чей вид заставил меня потрясенно замереть, не в силах сделать вдох. Это были не османы, но вряд ли они испугали бы меня сильнее.

Доротея остановилась.

– Что случилось, Анна?

Борясь с дурнотой, я подняла взгляд, чтобы получше рассмотреть этих троих. Возможно, я ошиблась, и эти люди были только похожи на моих знакомых.

Но я точно не обозналась. Мне навстречу шли супруги Тассельхофф и их сын Маттиас. На Юлиане было богатое парчовое одеяние и, как и на мне, шелковая вуаль, под которой ее черты можно было лишь угадать. Несмотря на это, я тут же узнала ее, хотя бы потому, что рядом с ней шел ее угрюмый супруг Генрих. Он был одет так же роскошно, как и его жена, и на поясе у него висел короткий меч. В том, как здесь носят мечи, я разобралась быстро; почти все мужчины, которые хотели достойно выглядеть, использовали их как аксессуар. Меч был в те времена чем-то вроде смартфона «блэкберри». Он был нужен мужчинам, чтобы чувствовать себя важным.

Рядом с Генрихом я разглядела полную фигуру Маттиаса, которого было ни с кем не спутать. Шаркая ногами, он тащился за своими родителями и выглядел так, будто с радостью оказался бы в пяти столетиях от них. Его исторический костюм скрывал его полноту так же неэффективно, как и одежда, которую он будет носить в будущем.

Я уставилась на него, как на призрака, ожидая, что он меня заметит. Когда ему оставалась до меня только пара шагов, я открыла рот, чтобы привлечь его внимание.

– Маттиас, что ты здесь делаешь? – хотела крикнуть я, но получился только невнятный хрип.

Доротея наклонилась ко мне.

– Анна? Платье слишком тесное? Или ты перегрелась на солнце?

Семейство Тассельхофф тем временем прошло мимо нас, не удостоив меня взглядом. Конечно, на мне была вуаль, как им было меня узнать! Я поспешно откинула ее с лица, но они уже завернули за угол. За секунду перед тем, как они исчезли из вида, я расслышала, как Юлиана сказала Генриху:

– В этом новом платье и с новой маской я определенно произведу впечатление на празднестве у Тревизана.

Наконец ко мне вернулось самообладание. Я освободилась от Доротей и устремилась вслед за Тассельхоффами. Они стояли у ближайшей пристани, явно намереваясь сесть в гондолу.

Я положила руку на плечо Маттиасу.

– Маттиас! – крикнула я.

То есть хотела крикнуть. Получилось просто «*Маттео!*»

– Маттиас Тассельхофф! – попробовала я еще раз, но вместо этого сказала: «Маттео Тассини!»

– Да? – Он недоуменно оглянулся. – Мы знакомы?

– Конечно же! – Я пристально посмотрела на него. – Я Анна! Мы вместе купили маску! И сели в красную гондолу!

Он потер лоб.

– Простите, но я вроде бы не встречался с вами раньше.

– Чего хочет от тебя эта девушка? – Юлиана Тассельхофф повернулась, сверля меня взглядом. – Следи за своим кошельком, Маттео.

– Да, мама, – послушно сказал Маттиас.

Я была возмущена. За кого она меня принимает?! И почему Тассельхоффы ведут себя так, будто со мной незнакомы?

Тут же меня одолели сомнения, поскольку я поняла, что она и в самом деле меня не знает. Это равнодушное неведение не смог бы столь правдоподобно изобразить человек с актерским талантом Юлианы Тассельхофф. А Маттиас выглядел искренне растерянным, словно и на самом деле никогда меня не видел.

Генрих тоже выглядел удивленным, он не имел ни малейшего понятия, что тут происходит.

– Может, этой девушке солнце не пошло на пользу.

– Но мы же виделись на постоялом дворе! – крикнула я. Конечно же, я хотела сказать «в отеле», но это было не важно, потому что эти трое все равно смотрели на меня, как на сумасшедшую.

Похоже, они страдали от коллективной потери памяти.

Я пыталась подобрать слова, чтобы объяснить им, кто я и откуда мы знакомы, но Доротей последовала за мной и встала рядом, так что барьер теперь мешал мне говорить о путешествиях во времени. Но даже если бы не она, у меня бы, скорее всего, ничего не вышло. Тассельхоффы не только оказались в этой эпохе, но и превратились в людей прошлого.

Они выглядели как знатная семья пятнадцатого века и вели себя так, будто уже давно жили здесь. Юлиана Тассельхофф-Тассини с надменным

видом позволила Генриху помочь ей сесть в гондолу, а Маттиас тяжеломерно взобрался следом за ней. Плюхаясь на скамью, он оглянулся и украдкой посмотрел на меня. Я с надеждой высматривала в его глазах проблеск узнавания, но его лицо не выражало ничего, кроме смущения.

Лодочник оттолкнул гондолу от ступеней пристани и опустил весло в воду. Вскоре лодка с Тассельхоффами скрылась за поворотом канала.

– Ты знаешь этих людей? – Доротея с любопытством искоса посмотрела на меня.

– Ах, похоже, я обозналась. Я подумала, что уже встречала их в... Риме.

– Я успела услышать, они говорили, что тоже собираются пойти на праздник. – Доротея презрительно фыркнула. – Надутая баба. Нужно внимательно выбирать маски, чтобы не купить такие, как у нее.

Я была в совершенном смятении после этой неожиданной встречи и едва могла мыслить связно. С отсутствующим видом я последовала за Доротеей к магазину масок и пришла в себя только тогда, когда вошла туда и внезапно оказалась лицом к лицу с Бартом.

– Ты здесь! – запинаясь, проговорила я, от облегчения почувствовав слабость.

Барт смотрел на меня не слишком радостно, скорее так, будто только что съел кусок лимона.

– Еще кто-то, с кем ты виделась в Риме? – обеспокоенно спросила Доротея.

– Нет, мы и правда знакомы, – сказала я.

– Что тебе здесь нужно? – спросил Барт.

– Ох, это звучит не слишком дружелюбно, – прокомментировала Доротея. – Ты правда уверена, что знаешь этого типа?

– Мне нужно с тобой поговорить, – требовательно сказала я Барту.

– Тебе следует привыкнуть к мысли, что я больше не могу тебе помочь.

– Когда женщине говорят такие вещи, ей стоит подумать, не лучше ли попытаться счастья с кем-то другим, – объяснила мне Доротея.

Барт одарил ее сердитым взглядом, на который она никак не отреагировала и принялась рыться на вешалках и полках, перебирая маски и костюмы.

Я заметила какое-то движение у себя за спиной, кто-то проскользнул мимо, и я застыла. Это была та же старая женщина, которая в будущем продала мне маску кошки. Я безмолвно наблюдала за тем, как она скрывается в кладовке. Я невольно шагнула за ней, но Барт схватил меня за

руку и повел к двери магазина.

– Эта старуха, – воскликнула я, когда мы оказались на улице. – Это та самая, которая... – У меня перехватило голос, но не из-за того, что я собиралась сказать дальше, а из-за того, что в нескольких шагах появился тупоумный Эрнесто, и снова начал действовать барьер.

Я вытащила из кошелька монету и предложила ему отойти подальше, где он ничего не услышит. Он с готовностью подчинился.

– Я знаю эту старую женщину, – прошептала я. – Из моего времени. Кто она и что она тут делает?

Барт пожал плечами. У него на лице снова отросла неровная щетина. Тот свежевыбритый, симпатичный парень, которого я видела недавно, был едва различим под этими зарослями. Из этого я сделала вывод, что он больше не виделся с Клариссой. Если он для кого-то и приводит себя в порядок, то только для нее.

Я попыталась вернуться в магазин, но Барт удержал меня за плечо.

– Что тебе здесь нужно?

– Поговорить со старухой. Она явно сможет мне все объяснить. И расскажет, как мне вернуться.

– Ты же знаешь, что тебе предстоит выполнить свое предназначение.

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Ты о том, из-за чего у меня не получилось вернуться? И об этой истории с маской кошки?

Он неохотно кивнул.

– Кто тебе об этом рассказал? Себастьяно?

– Нет.

– А кто тогда? Этот испанский гондольер Хосе Как-его-там?

Барт покачал головой. Меня невероятно злило, что я должна клещами вытягивать из него каждое слово, к тому же, вряд ли он мог узнать об этом от кого-то еще, кроме Себастьяно и Хосе – по крайней мере, из тех, кого я знала. – Может, ты мне просто скажешь?

– Это была я, – раздался сверху скрипучий голос. На первом этаже открылось окно, и в нем показалась старуха. – Юноша прав, он не может тебе помочь. Он только вестник, не страж и не хранитель.

Изборожденное морщинами лицо снова скрылось.

– Подождите! – растерянно крикнула я. – Мне нужно срочно поговорить с Себастьяно! Когда он вернется?

– Меньше жалоб, больше дела, – донеслось сверху. – Возьми ее и иди на праздник. – Она сбросила что-то вниз, и я инстинктивно отпрыгнула в сторону, чтобы меня не задело. Но старуха вовсе не целилась в меня –

просто выбросила из окна какой-то предмет. Я протянула руку и поймала его, прежде чем он приземлился на мостовую. Даже не присматриваясь, я поняла, что это. Это была маска кошки.

* * *

Окно захлопнулось снова, и Барт сообщил, что я могу кричать сколько угодно – старуха больше не появится.

Я совсем не собиралась кричать, потому что все произошедшее меня слишком запутало. Я молча рассматривала маску кошки и спрашивала себя, та ли это маска, которую я купила в будущем. Мне казалось, она выглядит точно так же – с изящной бисерной вышивкой вокруг отверстий для рта и глаз и тонкими усами из золотой проволоки. Она лежала в моей руке, теплая и мягкая, совсем как в первый раз, и казалось, будто внутренний голос шепчет мне – надень ее, и ты удивись тому, что случится.

Затем я резко вернулась в реальность. Маска подождет. Слишком много важных вопросов пока остаются без ответа! Не важно, кто такой Барт – просто вестник или кто-то еще, я буду доставать его вопросами, пока не выясню, что тут происходит.

– Я хочу заключить с тобой сделку, – сказала я. – Если ты мне расскажешь, что тут происходит, я попытаюсь уговорить Клариссу сходить куда-нибудь с тобой.

Он ошеломленно уставился на меня. Похоже, он рассчитывал на что угодно, но не на такое предложение.

– Ей и правда не помешало бы немного развеяться, – сказала я. – И я уже поняла, что ты считаешь ее симпатичной.

Барт попытался сделать вид, что рассержен, но я заметила, как покраснели его щеки.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он.

Его голос звучал резко и грубо, но я это попросту проигнорировала.

– Та старуха – как ее зовут?

– Это знание тебе вряд ли пригодится, но если ты спрашиваешь, ладно. Я знаю ее под именем монна Эсперанца.

Действительно, от этого мне немного пользы, но я решила, что лучше уж знать хотя бы имя, чем вообще ничего.

– Больше я ничего не могу о ней рассказать, – продолжил Барт, прежде чем я успела задать ему еще какой-нибудь вопрос о старухе. – Она то и дело отправляет меня куда-нибудь с поручениями. Или я помогаю ей в

магазине.

– У нее есть такая же... сила, как и у Себастьяно?

Барт лишь пожал плечами. Похоже, его разговорчивость снова иссякла.

– Что она имела в виду, когда сказала, что я должна действовать? – вслух размышляла я, – И что я должна сделать на празднике? Я имею в виду, за исключением того, чтобы пойти туда.

Он лишь пожал плечами. Я повертела маску в руках и переключилась на другую важную тему.

– Когда я пришла в себя, ты забыл упомянуть одну маленькую деталь. А именно то, что я попала сюда не одна.

Он в одно мгновение насторожился.

– Что ты имеешь в виду?

– Не увличай! – возмутилась я. – Люди, которые были со мной в той гондоле, только что недавно приходили сюда, чтобы купить маску. Они должны были меня узнать, но выглядели так, будто им промыли мозги.

Он вздохнул.

– Вовсе нет. На самом деле все, кто попадает сюда, ведут себя таким образом. Они не знают, кто они и кем были раньше. Они одеваются, идут домой и живут дальше, как обычно.

– Минутку, – недоверчиво сказала я. – Что ты имеешь в виду – домой? У них здесь есть дом, где они живут?

Барт кивнул.

– Со всем, что им принадлежит. Дом, деньги, работа, иногда прислуга и даже семья. В одно мгновение все это возникает из ниоткуда, складываясь так, будто они всегда здесь жили. Никто не замечает изменений, даже я, хотя и знаю о происходящем.

Я пристально смотрела на него. Либо он был лжецом с невероятно хорошим воображением, либо говорил правду. Я решила пока что поверить ему, потому что до настоящего времени он не производил впечатления человека с фантазией. Если поразмыслить, можно даже увидеть в этом некоторую логику. Когда я очнулась в прошлом, он преподнес мне историю о бандитах, которая звучала заученно, будто он рассказывал ее уже не раз. Например, Тассельхоффам, которые явно пришли в себя первыми и затем, не отягощенные никакими воспоминаниями о будущем, отправились прочь, навстречу своей новой жизни, которая возникла словно из ничего и ожидала их.

– Кого еще притащил сюда Себастьяно, кроме меня и Тассини? – осведомилась я. Конечно, я попыталась сказать «Тассельхоффов», но ничего не вышло.

– В сумме не больше дюжины.

– И ты каждый раз стоишь рядом с комплектом одежды наготове? И с историей о бандитах? И спрашиваешь всех, где они живут и как их зовут, прежде чем они отправятся домой?

– Это мера предосторожности, чтобы мы знали, что это за человек и какую роль он может сыграть в будущем.

– Ясно. Иначе вы легко теряли бы их из виду.

– Ничего смешного. Это проявление высших сил, у всего есть смысл, и все служит какой-то цели, даже если мы о ней не знаем.

– Ты хочешь сказать, что эти люди перемещаются в прошлое, чтобы принести какую-то пользу, и в итоге это для чего-то нужно?

– Одному богу известно.

Я поняла, что больше тут ничего не добьюсь, и сменила тему.

– Где живут Тассини? – спросила я.

– Ты для них чужая, – предупредил Барт. – Любая попытка напомнить им о себе не вызовет ничего, кроме скандала.

– Не беспокойся, я буду сдержанной. Меня просто интересует их судьба.

– Они живут в доме на Кампо деи Мори, но вскоре переедут в новое палаццо на Гранд-канале, неподалеку от Риальто. Это не секрет, они повсюду болтают об этом. Строительные работы уже начались.

Эти слова вызвали какой-то отклик в моей памяти, хотя сейчас я могла думать только о том, с каким невыносимым снобизмом всегда держалась Юлиана Тассельхофф. Как будто еще в будущем она догадывалась, что станет гордой владелицей палаццо в лучшем квартале Венеции, пусть и в пятнадцатом веке. Стала. Ой, к черту, с этими запутанными перемещениями во времени совершенно невозможно использовать правильные формы глаголов.

– Ты тоже пойдешь на праздник? – спросила я.

Он раздраженно кивнул.

– Монна Эсперанца этого хочет.

– Может, тебе стоит побриться перед этим, – посоветовала я. – Потому что, знаешь ли, я собираюсь спросить Клариссу, пойдет ли она.

– Зачем?

Я улыбнулась.

– Мы же договорились, забыл уже? Разумеется, я не могу гарантировать, что она и правда пойдет, времени осталось не так уж много. Но я сейчас же отправлюсь к ней и спрошу, нет ли у нее настроения пойти.

Похоже, эти слова действительно улучшили его отношение ко мне,

потому что он в самом деле улыбнулся. Лишь чуть-чуть и лишь уголком рта, но учитывая, что обычно он выражался как последний брюзга, это было весьма примечательно.

Доротея вышла из магазина и помахала серебряной полумаской.

– Я нашла подходящую, – надменно заявила она Барту. – Разве ты не должен стоять за прилавком, приятель?

Улыбка исчезла с его лица.

– Когда это необходимо, – угрюмо сказал он. Он неохотно вернулся в магазин вместе с Доротеей, чтобы взять у нее деньги за выбранную маску.

Я осталась стоять на улице, рассматривая фасад дома. Может, сверху старая Эсперанца смотрела на меня. Но ее больше не было видно, и окно оставалось закрытым.

* * *

Доротея была в приподнятом настроении, радуясь, что нашла такую красивую маску. Она объяснила, что не хочет портить себе вечер, возвращаясь в монастырь прямо сейчас. Вместо этого она решила заглянуть к хорошему знакомому, который по случайности жил как раз неподалеку.

– Как удачно получается, – сказала я. – Тогда я тоже зайду к хорошему знакомому.

Ее «хороший знакомый», полагаю, был не кто иной, как Альвис, а в моем случае речь шла о Клариссе. Я хотела, чтобы она непременно появилась на празднике. Не столько для того, чтобы сблизить их с Бартом, сколько потому, что я рассчитывала получить от нее моральную и всяческую иную поддержку. Одна голова хорошо, а две лучше. На Доротею в этом плане положиться было нельзя, поскольку она надолго застревала у каждого зеркала. Не говоря уже о том, что я ни капли не доверяла ее возлюбленному.

Когда я добралась до вожделенного каменного домика на извилистой узкой улочке, он показался мне почти родным. Внезапно я обрадовалась, что снова увижу Клариссу, а если повезет, то смогу поприветствовать и Матильду, и старого Якопо. Я бы не отказалась даже от порции пшенной каши, только бы посидеть с ними за одним столом.

За прилавком стояла Матильда в своей обычной величественной позе. Увидев меня, она уронила мешочек с травами. Она открывала и закрывала рот от удивления, но все-таки не потеряла дара речи.

– Да ты у нас, похоже, стала утонченной дамой, а? – воскликнула она.

Две покупательницы, которые стояли в лавке, с любопытством посмотрели на меня. Я часто встречала их, когда ходила за водой, так что от их взгляда не ускользнуло, что я одета лучше, чем неделю назад.

– Если ты приползла сюда, потому что захотела вернуть себе место помощницы, я тебе скажу лишь одно: только человек, обладающий великой мудростью и добротой, вообще задумался бы об этом.

– Вообще-то на самом деле я хотела...

– И поскольку я – как раз такой человек, я могла бы убедить себя, еще раз, быть может, сменить гнев на милость и снова принять тебя на работу. При условии, что ты искренне расскаешься в своем непростительном исчезновении.

Она показала на веник в углу.

– Нужно срочно подмести, можешь начать прямо сейчас.

Из кухни запахло горелым и послышался лязг, будто что-то упало на пол. В следующее мгновение в лавку вошла Кларисса – раскрасневшаяся, растрепанная, в перепачканном фартуке.

– Анна! – воскликнула она. Не обращая внимания на покупательниц, она бросилась мне на шею и прижала меня к себе. Я от души ответила на ее объятия и осознала, как сильно я по ней скучала, хотя и ушла отсюда лишь два дня назад.

– Ты снова тут, – прошептала она, уткнувшись мне в волосы.

– На самом деле я и не уходила, – тихо сказала я.

Она обеими руками слегка оттолкнула меня и посмотрела мне в лицо. Потом она повела меня к кухонной двери.

– Пойдем внутрь, там мы сможем поговорить.

– Здесь нужно подмести! – прокричала Матильда нам вслед, но это прозвучало совсем не грозно. На кухне Якопо сидел за столом и вырезал новую фигурку святого. Увидев меня, он улыбнулся до ушей.

– Ну и дела, солнышко! Сколько блеска в нашем домишке!

Я рассматривала его поделку – изображение святой Маргариты, а Кларисса тем временем сняла с огня дымящийся горшок и поставила на столик.

– Все равно сгорело, – сказала она.

– А что должно было получиться?

– Блюдо, которое мы еще никогда не пробовали, – кратко сказала она, а затем распахнула заднюю дверь. – Рыба под зеленью. Я совершила ошибку, понадеявшись, что мы хоть раз сможем приготовить что-то другое, кроме макарон, манной каши и тушеных овощей.

Я вспомнила об изысканных блюдах, которыми наслаждалась у Мариетты и в монастыре, и ощутила угрызения совести.

– Знаешь, нельзя просто так взять и приготовить блюдо, этому нужно учиться. – По этому поводу я могла только высказать банальность, которую повторяла мне бабушка. – А если нет никого, кто показал бы, как надо, научиться вообще невозможно.

Кларисса вздохнула.

– Как же ты права. Матильда хорошо разбирается в травах, но у плиты от нее мало толку. То же верно и для меня. То и дело я пытаюсь что-то приготовить, но из этого не выходит ничего путного. Я совершенно точно не гурман, с этим я за последние пять лет уже смирилась. Но иногда все-таки вспоминается более изысканная кухня.

Кажется, для нее самое время немного развеяться. И наесться деликатесами на вечеринке у этого Тревизана – сколько захочет. Доротея уже восторженно расписала мне, что подают к столу богатые патриции. Если это правда хотя бы наполовину, гостям понадобится несколько часов только на то, чтобы рассмотреть всю еду.

Мы уселись на два пустых бочонка, повернувшись к солнцу. Вечерняя тишина наполняла внутренний двор, ничего не было слышно, кроме гудения мух, которые, как всегда при хорошей погоде, с жужжанием носились вокруг уборной. Пахло туалетом, но это было терпимо, потому что доносившийся из аптеки аромат трав пересиливал неприятные запахи.

Кларисса наконец нарушила молчание:

– Почему тебе не удалось вернуться?

– Мы сели в красную гондолу, я и Себастьяно. Этот старый лодочник, Хосе, тоже был там. Потом появились свет и грохот, в точности как в первый раз, а потом я потеряла сознание, тоже точно так же, как в первый раз. Но ничего не вышло. Когда я снова очнулась, оказалось, что я лежу на той же улочке, что и при прошлом повороте луны, а рядом со мной сидел Себастьяно.

– Куда он отвел тебя потом?

Я ощутила, что краснею.

– В дом куртизанок, – и поспешно пояснила: – Только на одну ночь, все было строго, мне выделили отдельную комнату, и я была в ней совершенно одна.

– Это у Мариетты?

Я удивленно кивнула.

– Ты ее знаешь?

– Мы уже встречались, – это прозвучало так, будто она не хочет об

этом говорить. – А что дальше?

– Вчера Себастьяно отвел меня в монастырь Сан-Заккариа.

– Сан-Заккариа! – недоверчиво воскликнула Кларисса. – Все самое лучшее для тебя, как же так?

– Мне очень жаль, что ты...

– Ах, хватит, – печально перебила меня она. – Я просто завидую, вот и все.

Я внимательно рассматривала ее.

– Кларисса, не хочешь мне наконец рассказать, что на самом деле с тобой случилось?

Она вся сжалась.

– Зачем тебе это?

– Ты что-то от меня скрываешь.

– Я даже и не знаю что.

– Я тоже. Например, что ты имела в виду, когда сказала: «Разве я недостаточно искупила свою вину?» Достаточно для чего?

Она сжала губы, затем на ее глаза внезапно навернулись слезы, и она опустила голову.

– Если ты узнаешь всю правду, ты меня возненавидишь!

– Конечно нет! Расскажи мне все, и сама убедишься!

Она упрямо покачала головой, глядя в пол.

– Кларисса, тебе точно станет лучше, если ты об этом поговоришь! Поделиться тяжестью на душе с близким человеком – всегда помогает.

Она вздохнула.

– Ну ладно. Ты все равно не оставишь меня в покое, пока не узнаешь. Я совершила страшную ошибку, за которую и сейчас должна расплачиваться, и поэтому я сижу тут и гну спину как последняя служанка. Пытаться сбежать из этой ссылки бесполезно, потому что тогда они никогда больше не вернут меня в мое время.

Меня напугал ее тусклый и мрачный голос, но я почти ничего не поняла. Ее слова прозвучали в высшей степени загадочно, но я была решительно настроена пролить свет на эту темную историю.

– Кто это – «они»?

– Ну, старейшины.

– Какие старейшины?

– Которые все контролируют и отдают приказания.

– Кто они, эти старейшины? – Я немного помолчала, изо всех сил пытаюсь догадаться. – Погоди, их случайно зовут не монна Эсперанца и Хосе Как-его-там?

– Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон, гондольер. Да, эти двое из числа старейшин. Их слово – закон, их приказам нужно подчиняться, иначе наказание будет ужасным.

Я подумала о маске, которая оттягивала карман моей юбки.

Возьми ее и иди на праздник.

– Есть ли другие старейшины? – осведомилась я.

Она пожала плечами, будто сама не знала наверняка.

– И какие приказы ты нарушила? – поинтересовалась я.

– Ах, на самом деле это была просто дурацкая небрежность. – Она вздохнула еще раз, так глубоко, будто взвалила на плечи горести всего мира. – Я должна была кое-что выведать. Появившись в этом времени, я должна была вернуться, как и ты, при следующем повороте луны. И ничего не вышло – как и у тебя. Тогда стало ясно, что я должна выполнить задание.

– Задание? – встревоженно повторила я.

Она кивнула.

– Тогда мне объяснили, что мне предначертано предотвратить событие, которое плохо повлияет на будущее.

Это прозвучало очень знакомо.

– Тебе объяснили? Кто же?

– Мужчина, который тогда выудил меня из канала и втащил в красную гондолу.

– Я его знаю?

– Нет, его уже давно здесь нет.

– Не было ли у тебя при себе маски, когда ты упала в воду? – взволнованно спросила я.

Кларисса нахмурила лоб, на который падали спутанные волосы, и задумалась.

– Сейчас, когда ты меня спросила... верно. Вообще-то, она была у меня в моей «помпадур» [\[16\]](#), потому что она не подходила к моей прическе с птичьей клеткой.

– Это была маска кошки? – воскликнула я.

– Да, поэтому я ее и не надела. Кошка и птица, сама понимаешь. Они просто не сочетаются. А откуда ты знаешь, что это была за маска?

– Это я объясню тебе позже. Откуда она у тебя взялась? Случайно, не у старухи купила?

– Совершенно верно, – потрясенно сказала Кларисса.

– Ты, кстати сказать, уже видела эту монну Эсперанцу?

– Нет, только слышала ее имя. Видела я пока что только испанца-

гондольера. А почему ты задаешь мне все эти вопросы?

– Ах, вот оно что. А какому событию ты должна помешать?

– Если бы я только знала! – сказала Кларисса. – Мне никто не сказал.

Я возмутилась:

– Но как можно наказывать тебя за что-то, о чем ты понятия не имеешь?

Она подавленно ссутулилась.

– Не спрашивай меня. Я только знаю, что в тот день я должна была пойти на важный праздник, но не пошла, потому что у меня была мигрень.

– Ох, – сказала я. Мои мысли неслись одна за другой, потому что ситуация, в которую в прошлом попала Кларисса, была так сильно похожа на мою. Не хватало еще только, чтобы у меня тоже случилась мигрень, из-за которой в наказание на остаток своей жизни застряну в этом времени без душа и дезодоранта.

– И что, на этом празднике должно было что-то случиться, чему ты могла помешать? – спросила я.

Она пожала плечами.

– Понятия не имею, может, это так, может, и нет. Мне об этом никто ничего не говорил. Мне только сообщили, что я совершила ужасную ошибку, когда не пошла.

Теперь сомнений не оставалось: я должна пойти на этот праздник, чего бы это ни стоило. Если я помешаю загадочному событию, каким бы оно ни было, мне наконец позволят вернуться домой. Хорошо, что у меня не часто болит голова!

Я глубоко вдохнула.

– Я по-настоящему рада, что мы об этом поговорили.

– Почему?

– Потому что как раз сегодня я должна отправиться на праздник. И хочу пригласить тебя пойти со мной.

* * *

Кларисса сказала, что, к сожалению, не пойдет. И даже если бы она и хотела пойти, это невозможно, потому что ей нечего надеть.

– Это не проблема, – сказала я. – У меня целый сундук платьев, и там найдется что-нибудь для тебя. Возможно, они окажутся тебе велики, но можно просто потуже затянуть шнуровку сверху.

– Матильда не разрешит.

– А почему нет? Ты допоздна горбатишься на нее задаром, каждый день, недели напролет. Почему тебе нельзя *один раз* немножко повеселиться? В конце концов, ты же не одна пойдешь. Я буду твоей компаньонкой.

– Ты – девушка, и тебе только семнадцать, так что это не считается.

– Бартоломео тоже пойдет, так что и мужчина-защитник будет.

– Ах, – сказала Кларисса.

– И монна Доротея тоже будет. – Мне не составило труда чуть-чуть исказить факты, чтобы они звучали поубедительнее. – Она – почтенная вдова, которая проживает в Сан-Заккариа и делит там келью со мной.

То же самое я повторила и Матильде после того, как спросила ее, можно ли Клариссе пойти на праздник у *мессира* ^[17] Тревизана со мной и монной Доротеей.

Матильда тут же объяснила, что об этом и речи быть не может, даже если я предложу ей мыть полы от заутрени до вечерни каждый день, пока не уеду.

– Куда ты уезжаешь и когда? – поинтересовалась она.

– В... Рим. За это время я узнала, что там у меня есть кухня. И отъезд запланирован через двенадцать дней. – В любом случае я надеялась, что это будет следующий поворот луны.

Матильду это, похоже, не переубедило.

– Я уже пять лет несу ответственность за это наглое, бесполезное создание. Никто не упрекнет меня, что я плохо отношусь к своим обязанностям хозяйки. От праздника, который устраивают богачи, не стоит ждать ничего хорошего. Там царит безудержная страсть к увеселениям и распутству. Там не место приличной даме.

На заднем плане послышался скрипучий шепот.

– Разреши им пойти, – сказал Якопо. Он встал из-за кухонного стола и приковылял в лавку. – Она молода и имеет право иногда повеселиться. Все время торчать тут, с нами – смертная тоска. Она заслужила немного радости.

Матильда пораженно повернулась к нему.

– Ты слышал, о чем мы говорили? Что случилось с твоими ушами?

– В некоторые дни им лучше, чем обычно, – сообщил Якопо. – Должно быть, все дело в ветре. Когда я сегодня утром был на площади, он дул особенно сильно.

Матильда еще немного поворчала, а потом, к нашему облегчению, согласилась, чтобы Кларисса пошла на праздник, но с условием, что она вернется до полуночи. У Якопо тоже были какие-то советы для Клариссы,

которые он сообщил ей без лишних свидетелей, в кухне, пока я поспешно подметала лавку под строгим взглядом Матильды.

Сразу же после этого мы бросились в Сан-Заккариа, потому что нам нужно было еще переодеться. Я ожидала, что Кларисса продемонстрирует больше воодушевления, но она выглядела скорее скептически. Хотя по ее рассказам выходило, что когда-то она была королевой вечеринок, а значит, должна была радоваться, что снова сможет выйти в люди и как следует повеселиться. Но все-таки она держалась настолько замкнуто, будто предпочла бы вообще никуда не ходить.

По дороге в монастырь я пыталась выяснить, знала ли она о других путешественниках во времени, которые оказались здесь, как Тассельхоффы, без воспоминаний о будущем, но она не сообщила мне ничего нового. Она явно слышала, что тут и там появляются люди из других времен, но знала о них не больше моего.

– Эта история становится все более таинственной, – сказала я. – Как только Себастьяно появится в следующий раз, я добьюсь от него объяснений. А если Хосе или монна Эсперанца еще раз попадутся мне на пути, я расспрошу и их. Я все выясню, нельзя же просто утаскивать людей в чужую эпоху, а потом скрывать от них что-то жизненно важное. То, что тебя мариновали здесь пять лет, даже не сказав о причинах, я считаю совершенно недопустимым.

Я ожидала, что Кларисса поддержит мое возмущение, но она только рассеянно смотрела перед собой.

Сестра Жюстина впустила нас в ворота монастыря и тут же отчитала меня за то, что я без предупреждения привела гостью. Чтобы она впустила Клариссу, пришлось выделить ей еще одну монетку из моего кошелька.

– Но никакой громкой музыки и никаких мужчин в келье! – крикнула она нам вслед.

В келье, которая принадлежала мне и Доротее, попугай орал так громко, что было больно ушам. «Красавица моя, красавица моя!» – визжал Полидоро. Он висел на своей жердочке и разглядывал Доротее, которая сидела на невысоком стуле перед зеркалом и наносила на себя внушительную боевую раскраску.

– А вот и ты, – сказала она через плечо. – И ты привела гостью!

– Это моя подруга Кларисса, – пояснила я. – Она идет на праздник. И я, кстати, тоже.

– О, это чудесно! – Доротея сияющими глазами всмотрелась в зеркало. – Тогда я не останусь в одиночестве, когда Альвис начнет обсуждать свои скучные деловые вопросы.

– Альвис? – спросила Кларисса.

– Альвис Малипьеро, – пояснила Доротея. – Мой знакомый.

На мгновение мне показалось, будто что-то напугало Клариссу, но тут же меня отвлекла Доротея, которая вскочила и принялась подтаскивать поближе наши сундуки с одеждой. Она настояла, чтобы мы с Клариссой попробовали все, что подойдет, кому бы ни принадлежали вещи. Попутно я заметила, что она позаимствовала пару моих шелковых чулок, а присмотревшись повнимательнее, я поняла, что и лента для волос, которую она надела, утром еще лежала в моем сундуке. Так что я великодушно одолжила Клариссе ее красные ботинки и брошку из слоновой кости, а Доротея настояла, чтобы я взяла ее новый желтый шелковый платок.

Следующий час мы провели, прихорашиваясь перед праздником. Кларисса надела красное шелковое платье, которое Мариетта положила в мой сундук, а я выбрала синее, которое так хорошо подошло под цвет моих глаз.

Полидоро не скупился на громогласные комплименты, пока из соседней кельи не зашла наконец сестра Урсула. Она пожаловалась на шум, и Доротея прикрыла клетку простыней. Тем временем я как раз попросила Урсулу одолжить маску Клариссе.

Пока мы одевались, причесывали друг друга и красились, одолжив для этого средства у Доротеи, наше настроение явно улучшилось. Мы рассказывали друг другу всевозможные забавные истории о наших первых попытках накраситься, разве что межгалактический переводчик заменял такие слова как «тушь для ресниц», «хайлайтер» и «руж» на «уголь», «свинцовые белила» и «румяна», что смешило меня и помогало забыть о моих заботах – о Малипьеро и о том, что я должна помешать какому-то значительному событию, но даже не знаю какому.

Наконец, мы были готовы. Позвонили к вечерне ^[18], и это значило, что нам нужно было мало-помалу двигаться в путь. Прежде чем мы вышли, Кларисса достала из поясной сумочки стеклянный флакон и побрызгала всем нам на внутреннюю сторону запястий. По комнате распространился дурманящий запах.

– Божественно! – принялась Доротея. – Что это?

– Это мое собственное изобретение, – сказала Кларисса. – Смесь из олеандра и тубероз и немножко гвоздики. Возможно, ты сможешь взять с собой небольшой запас, когда вернешься в Неаполь.

Из-под платка, которым Доротея накрыла клетку, раздался протестующий вопль Полидоро:

– Я не хочу обратно в Неаполь!

– Спи спокойно, мой верный друг, – сказала Доротея. – Пока что мы в Венеции, и нам еще предстоит пережить многое, прежде чем мы покинем этот город.

* * *

Мои опасения, что нас не пустят, развеялись как дым. Когда мы подплыли к внушительному палаццо патриция Тревизана и вышли из наемной гондолы, нас тут же встретили две разодетые служанки, которым Доротея высокомерно объяснила, что она – графиня Доротея, прибыла сюда по приглашению Альвиса Малипьеро, а обе сопровождающие ее девушки – ее придворные дамы.

Служанки проглотили это без возражений и провели нас к боковому входу в здание. Там наготове стояли слуги, которые провели нас по лестнице на второй этаж, *пьяно нобиле* [\[19\]](#), большую часть которого занимал великолепный большой зал. Только в этом случае зал оказался не просто большим, а гигантским. В общем, он был на размер больше, чем в палаццо Мариетты. Один только портик, по которому можно было пройти от лестницы к *портего*, оказался высоким, с избытком отделанным лепниной арочным коридором, в котором звук шагов эхом отдавался по гладкому, как зеркало, мозаичному полу.

Я окинула взглядом большой зал и подумала только:

– Ух ты!

Прежде всего он производил впечатление безудержной роскоши. На стенах горели бесчисленные свечи в искрящихся хрустальных канделябрах. Их свет тысячекратно отражался в обрамленных золотом зеркалах, которые казались достойными королевского дворца. Вряд ли что-то могло превзойти эту картину. Папа рассказывал мне, какими обеспеченными были некоторые венецианские знатные фамилии – богатыми буквально, как короли.

Навстречу нам доносился гул голосов, но в комнате оказалось меньше людей, чем я ожидала. Точнее говоря, мы были одними из первых посетителей. Тут и там стояли группы гостей, которые разговаривали друг с другом, праздничное настроение только предчувствовалось, но явно было еще далеко от кульминации. В противоположном углу *портего* несколько музыкантов настраивали инструменты. Я разглядела флейту и что-то похожее на клавикорд, а также инструмент, который выглядел как неудачная версия скрипки, а рядом с ними были еще два или три, которых я

вообще никогда раньше не видела.

– Мы слишком рано, – прошептала мне Кларисса. Она осталась стоять прямо у портика вместе со мной и Доротеей, недоверчиво осматриваясь.

– Зато удачно, что нас без проблем пустили внутрь, – прошептала я ей в ответ. – Хорошо, что Доротее пришла в голову эта идея – представить нас как придворных дам.

– Придворные дамы есть только при дворе, – сказала Кларисса. – В Венеции их нет.

– Ну, как бы то ни было. Во всяком случае, они нам поверили.

– Они не поверили ни единому ее слову, просто сочли ее той, кем она является.

– Вдовой? – растерянno спросила я.

– Разве она выглядит как вдова? А мы как две степенные придворные дамы?

Она показала на зеркало, которое висело на стене в паре шагов от нас. В нем можно было прекрасно рассмотреть нас троих. Вглядевшись в эту картину, я нервно сглотнула. Кларисса была права. Доротея не выглядела как вдова, и в особенности не как скорбящая. Недавно овдовевшие дамы не носят отливающие серебром полумаски. Или платье карамельного цвета с вырезом, из которого едва ли не выпрыгивают груди. Да и ее прическа не слишком подходила для вдовы. Доротея уложила свои кудри в высокую башню, в которой вполне мог бы угнездиться Полидоро.

Мы с Клариссой выглядели чуточку благопристойнее, но причина этого была в основном в том, что мы накрасились в меру и сделали довольно обыкновенные прически. Кларисса заплела косы и, закрепив их лентами, уложила в своеобразную корону, оставив на свободе только несколько прядей, что делало миловидным ее худое лицо. Сама я распустила волосы, расчесала до блеска и собрала сзади с помощью двух заколок – прическа, с которой я не раз ходила в школу. От школьницы меня отличало только платье. В монастыре я этого не поняла, потому что зеркало Доротеи было слишком маленьким. А в этом королевском зеркале я красовалась почти в полный рост. Лучше всего была видна именно та часть, по которой было отчетливо ясно, что имела в виду Кларисса. Вырез моего платья был невероятно глубоким, хотя еще недавно, в монастыре, он казался мне совершенно приемлемым. Но тогда я могла посмотреть на себя только сверху и при этом едва ли замечала чудесные отсветы синего шелка на голой коже. Но теперь, когда я смотрела на себя в большое зеркало с расстояния двух метров, впечатление оказалось иным. Платье – или, точнее говоря, я в платье – выглядело совершенно непристойно, – с туго

зашнурованной верхней частью и распирающей ее грудью. Где же этот проклятый желтый платок? Ах да, верно, я дала его лакею, который забирал у гостей накидки и кофты.

Я торопливо попыталась прикрыть волосами голую кожу, в надежде, что она будет меньше бросаться в глаза.

Кроме того, я могла утешаться тем, что меня здесь никто не знал, в конце концов, я прибыла *очень* издалека.

И я ведь была в маске! Носить маску кошки было очень приятно. На самом деле мне казалось, будто это та же самая маска, которую я купила в будущем, потому что она подошла к моему лицу так же идеально, как и та, другая, мягкая и бархатная, почти как вторая кожа.

В зеркале я выглядела в ней весьма загадочно – таинственная незнакомка из костюмированного фильма. На мгновение я и правда почувствовала себя как в фильме, в который меня взяли на одну из ролей, не спросив. Сейчас мне приходилось играть роль, хочу я этого или нет. К сожалению, я не знала сценарий и не знала, ждет меня счастливый или несчастливый финал. Я не могла спросить об этом режиссера, потому что понятия не имела, кто он. А Себастьяно, который был в каком-то смысле помощником режиссера, сбежал в другие столетия.

Меня наполняли противоречивые чувства. Стоять здесь, в этом огромном роскошном зале, в пяти веках от родной эпохи, в окружении людей, которые давно превратились в прах еще до того, как я появилась на свет, – это сбивало с толку и пугало меня.

Внезапно я ощутила такую сильную тоску по дому, что у меня на глаза навернулись слезы. Я скучала по моим родителям! По нашему дому, по моим друзьям, даже по школе! Если бы меня не утащили в прошлое, мои каникулы уже кончились бы. Я бы все отдала за то, чтобы сейчас снова сидеть за партой! Пусть даже на уроке математики!

– Вот он идет! – восторженный возглас Доротеи прервал мои размышления.

Меня коснулось дуновение ужаса, когда я проследила за ее взглядом и увидела, как Альвис появился у входа. Он разodelся, будто хотел получить первый приз за лучший костюм эпохи Возрождения в этом году. Золотисто-желтый камзол поверх белоснежной рубашки, сверкающие зеленые штаны, плотно облегающие ноги, и кожаные туфли с острыми носами. На его широкополой шляпе раскачивались перья фазана, одно из которых колыхалось так близко к его лицу, что при других обстоятельствах я сочла бы это смешным. Но в данный момент у меня совсем не было настроения смеяться, потому что у меня снова зачесалась шея.

Рядом с Альвисом шел его брат Джованни, который был одет похожим образом, разве что не обладал столь же впечатляющим торсом. Рядом с ними шел мужчина, которого я еще никогда не видела. Хотя он был так сильно похож на Альвиса и Джованни, что мог оказаться только их отцом. Прежде всего в глаза бросалось сходство лиц: у Альвиса были такие же резкие черты и выдающиеся вперед черные брови. Даже злобный взгляд был такой же. Однако отец Малипьеро был одет более скромно – во все черное, с головы до ног. Только металлическая цепочка с гербом у него на груди поблескивала благородным серебром.

Именно он входил в вышеупомянутый Совет Десяти и стремился к более высоким постам, и в этом ему должны были помочь его сыновья, прежде всего Альвис. А для этого им нужно было убрать со своего пути хозяина этого дворца, того самого мессира Тревизана, который тоже должен вскоре тут появиться.

– Альвис, вот ты где! – Доротея поспешила к Альвису и с радостной выжидательной улыбкой остановилась рядом с ним. Она внимательно осмотрела сначала его, а потом его отца. – Не хочешь меня представить?

– Конечно. Папа, это монна Доротея, прелестная вдова, которая сейчас пребывает в монастыре Сан-Заккариа. Доротея, мой отец, Пьетро Малипьеро. Моего брата Джованни ты уже знаешь.

«Ну конечно, – подумала я. – Он тоже был на вечеринке в монастыре». Я опасливо наблюдала за мужчинами, а Доротея тем временем сняла свою маску и принялась энергично болтать, сначала о своем прекрасном платье, затем о прекрасной цепочке с гербом мессира Малипьеро и наконец о прекрасном палаццо Тревизана, хозяина сегодняшнего праздника.

– У меня в Неаполе тоже очень красивый дом, – сказала она. – И отличные слуги.

Я вздрогнула от страха, потому что она внезапно повернулась к нам с Клариссой.

– Здесь, в Венеции, у меня есть только эти две горничные. – Она благосклонно улыбнулась нам. Я застыла на месте, как пришитая, а Кларисса рядом со мной сердито фыркнула.

– Симпатичные горничные, – сказал Альвис. Он не отводил взгляда от нас с Клариссой. Я порадовалась своей маске. Мне совсем не понравилось, как блестят его глаза. – Почему же их не было в твоей келье на нашем маленьком празднике?

– О, на самом деле они там были. По крайней мере Анна, она была за ширмой. Это девочка в маске кошки.

Альвис прищурился, пристально рассматривая меня.

– Интересно, – сказал он.

Брат Джованни дернул его за рукав.

– Пойдем посмотрим, как там Тревизан.

– Ты прав. Пойдем найдем Тревизана и поприветствуем его.

В моих ушах это прозвучало так, будто «поприветствовать» на самом деле означало «убить». И в самом деле, моя шея начала чесаться еще сильнее, в особенности в ту секунду, когда Альвис прошел так близко, что кончик его ножен чиркнул по моему платью. Он оглянулся, еще раз посмотрев на меня через плечо, и улыбнулся, как акула, которая собирается укусить жертву.

Кларисса коснулась моей руки.

– Пойду поищу уборную, – сказала она.

Я с отсутствующим видом кивнула, едва обратив внимание на то, как она скрылась в портике.

Пока Альвис и Джованни удалялись, шагая через зал, я вполуха слушала разговор между Доротеей и мессиром Малипьеро.

– Вы выглядите очень молодо для человека из Совета Десяти, – сказала Доротея.

– Мне почти пятьдесят.

– Ну, тогда вы на самом деле очень молоды! – заключила Доротея. Казалось, ей ни в малейшей мере не мешает, что он был достаточно стар, чтобы сгодиться ей в отцы. Впрочем, у нее уже был опыт общения со старыми мужчинами – в особенности с богачами.

– Шесть месяцев назад я приехала в Венецию с моим супругом, – сообщила она, хотя ее никто не спрашивал. – Он хотел вести здесь торговлю шерстью. К сожалению, он умер вскоре после нашего прибытия. С тех пор я проживаю в монастыре и жду приезда родственников, которые хотят забрать меня обратно в Неаполь. Там вся моя собственность. Но я совсем не уверена, хочется ли мне обратно. В Венеции так много возможностей!

Подняв взгляд, Малипьеро пристально посмотрел на нее. От его внимания не ускользнуло, что он произвел на нее впечатление.

Тем временем Альвис и Джованни вышли из зала через одну из боковых дверей. Я решила последовать за ними. Лучше не спускать с них глаз. Кто-то должен позаботиться о том, чтобы они не осуществили свои убийственные замыслы.

Помещение, в которое они вошли, кишело людьми, вероятно из-за того, что тут раздавали еду. Этот зал представлял собой что-то среднее между спальней и столовой. С одной стороны почти все пространство

занимала кровать с резными столбиками по углам, вдоль другой стены располагался стол, который был почти в два раза больше – за ним помещалось по меньшей мере сорок человек. Посещая палаццо еще в своей родной эпохе, я запомнила, что подобные многофункциональные комнаты часто встречались в прошлом. Не было комнат, которые использовались исключительно как столовая, – столы просто ставили там, где это было удобно, и в конкретном случае этим местом вполне могла оказаться спальня. Что было вполне практично, в особенности для декадентствующих дворян, которые таким образом сокращали затраты сил на утомительные перемещения. От еды до сна было лишь несколько шагов. А если кто-то ждал гостей поутру, можно было остаться прямо в постели и приказать сервировать стол в той же комнате.

Через заднюю дверь сновали туда-сюда слуги, выставляя на стол блюда и тарелки, полные всяческих кушаний. Пахло жареным мясом и крепким вином. Кроме того, в воздухе висел запах экзотических пряностей, которые в это время были воплощением роскоши. Человек, который в пятнадцатом веке владел парой пакетиков перца, считался состоятельным. Душистый перец, корица и шафран ценились на вес золота. То, что в будущем продавалось в любом супермаркете за пару евро, в прошлом нужно было сначала доставить с Востока в ходе многомесячного и опасного морского путешествия, поэтому приправы и ценились соответственно. Колбаски с пряным соусом не только еще не изобрели – даже если бы они существовали, вряд ли кто-то смог бы их себе позволить.

В соседнем зале заиграл оркестр – из-за незнакомых инструментов пьеса звучала странно, и я подумала, что к этой музыке еще нужно привыкнуть.

Первые гости уселись за стол и принялись накладывать еду себе на тарелки. Все больше людей входили через портик в большой зал. Похоже, вечеринка по-настоящему начиналась лишь сейчас, поскольку слуги принялись разносить вино. Мне тоже подали полный бокал. Я осторожно пригубила его, стоя в дверном проходе и наблюдая за Малипьеро.

Альвис и Джованни присоединились к высокому широкоплечему мужчине возрастом около сорока, похожему на Харрисона Форда в старинном костюме. Он приятно улыбался, а его глаза жизнерадостно поблескивали.

Братья Малипьеро стояли спиной ко мне и пытались его в чем-то убедить. Из-за музыки мне не было слышно, что они говорили. Альвис при этом жестикулировал так энергично, что вино выплескивалось из стакана.

Я невольно подошла к нему на пару шагов и расслышала конец

последнего предложения:

«...не опуститься вниз, Тревизан? Это явно продлится недолго».

Ага. Это и есть Тревизан. Мужчина, которого Малипьеро взяли на прицел.

– Вы совершенно серьезно ожидаете, что я пойду смотреть свою новую лодку, прежде чем поприветствую своих гостей? – с усмешкой спросил Тревизан.

– Ну, дело не в новой лодке, а в подарке, который там находится. Подарок для вас от нашей семьи, позволю себе заметить. Моему отцу не терпится вам его показать. Моему брату и мне самому тоже.

Тревизан поднял брови.

– Почему бы вам не принести его с собой?

– Невозможно. Вам придется спуститься вниз, в водный зал. Лодка находится прямо там.

– Теперь вы вызвали у меня настоящее любопытство. Вы настоящий мастер убеждения.

Тревизан положил руку Альвису на плечо.

– Ну ладно, я пойду с вами и посмотрю, что там. Хотя бы ради того, чтобы я мог достойным образом поблагодарить за это вашего отца.

Я с беспокойством наблюдала, как он вместе с обоими братьями вышел из зала через заднюю дверь.

Рядом со мной внезапно появилась Кларисса.

– Уборная – истинная роскошь, – сказала она. – У них там даже хлопковые платки, чтобы подтираться. И чаша с лавандовой водой. Ты обязательно должна на это посмотреть.

– Несомненно, – рассеянно сказала я на полпути к задней двери.

– Э, уборная в другую сторону, – крикнула она мне вслед.

– Я сама найду! – крикнула я ей через плечо. По пути я поставила свой стакан с вином на стол, чуть не сбив с ног слугу, который тащил тяжелое блюдо с рыбой. Он едва успел уступить мне дорогу, пролив при этом кому-то из гостей соус на камзол. Тот вскочил из-за стола и принялся отчитывать бедного слугу. Я тут же вмешалась и объяснила, что это исключительно моя вина. Мужчина тут же повернулся ко мне и стал явно дружелюбнее:

– А что это тут за миленькая кошечка? Не хочешь отчистить соус с моей рубашки?

– Не проблема, я только пойду принесу тряпку.

И я тут же ускользнула через заднюю дверь. Я оказалась на другой лестничной клетке – более тесной и низкой, чем та, через которую мы вошли. Узкие ступени вели вниз. Дважды мне пришлось прижиматься к

стене, пропуская слуг, которые несли добавку из кухни наверх. Наконец я добралась до коридора, по которому можно было пройти в водный зал, минуя хозяйственные помещения.

Под каменным сводом пахло гнилью, и музыка доносилась сверху будто откуда-то издалека. В галерее было темно, только тусклый дневной свет падал на стену, так что можно было видеть на пару шагов вперед. Из водного зала доносились мужские голоса. Я осторожно приблизилась к выходу из коридора и наострила уши.

– Где же подарок? – раздался мелодичный голос Тревизана.

– Вон там, прямо у ворот, – сказал Альвис. – Вам нужно поближе подойти к воде.

Мне показалось, что я слышу его мысли.

Достаточно, чтобы я мог заколоть тебя сзади и столкнуть в канал.

У меня отчаянно чесалась шея, но я героически подавляла искушение поскрести ее ногтями. Вместо этого я выпрямилась и, придерживая развевающиеся юбки, ворвалась в водный зал.

– А где тут уборная? – воскликнула я.

Трое мужчин обернулись и уставились на меня. Тревизан стоял у самого края открытой галереи. Еще один шаг, и Альвис легко смог бы столкнуть его в воду, предварительно пронзив ножом.

– Дорогуша, – улыбнулся Тревизан, – уборная у большой лестницы. Попросите лакея, и он покажет вам путь.

Я собрала всю свою смелость и подошла ближе.

– На самом деле, раз уж я тут, я бы хотела сначала с вами поздороваться. Доброе утро, месье Тревизан, и спасибо за приглашение.

Я говорила, запинаясь, но все-таки добилась своей цели. Пока я стою здесь, Альвис не сможет осуществить свой подлый план.

– Добрый вечер, – смущенно сказал Тревизан. – Он слегка поклонился. – К сожалению, я не знаю...

– О, на мне маска, разумеется, вы меня не узнаете.

Я неестественно рассмеялась, обмахиваясь воображаемым веером.

– Разве это не горничная Доротеи? – спросил Джованни.

– Это лишь мой костюм, – сказала я как можно высокомернее.

– И правда, она не выглядит как служанка, – с улыбкой сказал Тревизан.

– Верно, не похожа, – протяжно согласился Альвис. Его глаза по-прежнему пугающе блестели. Мне было страшно, и шея чесалась не переставая. Опасность еще не миновала.

Тревизан посмотрел на водные ворота.

– А теперь скажите мне, наконец, где подарок, чтобы я мог вас поблагодарить и снова вернуться к моим гостям.

Альвис, прищурившись, посмотрел на меня.

– Странное дело, – сказал он. – Я приказал нашему гондольеру подплыть на лодке прямо к водным воротам, чтобы его можно было увидеть отсюда. Этот дурень, похоже, снова напился допьяна.

Тревисан вежливо кивнул, хотя по нему было видно, что его терпение иссякло.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Дорогие господа, вы сможете преподнести мне подарок позже. Невелика разница, порадуясь я сейчас или через час.

Проходя мимо, он одарил меня улыбкой.

– А вам я желаю замечательных развлечений сегодня вечером, кошечка.

И в следующую секунду он скрылся в коридоре.

Я хотела тут же последовать за ним, но оказалась недостаточно расторопна. Альвис заступил мне путь.

– Не так быстро, моя кошечка. У тебя еще остались дела здесь.

Ненависть искажала его лицо. В мерцающем свете ночных фонарей он выглядел как демон, и я не исключала, что в нем и в самом деле есть что-то демоническое – по крайней мере, его мерзкий характер.

– Подожди в коридоре и проследи, чтобы никто не вошел, – приказал он своему брату.

Джованни кивнул и исчез.

Теперь моя шея буквально горела. Альвис стоял передо мной, глядя мне в лицо.

– Маленькая Анна, – сказал он мягким, как шелк, голосом, – о чем ты думала, когда решила встать у меня на пути?

– Э... ни о чем, – проямлила я.

– Большинство женщин не умеют думать, – согласился он. – Они попросту на это не способны. Но если ваша неспособность мыслить приносит мне вред, мне это совсем не по нраву.

Я попробовала отпрыгнуть в сторону, пытаясь обогнуть его, но он мгновенно вытянул руку и поймал меня за волосы. Он зажал в кулак несколько прядей и грубо дернул, надежно удерживая меня. От боли на глаза навернулись слезы.

Он подтащил меня к себе так близко, что я чувствовала, как наши тела соприкасаются. Я почуяла, что он недавно выпил вина, а для мытья пользуется дорогим мылом. Судя по запаху, его одежда была свежей –

редкость в эти времена, в отсутствие душа и горячей воды, когда благоухающая чистота была для большинства мужчин недостижимой роскошью. Хотя за всей этой внешней чистотой он не мог скрыть свою черную, как вороново крыло, душу.

Внезапно он выпустил мои волосы и тут же схватил меня за шею обеими руками. Его большие пальцы сдавливали мне гортань, а остальные впивались в кожу.

Я потеряла несколько драгоценных секунд, не сразу осознав ужасающий факт, что он действительно хочет меня убить. Когда я это поняла, у меня уже темнело в глазах. На курсах самообороны в школе нам не рассказывали, что человек так быстро теряет сознание, когда его душат. И что это настолько больно. Но мы постоянно отрабатывали последовательность действий, которая позволяет быстро и эффективно освобождаться от удушающего захвата. К счастью, мне не пришлось копаться в памяти, чтобы применить заученный прием. Несмотря на меркнувшее сознание, тело, казалось, само знало, что делать.

В отчаянии напрягая все силы, я просунула руки между нашими телами, снизу вверх, и с размаху ударила Альвиса по предплечьям, вынудив его ослабить захват. Затем я отвела локти назад и вниз, наконец оторвав его ладони от моей шеи. Я закашлялась и вдохнула, снова ощутив приток воздуха. Затем удар в колено, отработанный сотню раз. У Альвиса подогнулись ноги, и я услышала яростные проклятья. Под конец мне следовало бы обрушить на его лицо град ударов кулаком, чтобы окончательно отправить его в нокаут. Но почему-то это у меня не получилось, и я лишь пихнула его вполсилы. Во всяком случае, этого не хватило, чтобы вывести его из боя. Я совершенно позорно не справилась – случилось именно то, о чем нас предупреждала учительница физкультуры.

У меня в ушах до сих пор звучали ее слова:

– Угрызения совести мешают большинству девушек и женщин бить в полную силу. Даже тогда, когда их жизнь зависит от того, смогут ли они нейтрализовать нападающего. Они слишком боятся причинить ему боль. Кроме того, воспитание приучает их никогда не решать конфликты силой. И они скорее умрут, чем пойдут наперекор правилам. Так что лучше бы вам преодолеть воспитанную в вас осторожность и научиться бить с размаху!

Теперь оказалось, что я совершенно не готова бить с размаху. Пока эти воспоминания проносились в моей памяти, Альвис снова поднялся на ноги. На его лице было написано желание отомстить, и он вытащил короткий меч.

– Что случилось? – донесся голос Джованни из коридора.

– Сейчас я покончу с этой шлюхой.

Я попыталась сообразить, что я знаю о нападениях с мечом и подойдут ли сюда правила и приемы против нападения с ножом, но в моей голове царила зияющая пустота. Все кончено, моя смерть – вопрос нескольких секунд.

– Скажи миру «до свидания», – издевательски выкрикнул Альвис.

Он замахнулся мечом, и я закрыла глаза, потому что не хотела, чтобы его лицо было последним, что я увижу в своей жизни.

Часть третья

Венеция, 1499

– Должно быть, это здесь, – послышался женский голос со стороны канала. – Посмотри только, водные ворота открыты, а внутри есть люди, которых мы сможем спросить.

Смертельный удар меча никак не наступал. Я снова открыла глаза и увидела, как Альвис раздраженно опускает оружие.

Голос стал громче:

– Добрые люди, верно ли мы плывем к дому почтенного мессира Тревизана? Мы приглашены на праздник.

Я и представить себе не могла, что когда-нибудь обрадуюсь появлению Юлианы Тассельхофф. Что уж там, радоваться – это слабо сказано. Я готова была плясать от восторга!

Я поспешно отступила от Альвиса на пару шагов.

– Да, вы правильно плывете! – крикнула я. Получилось хрипло – последствия удушающего захвата, но на следующих словах я по крайней мере отчасти снова обрела голос. – Семейство Тассини, верно? Не задерживайтесь, направляйтесь сюда, в водный зал, я могу проводить вас в порtego и представить хозяину!

Все это время я не выпускала Альвиса из вида, но он, похоже, понял, что ночь длинных ножей подошла к концу. Не говоря ни слова, он отступил в коридор, к своему брату. Я с радостью услышала, как удаляются их шаги.

Сердце колотилось как сумасшедшее от переполнявшего меня адреналина. Мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем я смогла мыслить по крайней мере вполтину так же ясно, как раньше. Нетвердо держась на ногах, я подошла к ступеням, которые спускались к воде. Перед воротами раскачивалась гондола Тассельхоффов, известных здесь как Тассини. Юлиана и ее супруг Генрих, оба разодетые для официального приема, явно не ожидали увидеть меня здесь.

– Не та ли это непонятная юная девица, которую мы видели сегодня вечером? – спросила Юлиана у своего мужа. – Я узнаю ее, хоть она и в маске.

– Ты права, Джулия, – это она. Что вообще она тут делает?

Маттиас встал с задней скамьи, и они вместе с гондольером помогли маме сойти на берег.

– Вам не следует говорить о ней, будто ее здесь нет.

В этом он был однозначно прав, хотя я была настолько рада их появлению, что Юлиана и Генрих могли говорить что угодно. Они спасли мне жизнь, так что я была им обязана.

Я одним движением сдвинула маску на макушку, потому что мне показалось невежливым скрывать от них лицо.

– Я признаю, что вела себя странно, но это жара во всем виновата, – сказала я, все еще дрожа. – Как только вы ушли, я поняла, что обозналась.

– Напомни, как тебя зовут, – спросил Маттиас, смущенно улыбнувшись.

Я глубоко вдохнула.

– Анна. А ты Маттео Тассини, верно?

– Ты запомнила! – Он посмотрел на меня сияющими глазами.

– Просто мне кажется, что я знаю тебя уже довольно давно.

Услышав это, он окончательно потерял дар речи.

– О, – покраснев, воскликнул он. – Это меня... радует.

Я заглушила голос совести и прилипла к Маттиасу, будто он был моим давним приятелем. Он и его родители сейчас были для меня единственной гарантией безопасности. Пока я остаюсь рядом с ними, я могу не бояться, что меня прирежут за соседним углом.

Кроме того, я по-прежнему едва держалась на ногах от пережитого ужаса, поэтому была рада возможности немного опереться на его руку.

– Эта маска кошки – почему-то мне кажется, будто я ее где-то уже видел, – задумчиво сказал Маттиас, когда мы шли к лестнице.

Я ошолбенела.

– Правда? Где же?

– Должно быть, это было очень давно, потому что я не могу об этом вспомнить.

Я подумала о пакостном барьере и даже не стала пытаться сообщить ему, что это было всего пару недель назад. По крайней мере, с моей точки зрения.

– Возможно, тут много людей такие носят, – сказала я.

Он будто раздумывал о чем-то.

– На самом деле мне кажется, что и *тебя* я тоже где-то уже видел.

– Но ведь это и правда так. Сегодня вечером.

– Нет, раньше. – Он немного помолчал и убедился, что родители ушли вперед и не услышат его слов. – Когда мы садились в лодку, у меня внезапно возникло чувство, что я тебя уже встречал. Я рассказал родителям, но они и слышать об этом не хотели.

Это удивило и порадовало меня. Похоже, абсолютное забвение было не таким уж абсолютным. Мне отчаянно хотелось все ему объяснить, но когда я открыла рот, как и ожидалось, мне не удалось произнести ни единого слова. С огорчением мне пришлось признать, что, по крайней мере, барьер функционирует безупречно.

– Ты так молчалива, – сказал Маттиас.

– Ах, это только кажется. – Я переключилась на другую тему. – Я как раз хотела тебя спросить, чем занимаются твои родители. Я имею в виду, по профессии.

– Папа торгует старинными предметами искусства, это весьма прибыльное дело.

Меня поразило, что Генрих Тассельхофф занялся делом, похожим на его профессию в прежней жизни. Видимо, люди, которые против воли оказались в прошлом, все же сохраняют что-то от своей прежней личности. Например, имена. Пусть даже Юлиана превратилась в Джулию, Генрих в Энрико, а Маттиас в Маттео.

– А мама много занимается астрологией, – продолжил Маттиас. – Ее предсказания часто оказываются невероятно точными. Даже догаресса [\[20\]](#) уже обращалась к ней за советом.

И это было не менее удивительно. Наверное, и здесь проявились остатки прежней жизни. В будущем Юлиана хвасталась тем, как хорошо она знает историю Венеции. Эти неосознанные воспоминания могли пригодиться ей здесь, в прошлом, чтобы продавать людям гороскопы. Хотя прогнозы она извлекала не столько из положения звезд, сколько из глубин своего подсознания.

Можно ли загипнотизировать Тассельхоффов и заставить их вспомнить все? В родном времени я слышала о том, как людей под гипнозом погружают в транс, пробуждая у них воспоминания о прошлой жизни. Некоторые якобы прожили даже не одну. Чисто теоретически это могло сработать и в обратном направлении. Почему бы кому-то, живущему в прошлом, не вспомнить о своей будущей жизни? Тем более что в этом конкретном случае речь точно будет идти не о мистификации, а о неоспоримой реальности.

Конечно, для этого понадобится профессионал, который разбирается в гипнозе. Сама я, к сожалению, понятия не имела о том, как это делается, разве только видела что-то по телевизору: *«Ты погружаешься в глубокий сон, но продолжаешь слышать мой голос...»*

– ...как раз начались строительные работы в нашем новом доме, – сказал Маттиас, прервав мои размышления. – Он будет намного больше

старого, и у него будет роскошный фасад.

– Звучит впечатляюще, – вежливо сказала я с отсутствующим видом. В фильмах сеансы гипноза обычно кончались предложениями вроде: «Я посчитаю с десяти до одного, и когда ты услышишь „ноль“, ты проснешься и будешь чувствовать себя легко и свободно...»

– В качестве архитектора папа смог нанять выдающегося Мауро Кодуччи. Для наружной отделки и росписи фасада он тоже привлечет лучших мастеров. Через год палаццо Тассини будет уже построено.

Мы поднялись по лестнице и подошли к портику. Родители Маттиаса уже смешались с остальными гостями. Я нервно вытянула шею, опасаясь, что увижу, как Альвис бродит где-то неподалеку. Нужно не забывать о том, что он еще здесь. Возможно, он ждет второго шанса, чтобы заманить в засаду Тревизана. Или меня.

– Мама считает, что это бесспорно будет самый красивый дом во всем городе, – сказал Маттиас.

– Прелестно, – рассеянно сказала я. Пока что Альвиса, его брата или отца нигде не было видно.

– Мне нравится наблюдать за стройкой, – рассказывал Маттиас. – Сначала нужно соорудить плотину, чтобы отвести воду. Затем в землю вбивают тысячи дубовых кольев, чтобы возвести на них фундамент. Возможно, ты тоже захочешь как-нибудь посмотреть. Я могу все тебе показать.

– Что именно мне стоит посмотреть? – Я внимательно рассматривала все вокруг. Большой зал был набит битком, свободного места почти не оставалось. Музыканты играли пьесу, от звуков которой так и хотелось пуститься танцевать. Во всяком случае, некоторые гости кое-где уже начали весело подпрыгивать.

– Как строят палаццо Тассини.

Ответ Маттиаса привел в движение пару шестеренок в моей голове, и мои мысли забавным образом переключились на исландские гейзеры. Потом у меня перехватило дыхание. В толпе появилось знакомое лицо.

Себастьяно вернулся.

* * *

От безмерного облегчения я ощутила пустоту внутри.

– Прости, – сказала я Маттиасу. – Мне нужно срочно поздороваться с одним знакомым.

– Но...

– Я обязательно посмотрю, как строится ваш новый дом, – крикнула я через плечо, уже направляясь к Себастьяно.

Увидев, кто стоит рядом с ним, я заторопилась еще сильнее. Мариетта, прекрасная как Белоснежка, вцепилась в него, будто между ними что-то было.

В платье из сверкающего синего шелка она выглядела как топ-модель.

Добравшись до них двоих, я ощутила странное стеснение. Я не могла произнести ни слова. Возможно, дело было в том, что я запыхалась из-за того, что торопилась. Или в том, что оба великолепно выглядели. Особенно Себастьяно. На нем был бутылочно-зеленый камзол – без вышивки, но настолько удачно подогнанный по фигуре, что я задалась вопросом, всегда ли плечи Себастьяно были такими широкими.

– Покинутая сиротка, – сказала Мариетта. Она явно не ожидала увидеть меня здесь. – Вас выпустили из монастыря без сопровождения? Или вы оттуда сбежали? – Она осмотрела меня с головы до ног. – Вырез у этого платья – не слишком ли глубокий для юной девушки? Возможно, мне не стоило класть его в ваш сундук вместе с остальными вещами, как ты думаешь, Себастьяно?

Опять обо мне говорили так, будто меня здесь не было. И, что еще хуже, Мариетта была на пол-головы выше меня и смотрела на меня буквально сверху вниз. То факт, что я была одета в платье, которое когда-то носила она, тоже не упрощал ситуацию. Рядом с высокорослой куртизанкой я чувствовала себя Золушкой.

Я откашлялась и попыталась выглядеть невозмутимо.

– Она пришла на праздник не одна.

– Кто? – озадаченно спросила Мариетта.

– Покинутая сиротка. Ее сюда сопроводили.

Выражение лица Мариетты отчасти примирило меня с этой невыносимой ситуацией. Как и ухмылка Себастьяно.

Хотя его веселое расположение духа быстро улетучилось. Он с укором посмотрел на мой вырез.

– Это платье и правда *слишком* открытое.

Я боролась с желанием прикрыть декольте рукой и вместо этого упрямо подняла подбородок. Мое платье было совсем не такое откровенное, как у Мариетты. Равные права для всех!

Себастьяно прищурился и пристально посмотрел на меня.

– Какого черта...

За два широких шага он оказался рядом со мной. Мариетта быстро

растеряет свое хладнокровие, если он будет так резко отвлекаться от нее.

Он остановился вплотную ко мне и, взяв меня за подбородок, осторожно поднял его. Он неотрывно смотрел на мою шею. Когда он отпустил мой подбородок и взял меня за руку, в его глазах пылала слепая ярость. Не говоря ни слова, он повел меня через толпу.

– Я все равно хотела поговорить с тобой наедине. – Я пробиралась следом за ним, спотыкаясь и пытаюсь ни на кого не налететь.

У колонны я увидела Барта и Клариссу. Барт выглядел очень хорошо, он явно недавно побрился и принарядился как следует. Сложно было не заметить, как он смотрит на Клариссу влюбленными глазами. Она тоже, в свою очередь, выглядела вполне терпимо, по крайней мере, она улыбалась, что случалось не так уж часто. Я решила, что это хороший знак. Ведь у них вполне может что-то получиться? Кларисса более чем заслужила перемены к лучшему. Я гордилась тем, что убедила ее пойти.

– Посмотри, вон Бартоломео и Кларисса, – сказала я Себастьяно. Проходя мимо, я подмигнула им, но они не заметили меня, потому что были погружены в разговор. Поговорить с ними у меня не получилось, потому что Себастьяно протащил меня мимо них.

– Я бы и добровольно пошла, – сказала я. – Ты можешь меня отпустить.

Он ничего не ответил. Свирепо сжав губы, он втащил меня в портик и толкнул к нише в стене. Затем он схватил меня за плечо и повернул к себе.

– Это сделал Альвис? – спросил он.

Я кивнула.

– Когда?

– Примерно десять минут назад.

– Проклятье! – выругался он. Мне даже показалось, что я услышала, как негромко скрипнули зубы. Почему-то это улучшило мое настроение.

– Я пнула его в колено, – сообщила я ему. – В то самое, в которое попал ты, когда он напал на тебя с ножом. Мне следовало бы как следует врезать ему в лицо, но тут появились Тассельхоффы, и Альвис улизнул.

Момент, когда он замахнулся мечом, я опустила – что было, то прошло, к чему подробности.

Я радостно продолжила:

– Себастьяно, я думаю, у меня все получилось! Я предотвратила ужасное событие и вернусь домой в следующий поворот луны.

С торжествующим видом я добавила:

– Я спасла Тревизана! Альвис и его братья заманили его в водный зал, сказав, что хотят показать ему подарок. Я последовала за ними и успела как

раз вовремя. Они бы точно его пришили!

Себастьяно задумчиво рассматривал меня.

– Ты понимаешь, насколько ты на самом деле смелая?

– Я чуть не обделалась от страха, – возразила я. – Они явно попытаются снова. Нужно предупредить его. Если у него будет эта информация, он сможет взять Малипьеро за горло.

Себастьяно покачал головой.

– Это запретное знание, оно из будущего. Мы не можем ему ничего сообщить. Мы можем только пытаться защитить его.

Он в гневе нахмурил брови.

– И тебя тоже. Альвис теперь знает, на чьей ты стороне.

– Я смогу от него улизнуть. Почему вообще ты не вернулся раньше?

– Не всегда все получается так, как хочется, – его голос звучал тускло, и я внезапно заметила, как он бледен. Мне даже показалось, что он нетвердо держится на ногах. Он не был пьян, я бы это почуяла. Он явно крайне устал, но одним этим его слабость было не объяснить.

– Что с тобой? – перепуганно спросила я.

– Ничего особенного. Устал как собака.

Пьяный гость, шатаясь, прошел мимо нас и врезался в Себастьяно. Он вздрогнул и сдавленно вскрикнул.

Пьяница, не извинившись, побрел дальше.

Себастьяно, побледнев еще сильнее, прижал руку к правому боку. Когда он отвел ладонь, я увидела на камзоле темные пятна.

– Ты ранен! – в ужасе произнесла я.

– Чертова повязка ослабла.

– Тебе немедленно нужно к врачу!

– Нет тут врачей. Раны здесь лучше всего заживают, если к ним никого не подпускать.

– Разумеется, я имею в виду настоящего врача!

– От этого я, к сожалению, вынужден отказаться.

– Значит ли это, что ты не можешь вернуться назад?

– Сейчас нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Объясню тебе позже. Давай, пора идти.

На лестнице стало еще заметнее, как ему плохо. Каждый шаг причинял ему боль, он не мог сдержать стоны, хотя пытался изо всех сил. Я начала беспокоиться, что он ранен серьезно. И дело было вовсе не в том, что это могло помешать ему вернуть меня в будущее. Я просто боялась за него.

– Куда же мы идем? – спросила я.

– Я должен отдохнуть, а тебе нужно спрятаться. В монастырь тебе возвращаться нельзя. Бартоломео рассказал мне, что эта расчетливая Доротея хочет сделать Альвиса своим любовником. Рядом с ней тебе находиться рискованно. Хосе позаботился о месте, в котором мы сможем безопасно переждать некоторое время.

– Ты путешествовал вместе с Хосе? Он не мог получше за тобой присматривать? Как ты вообще пострадал? Это был несчастный случай?

Себастьяно застонал.

– Так много вопросов. Мы не можем поговорить об этом попозже?

Я лопалась от нетерпения, но он все равно не смог бы много мне рассказать, потому что внизу толпились люди. Слуга протянул Себастьяно его накидку, а мне – мой платок. Выйдя на улицу, мы сели в гондолу, и Себастьяно назвал лодочнику адрес. Напряженно выпрямившись, он опустил на скамью, явно пытаясь скрыть боль. Мне становилось все страшнее, потому что я знала, как быстро в эту эпоху можно умереть даже от безобидной раны. Небольшой открытый порез мог оказаться смертельным. Не было ни прививок от столбняка, ни стерильных бинтов. Я видела в лавке Матильды женщин, родственники которых умерли именно от заражения крови. В этом времени некому и нечему было их спасти.

Я безмолвно сидела рядом с Себастьяно, а гондольер искусными взмахами весла направлял гондолу. По обеим сторонам на берегах возвышались палаццо – темные силуэты на фоне ночного неба, лишь кое-где освещенные факелами на набережной или свечами в окнах. Сказочно красивая картина. Темный блеск воды Гранд-канала, таинственная обстановка вокруг – все это могло бы стать восхитительной романтической декорацией для фильма о любви. Хотя о романтике задумываться не стоило – положение было слишком серьезным.

И все-таки я осознала, что присутствие Себастьяно не оставляет меня равнодушной. Он сидел так близко ко мне, что наши плечи соприкасались, и я могла ощутить тепло его тела. Это чувство было неповторимым, оно пронизывало меня насквозь. Чтобы сильнее ощутить его, я бы предпочла прижаться к нему посильнее.

Только услышав, как он охнул, я осознала, что это и сделала.

Я поспешно отодвинулась от него.

– Прости!

– Ничего страшного.

Остаток поездки я провела в смущенном молчании.

Дом, к которому наконец причалила гондола, по словам Себастьяно, принадлежал вдове мастера по изготовлению канатов. Это был крохотный домик на берегу узкого канала в районе Кастелло, совсем рядом с Арсеналом [\[21\]](#). Себастьяно расплатился с гондольером, а затем позволил мне помочь ему выйти из гондолы.

– Ты будешь моей женой, – сказал Себастьяно, ворочая ключом в скрипучем замке.

– Я буду кем? – растерянno спросила я.

– Моей женой. Если хозяйка квартиры спросит. Но не переживай, тебе не придется делить со мной постель, я сплю на полу.

В доме было темно, как в пещере.

– Подожди здесь, – сказал Себастьяно. Тихо ругаясь себе под нос, он побрел в темноту. Наконец, я услышала, как он чем-то шелестит. Через некоторое время зажегся маленький огонек и я снова увидела Себастьяно. В руке он держал маленькую сальную свечку.

Он подозвал меня к себе.

– Пойдем наверх.

Как и в доме Матильды, на верхний этаж нужно было подниматься по скрипучей узкой лестнице, которая больше походила на стремянку. Мы успели подняться на пару ступенек, когда на первом этаже открылась дверь, в которой появилась седая женщина.

– Это вы, мессир Себастьяно?

– Да, это я, монна Фаустина, – сказал Себастьяно.

– А кого вы привели с собой? – Монна смотрела на меня, и ее взгляд предвещал неприятности. Таким же взглядом часто смотрела на меня Матильда. Он означал «надеюсь-она-не-съест-слишком-много».

– Я его жена, и я ем не дома, – сказала я.

Монна Фаустина, не говоря ни слова, снова исчезла в своей каморке и захлопнула дверь.

Я последовала за Себастьяно наверх, и мы оказались на своеобразном чердаке. Он выглядел не слишком уютно. Лестница выходила на середину комнаты, и было легко врезаться головой в стропила по неосторожности. Кровать состояла из выдавшего виды деревянного каркаса с соломенным матрасом, а еще рядом стояло несколько ящиков. Вот и вся мебель.

– Здесь есть мыши? – Я опасливо взглядела в пыльные углы каморки.

– Пока ни одной не видел. Но, в общем-то, я был здесь только

однажды – занес вещи и переоделся. Себастьяно опустился на колени перед ящиком и открыл его. В тусклом свете было видно, что он болезненно бледен.

– Здесь должно быть что-то вроде перевязочных материалов, – сказал он. – Чистая ткань, Мариетта что-то такое положила.

Пошатываясь, он сел на корточки и чуть не уронил свечку.

Я подскочила к нему и забрала свечу из его руки.

– Давай я с этим разберусь. Тебе нужно лечь.

Не обращая внимания на его протесты, я помогла ему встать и настояла на том, чтобы он тут же прилег. Со стоном он опустился на соломенную лежанку и попытался самостоятельно снять камзол. Я поставила свечку рядом с кроватью и схватила его за руку.

– Не двигайся, – сказала я. – Я сама об этом позабочусь.

Я расстегнула деревянные застёжки камзола, а затем рубашку. Несмотря на слабое освещение, была видна кровь. Где-то засохшая, где-то еще блестящая, она пропитала кое-как наложенную на его торс льняную повязку, которая ослабла от столкновения с пьяным. Я помогла Себастьяно привстать, чтобы снять с него одежду. При этом я еще сильнее задела повязку, обнажив кровавый порез справа под ребрами. Увидев рану, я втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Возможно, ее нужно зашить, но это было за пределами моих возможностей. Я забинтую рану, но большего сделать не могу. Я нерешительно протянула руку, но затем замерла на несколько секунд.

– Есть ли тут спиртное?

– Хочешь выпить для смелости?

В этом он весь. Этот человек лежал передо мной полумертвый, но единственное, что пришло ему в голову, – не слишком смешная шутка. И все-таки я не смогла сдержать смехок.

– Я хочу протереть руки. Ты же знаешь. Бациллы. Гангрена. Интоксикация.

– Не нужно этого делать, – глухо сказал Себастьян. Он прикрыл веки, а его взгляд был мутным. – Просто принеси мне чистые льняные бинты из ящика, а остальное я сделаю сам.

– Я справлюсь, это даже не обсуждается. Я неплохо в этом разбираюсь, – это была дерзкая ложь. На самом деле я просто прошла курсы первой помощи, чтобы получить водительские права, и там мы перевязывали условные раны. Настоящие травмы еще не попадались мне на глаза. Особенно такие кровоточащие.

– К сожалению... спиртного нет, – пробормотал Себастьяно. – У

монны Фаустины что-то есть. Но его... она точно отдаст только за наличные.

Его голос звучал все слабее.

Я в ужасе увидела, как у него закатились глаза.

– Держись! – крикнула я. – Тебе нельзя умирать.

– Просто... устал. – Его слова с трудом можно было разобрать. – Последний раз спал... позавчера.

Слава богу, он просто чертовски устал. Я с облегчением вздохнула. Но все-таки рану нужно перевязать заново. Я не хотела оказаться виноватой в том, что туда попадет грязь и она воспалится.

Я решительно сняла с его пояса кошелек и вынула из него пару монет.

Держа в руках деньги и свечу, я спустилась вниз и застала монну Фаустину под лестницей – она подслушивала. Увидев меня, она метнулась к плите и сделала вид, что чем-то занята.

– Меня неожиданно одолел голод, – сказала она.

– А меня неожиданно одолела жажда. – Я протянула ей деньги. – У вас есть спиртное? Желательно покрепче. И немного меда тоже не помешает.

Она схватила монеты с моей руки, не пересчитывая. Сунув ложку в глиняный горшок, она плюхнула в плоскую порцию меда, а затем, ворча, отдала мне кувшин, из которого пахло чем-то крепким.

– Но не выпейте все, – крикнула она мне вслед, когда я уже поспешила обратно наверх.

Себастьяно погрузился в глубокий сон. Я продезинфицировала руки алкоголем, а затем очистила кожу вокруг раны куском льна, который щедро смочила спиртным. Себастьяно коротко застонал, но не проснулся. К моему облегчению, рана больше не кровоточила. Я наклонилась со свечой, чтобы рассмотреть ее поближе. Края раны были гладкими и ровными, будто кто-то ударил Себастьяно ножом. Альвис? Он и здесь приложил свою руку? Похоже, этот тип успевает повсюду!

При обработке раны мнегодились не только знания из курса первой помощи, но и то, чему я научилась у Матильды и Клариссы. Например, я знала, что мед способствует заживлению раны.

Я слегка смазала медом кусок льна, щедро плеснула сверху спиртного и приложила компресс к ране. Наконец, я занялась перевязкой. Это было трудно, потому что мне нужно было снова поднять Себастьяно. С помощью некоторых уговоров мне удалось заставить его принять полусидячее положение, хотя он требовал, чтобы я наконец дала ему поспать.

Многokrатно обматывая его тело бинтом, я неизбежно оказывалась довольно близко. Я пыталась сосредоточиться на перевязке, не обращая

внимания на то, какая у него гладкая и загорелая кожа, какой мускулистый торс.

– Я сделаю узлы с обоих концов, – сказала я, скорее чтобы напомнить себе, что это чисто медицинская процедура.

– Ты и правда смелая, – пробормотал он.

– Я? Чушь. Я – полнейший трус. Видел бы ты меня, когда Альвис с мечом... – Я смолкла, потому что я ведь не хотела ему рассказывать эту часть истории.

Но Себастьяно все равно не расслышал.

– Что? – прошептал он, уже почти засыпая.

– Это было не так уж страшно, – соврала я. – Тассини появились вовремя.

Конечно, я хотела сказать «Тассельхоффы», но проклятый барьер исказил слова. Кроме того, монна Фаустина снова засела в засаде и все слышала. Что, кстати сказать, мешало мне задать Себастьяно все те вопросы, ответа на которые я еще не знала.

Впрочем, он все равно не мог много говорить. Он только произнес несколько едва различимых слов, из которых я уловила, что в следующий раз он одолеет Альвиса. А потом он снова заснул.

Я нерешительно разглядывала дощатый пол. Он выглядел очень твердым. И пыльным. Но что мне оставалось? В каком-то календаре я однажды прочитала пословицу: «Кто умеет спать на собственных локтях, как на подушке, тот знает, в чем настоящее блаженство». Кто это вообще придумал? Конфуций? В любом случае кто-то, кто был знаком с нуждой и немало о ней знал.

Из платка Доротеи и накидки Себастьяно я приготовила себе импровизированное ложе на скрипучих досках. Накидкой я укрылась. На мягкой шерсти еще остался запах Себастьяно, эта неопределенная и беспокоящая смесь запахов мужчины и приключений. Он помогал мне не думать о том, что у меня по-прежнему болит горло. Шел бы этот Альвис к черту!

Я прислушалась к мерному дыханию Себастьяно.

«Завтра будет уже другой день», – подумала я.

* * *

Мне снился удивительный сон, в котором мне было четыре года. Сидя в траве и срывая луговые цветы, я видела собственные маленькие руки и

пухлые ножки. Мама перед этим набрала целую охапку синих цветков и сплела из них венок, который надела мне на голову.

– Ты принцесса, а это твоя корона, – с улыбкой сказала она.

Я тут же горячо захотела сделать еще больше корон. Тогда у меня будет запас, даже если потеряю какую-то из них. Но соединить цветки никак не получалось. Стебли ломались у меня в руках и топорщились, сопротивляясь моим попыткам сплести их. Я начала плакать, скорее от злости, чем от огорчения, но венок из цветков все равно не получался.

Сквозь пелену слез я увидела, как ко мне приближаются две фигуры. Сначала я подумала, что это мои родители, но затем увидела, что это пожилая женщина и пожилой мужчина. У женщины были седые волосы и испещренное морщинами лицо, а у мужчины один глаз был скрыт черной повязкой, как у пиратов в моем конструкторе «Playmobil» [\[22\]](#).

Оба остановились передо мной. От удивления и немного от стыда я перестала плакать и подняла взгляд на них.

– Думаю, это она, – сказал старик.

– Не знаю, – возразила женщина. – Она не кажется мне особенно смелой. Не видишь разве, как она ревет.

Это я не могла оставить без ответа. Я торопливо вытерла глаза руками. К сожалению, это оказалось ошибкой, потому что мои пальцы были перепачканы в цветочном соке. Должно быть, один из цветков оказался чем-то вроде лука, потому что мои глаза начали гореть огнем. Теперь слезы буквально лились ручьем, и я ничего не могла сделать.

Мужчина и женщина рассмеялись. Испуганная и смущенная, я перестала тереть глаза. Внезапно мне стало страшно. Я решила, что сейчас соберусь с силами, как можно незаметнее встану и быстро побегу к родителям. Они точно недалеко, я даже еще слышала, как мама разговаривает с папой.

– Вот хорошее место для пикника, – сказала она.

Я как раз вспомнила, что мне строго запрещалось разговаривать с незнакомцами. Незнакомцы – это все люди, которых я не знаю, а этого старика и эту старуху я никогда раньше не видела.

Я осторожно попробовала отодвинуться от них, отползая спиной вперед. Неожиданно старуха сделала шаг вперед и наклонилась надо мной.

– Не бойся, – сказала она.

Это оказало на меня совершенно противоположный эффект.

– Мне нельзя с вами разговаривать, – сказала я, по-настоящему перепугавшись.

– Анна? – крикнула мама.

– Мама! – проревела я изо всех сил. Внезапно я ощутила облегчение. Старуха ничего мне не сделает. Мама заберет меня и защитит от нее.

Старуха протянула руку и коснулась моей шеи. Ее палец был необычно костлявым и горячим, так что я вздрогнула и закричала.

* * *

Охнув, я вскочила и огляделась по сторонам. Я почти поверила, что сейчас увижу этих двоих рядом, хотя, конечно, здесь не было никого. Мне было не четыре, а семнадцать, и я лежала на твердом полу на чердаке в доме монны Фаустины. В паре шагов от меня спал Себастьяно. Я прислушалась к его ровному дыханию.

Что за безумный сон!

Но теперь мои мысли вернулись в прошлое, они искали, выискивали – и нашли. Это был не сон. Это случилось на самом деле!

В одно мгновение я вспомнила, что произошло. Стариком был Хосе, а старухой – Эсперанца. Теперь я поняла, почему оба казались мне такими знакомыми. Я уже однажды встречала их, в детстве, но совершенно об этом забыла.

Я закрыла глаза и вернулась мыслью в тот день, когда это случилось.

Я сидела в высокой траве, светило солнце, и чирикали птицы. У меня в ногах лежали сломанные цветы. Пальцы были зелеными, как трава вокруг.

Место на шее, до которого дотронулась старуха, горело так же сильно, как глаза. Было совсем не больно, только горячо, и пока я размышляла, стоит ли мне расплакаться по этому поводу, все уже прошло, и остался только слабый зуд.

– Теперь у тебя есть дар, – сказала старуха.

– Используй его во благо, – добавил одноглазый старик.

– Анна, где же ты? – позвала мама.

Оба удалились и скрылись за деревьями, а я сидела в оцепенении и не понимала, что вообще со мной только что произошло.

Через несколько секунд появилась мама и высоко подняла меня. Я обхватила руками ее шею и прижалась к ней. Только теперь я начала плакать, но уже не от злости, а от растерянности и одновременно от облегчения.

– Тут была старая ве-ведьма, – всхлипнула я. – А потом появился пират из конструктора!

– Солнышко, у тебя слишком богатая фантазия. – Мама коснулась

моего лба. – Боже, да у тебя жар!

На этом с пикником и венками было покончено. Мои родители как можно быстрее доставили меня в кровать. Врач нашел у меня трехдневную лихорадку и прописал покой. Так что я решила, что все это мне просто привиделось. Поэтому оказалось совсем несложно просто обо всем забыть. Мне же было всего четыре.

Я снова медленно открыла глаза, всматриваясь в полумрак под сводом крыши. Так это все-таки было! За периодические нарушения восприятия я должна быть благодарна давней встрече с двумя необычными стариками. Они как-то на меня... воздействовали. Похоже на истории людей, которые утверждали, что инопланетяне похитили их и имплантировали им чип. Я невольно коснулась шеи, но ощутила только гладкую, теплую кожу, никаких инородных тел. И она не чесалась, по крайней мере сейчас.

Впрочем, шея ощутимо болела, но это из-за синяков, которые остались после нападения Альвиса. Остальное тело тоже болело, будто меня покатали по гладильной доске – из-за неудобного ложа на твердой поверхности. Не такое уж и блаженство.

Я со стоном выбралась из-под накидки Себастьяно и осмотрелась по сторонам.

Сквозь чердачное окошко, затянутое свиным пузырем, проникал слабый свет. Но его было достаточно, чтобы понять: ночного горшка нигде нет.

До первых колоколов мне не дотерпеть. Лучше поскорее спуститься и пройти до выгребной ямы. Ступени скрипели под моими ногами, со скрипом открылась и задняя дверь, но монну Фаустину эти звуки так и не выманили из комнаты. После ночного подслушивания она, должно быть, наверстывала упущенный сон.

Снаружи было прохладно, а земля оказалась влажной. Наверное, ночью шел дождь. Дрожа, я заставила себя выйти на открытый воздух. Как и в зеленой лавке, за домом был небольшой дворик, где в обязательном порядке имелся туалет. Здесь он оказался, если это вообще возможно, еще отвратительнее, чем у Матильды – настоящая комната ужасов. Торопливо делая свои маленькие дела, я задержала дыхание и мысленно помолилась, чтобы в ближайшее время мне не пришлось возвращаться сюда слишком часто.

Затем я стащила в кухне кувшин воды и забрала его наверх. Себастьяно услышал меня и проснулся. Повернувшись на бок и попытавшись приподняться на локте, он вскрикнул от боли.

– Ты уже встала.

– Мне приснился кошмар. – Я протянула ему кувшин. – Вот вода, ты наверняка хочешь пить.

Я подождала, пока он попил, а потом сама сделала пару глотков.

– Все еще болит?

– Считай, что нет, – небрежно сказал он, хотя его напряженная поза выдавала правду.

– Добыть чего-нибудь на завтрак?

– Мне не надо, спасибо.

Я же, со своей стороны, была бы не против перехватить кусочек, но я еще не успела сильно проголодаться, так что решила обождать с этим, пока не встанет монна Фаустина.

– Что мы будем делать дальше? – спросила я.

– Сегодня вечером мне нужно быть во Дворце дождей.

Его голос звучал довольно тускло, похоже, его не слишком радовал этот разговор.

– Тебе стоило бы остаться в постели на пару дней, – посоветовала я ему.

– Нет времени. Я должен предотвратить важные переговоры Малипьеро с Советом Десяти.

– Хочешь сказать, они снова попытаются убрать Тревизана?

– Нет, не в открытую. Но это день, когда принимаются решения. Важные решения. Они добьются, чтобы другие советники голосовали против Тревизана. И в результате они перетянут власть к себе.

Себастьяно снова обессиленно опустил голову.

– А что насчет меня? – Мне не хотелось, чтобы он решил, будто я вечно недовольна, но мой голос прозвучал жалостно, как у маленькой девочки. – Я не могу ничем помочь? Я имею в виду, предотвратить еще одно событие или что-нибудь такое?

– Похоже, твоя задача выполнена. Просто дождись следующего поворота луны.

– Кошмар, который мне снился, на самом деле был вовсе не сном, – выпалила я. – Эти двое, старик и старуха, Хосе и Эсперанца, – они все это время казались мне знакомыми, а теперь я знаю почему. Я однажды уже встречалась с ними, когда была маленькой. Эта Эсперанца дотронулась до меня. Она коснулась моей шеи пальцем, а затем сказала, что теперь у меня есть дар. Когда я прошлой ночью увидела это во сне, мне многое вспомнилось.

– Что же это за дар?

– Чесотка.

Он ухмыльнулся.

– Скажешь тоже.

– Это своего рода предсказательная чесотка, поскольку она случается только тогда, когда на меня надвигается опасность. Каждый раз, когда я ее чувствую, случается что-то плохое.

Это заставило его задуматься.

– Хм, возможно, это пригодится нам, пока ты здесь.

Я присела рядом с кроватью, скрестив ноги, потому что мне показалось глупым все это время стоять, наклонив голову и глядя на Себастьяно сверху вниз.

– Могу ли я быть тебе в чем-нибудь полезна? – спросила я. – Я хочу сказать, если ты, например, хочешь узнать, где отхожее место...

– Спасибо, но я предпочитаю канал, раз уж он так близко.

Я откашлялась.

– Давай тогда, наконец, поговорим обо всех этих путешествиях во времени. У меня полно вопросов. А монна Фаустина еще спит, так что она не может нас слышать.

– Ну тогда давай спрашивай.

– Как ты получил эту работу?

– С помощью Хосе. Он работал у нас в университете кем-то вроде архивариуса. Таким образом он, так сказать, всегда держал руку на пульсе истории. Мы однажды разговорились, и он спросил меня, не могу ли я посмотреть на пару исторических находок, которые недавно поступили на склад археологического архива. Конечно, я согласился.

Внезапно у меня возникло безумное предположение.

– Это было похоже на то, что случилось со мной? Он дотронулся до тебя своим костлявым холодным пальцем и ты обрел способность путешествовать во времени?

– Ты хочешь сказать, как с людьми, которых похитили инопланетяне и вживили им чип в череп?

– Именно! – восторженно воскликнула я. – Ты тоже считаешь, что это могут быть инопланетяне?

Себастьяно слабо улыбнулся, но затем лишь пожал плечами.

– В конечном счете, нельзя сказать со стопроцентной уверенностью. Как бы то ни было, Хосе и Эсперанца – не из нашего времени, но и не из более ранних эпох, так что мы можем предположить, что они из будущего. Причем из весьма отдаленного.

– Или из далекой-далекой Галактики, – настаивала я.

– Неважно. В любом случае Хосе – Хранитель. Как и Эсперанца.

– Хранитель?

– В нашем сообществе есть три группы. Хранители, Стражи и Вестники.

– Бартоломео – Вестник, – сказала я, радуясь, что тоже могу поделиться каким-то знанием. – Вестники не могут путешествовать во времени – на это способны только Хранители и Стражи. Ты – Страж, верно?

Когда он кивнул, я спросила:

– Что именно делают Хранители?

– Они дают необходимые указания. Кроме того, они, можно сказать, все координируют и сопровождают переходы.

– Что значит – сопровождают?

– Они присутствуют при каждом переходе в другое время. Без Хранителя Страж не сможет пройти сквозь портал.

Я нахмурилась.

– Задумывался ли ты, что однажды окажешься в совершенно безвыходном положении, если с этим Хосе или со старухой Эсперанцей здесь что-нибудь случится?

– Это риск, с которым я должен считаться, раз уж я решился на это приключение, – признался он.

– Ты не рассказал мне о специальной процедуре, с помощью которой ты стал путешественником во времени.

– Я посмотрел в зеркало.

– Что за зеркало? – озадаченно спросила я.

– Совершенно непримечательная старая вещица. Стоит среди прочей рухляди в историческом архиве факультета. Хосе снял покрывало с зеркала и дал мне в него посмотреть. И то, что я в нем увидел, меня крайне потрясло.

– О боже, пожалуйста, только не говори, что Хосе превратил тебя в инопланетянина! – в ужасе взмолилась я.

– Он не превратил меня в инопланетянина, – послушно сказал Себастьяно. Он снова улыбнулся, но тут же опять посерьезнел. – Но то, что я увидел в зеркале, было немногим лучше. Я увидел, во что превратится Венеция, если здесь произойдут определенные события.

– Хочешь сказать, в прошлом, то есть в этом времени? Речь ведь про Альвиса, да?

Себастьяно кивнул.

– Он выведет из игры Тревизана – единственного политического противника, которого стоит принимать всерьез. Затем он с помощью своего

отца сделается главой Республики. Потом он добьется для себя полномочий, которые позволят ему без участия Совета принимать решения, имеющие долгосрочные последствия. Сбалансированная дипломатия, благодаря которой Венеция прошла через военные конфликты следующего столетия, разрушится. Альвис будет стремиться к тому, чтобы Венеция играла ведущую роль в колонизации новых континентов, занимая такое же положение в мире, как Испания и Англия. Из-за этого он меньше чем через столетие ввергнет Венецию в убийственную войну, в результате которой альянс испанцев, англичан и французов превратит ее в прах и пепел. Город будет полностью уничтожен. Пару лет спустя здесь останутся только безлюдные острова, покрытые осокой и руинами.

Я слушала его рассуждения, затаив дыхание, но под конец лишь возмущенно покачала головой.

– Этого не может произойти, ведь тогда города не было бы и в наше время! Но я сама видела, что Венеция на месте! Никто не уничтожил Венецию, даже Наполеон.

– Таково положение вещей – в настоящий момент. Но когда я в следующий раз вернусь в наше время, может оказаться, что уже вступило в силу измененное будущее. Будущее, в котором Венеция разрушена. Никто больше не вспомнит о предыдущей версии истории. Она просто исчезнет, как и этот город.

– Хочешь сказать, воспоминания всех людей мира тоже изменятся? Как с Тассельхоффами?

– Безусловно. Это основной принцип.

– Но мы все помним! Почему наши воспоминания не корректируются?

– Если бы мы забыли, как все было раньше, мы бы не смогли понять, чего опасаться, – объяснил Себастьяно. – Кроме того, мы храним все в памяти, чтобы делать то, что должны.

– Может, дело в том, что эти старейшины как-то... по-особенному с нами обращаются.

– Предполагаю, что да.

Я медленно кивнула. Все это выглядело вполне логично. Невероятно странно и безумно, но логично.

Но одно оставалось невыясненным:

– Тогда к какому типу отношусь я? Хранитель, Защитник или Вестник? – Задумавшись, я смолкла. – Похоже, никто из них, или как? Есть ли у вас название для таких как я?

– Я не знаю. Может, ты своего рода джокер. Я спрошу об этом Хосе.

– А Альвис? Это что за фрукт?

Себастьяно открыл рот, но не прозвучало ни слова. Снизу послышалось шарканье. Монна Фаустина выпалась и снова вся превратилась в слух.

– Думаю, теперь я могу принести завтрак, – сказала я. – Есть ли у тебя еще немного мелочи?

* * *

Съев кусок хлеба и выпив еще кувшин воды, я почувствовала себя отчасти сытой, но вряд ли стала лучше соображать. Вскоре, когда монна Фаустина отлучилась в туалет и не могла подслушивать, я смогла задать Себастьяно еще несколько вопросов.

Зеркало, как рассказал мне Себастьяно, показывало лишь последовательность картин с отдельными происшествиями, не сообщая точных дат. Нужно было самому догадаться, когда наступает рискованный момент, и затем своевременно вмешаться. В нашем случае таким событием было убийство Тревизана. Или упомянутые переговоры во Дворце дожей, во время которых Альвис хотел привлечь городских лидеров на свою сторону и продвинуться на пути к захвату власти.

Альвис, похоже, сам по себе был необычным явлением. Но Себастьяно не успел много о нем рассказать, потому что как раз тогда, когда повествование стало весьма увлекательным, монна Фаустина вернулась в дом и заняла свой пост под лестницей. И все-таки я хотя бы узнала, что Альвис когда-то переместился в Венецию из другого времени, как и Тассельхоффы. Это случилось пять лет назад. Себастьяно знал об этом только по слухам, потому что не он сам, а еще его предшественник, человек по имени Джанкарло, однажды привез Альвиса в прошлое на красной гондоле. Здесь Альвис нашел новую семью: своего брата Джованни и отца Пьетро Малипьеро. Но, в отличие от других людей, попавших в прошлое, он неожиданно вспомнил о случившемся и начал строить зловещие планы.

Почему к нему вернулась память и как ему, помимо всего прочего, удавалось путешествовать туда-сюда во времени, Себастьяно еще предстояло мне объяснить. Как только монна Фаустина в следующий раз пойдет в туалет. Или когда мы уберемся отсюда.

В этой маленькой вонючей чердачной каморке все равно было невозможно оставаться. В первой половине дня под низкими стропилами стало так жарко, что я с трудом терпела духоту. Себастьяно после нашего разговора снова уснул, но он беспокойно метался на постели и стонал

каждый раз, когда задевал рану. Время от времени он кашлял. Его лоб покрылся потом, и рубашка тоже вскоре пропотела насквозь. Он бормотал бессвязные обрывки фраз, но не просыпался.

В какой-то момент я решила, что он поспал уже достаточно. Я осторожно потрясла его за плечо.

– Себастьяно? Уже почти полдень. Нам вроде нужно что-то... предпринять?

Вместо ответа он только простонал, что ему не мешает еще пара часов сна. Я обеспокоенно положила руку ему на лоб – и испугалась, когда мои пальцы ощутили жар. Я понятия не имела, как ухаживать за больными, но и дураку было ясно, что у него температура.

– У тебя жар, – констатировала очевидное я.

– Просто дай мне еще немного поспать, ладно?

Моя тревога перерастала в панику. Жар может означать что угодно. Например, что рана воспалилась и он на грани гибели.

Ему непременно нужно было к врачу! Разумеется, к настоящему врачу, а не к одному из этих знахарей, которые назывались докторами в пятнадцатом столетии и занимались в основном кровопусканиями.

У меня не оставалось выбора. Я должна оставить его одного, чтобы привести помощь. Монна Фаустина недоверчиво посмотрела на меня, когда я объяснила, что моему мужу нужно еще немного поспать и потому не стоит его беспокоить.

– Он отдыхает после утомительного путешествия, – сказала я, и это была чистая правда. Затем я отправилась в путь. На деньги, позаимствованные из кошелька Себастьяно, я наняла гондолу. Гондольер осмотрел меня с головы до ног, и когда его взгляд остановился на груди, я осознала, что до сих пор одета в парадное платье со вчерашнего вечера и вышла в город без вуали. По крайней мере, у меня был с собой желтый шелковый платок Доротеи. Я плотно прикрыла им плечи.

Я велела гондольеру пристать у Дворца дождей, дала ему пару монет и попросила подождать.

На площади Сан-Марко царило оживленное возбуждение. Густая толпа бурлила вокруг двух колонн, возвышавшихся на пьестете. Содрогнувшись от ужаса, я осознала, что именно вызвало их интерес. Между колоннами только что провели связанного человека. Его грубо толкнули на землю и подтащили к плахе. То, что его сейчас казнят, я поняла, как только увидела палача с огромным мечом. Люди вокруг кричали и смеялись, будто казнь была первоклассным спектаклем. Некоторые даже взяли с собой еду и питье, чтобы скоротать время в

ожидании представления.

Я потрясенно отвернулась, проталкиваясь сквозь толпу. Не теряя времени, я прошла вдоль Дворца дождей, обошла базилику и по узкой улочке направилась к магазину масок.

Я упорно колотила в дверь, но никто мне не открыл. Можно было и не тратить время на поездку сюда.

Когда я вернулась на набережную, с казнью уже было покончено. Люди начали расходиться. Несколько мужчин грузили останки осужденного на телегу, хотя я взглянула на это лишь краем глаза, стараясь не смотреть в том направлении. Пахло кровью и смертью. У меня сжался желудок, и съеденный на завтрак хлеб чуть не попросился наружу.

Я приказала гондольеру отвезти меня к дому Мариетты, но и тут меня ждала неудача. Хосе здесь не оказалось, и самой куртизанки тоже не было дома. Я описала служанке, которая открыла мне ворота, куда она должна прислать одноглазого старика, как только он снова появится.

– Но это должно случиться скоро, потому что для Себастьяно это вопрос жизни и смерти, – заклинала я ее. Мне пришлось выразиться немного конкретнее, чтобы никто не подумал, что я преувеличиваю. – У него ужасный жар.

Служанка впечатленно кивнула и пообещала передать это своей госпоже или испанцу.

Я поспешно снова села в гондолу и попросила доставить меня к пристани, рядом с которой находилась зеленая лавка. Здесь я тоже дала гондольеру немного денег и попросила подождать. До лавки я добралась пешком. Идя по улочкам, я ощущала на себе любопытные взгляды – явно из-за моего наряда.

Когда я вошла в магазин, Матильда подняла брови, так что они почти слились с волосами.

– Ты опаздываешь, – сказала она. – Мы же договорились, что ты еще до третьих колоколов возьмешься за работу.

Меня обожгло осознание того, что я действительно обещала ежедневно заходить к ней, чтобы помочь. Как это могло вылететь у меня из головы!

Ну да, меня же чуть не убили. Весьма хорошее оправдание для моей забывчивости. И я должна была заботиться о путешественнике во времени, у которого был жар и от чьего состояния, помимо прочего, зависело, смогу ли я снова вернуться домой. Чтобы в таких обстоятельствах думать о метле и тряпке, нужно иметь стальной рассудок. А мой был скорее из комковатой ваты.

– Как ты вообще одета? – осуждающе спросила Матильда. – Ты собираешься работать в этом?

– На самом деле, я только зашла за средством от жара, – призналась я. Чтобы затем тут же соврать: – Моя соседка по келье в монастыре заболела. – Тут же я добавила: – Я всю ночь не спала, заботясь о ней, и поэтому забыла переодеться.

– А что насчет работы?

– Я вернусь так быстро, как только смогу. Как только я дам ей лекарство.

И это тоже была ложь. Или, по крайней мере, не совсем правда. Я не могла работать здесь, не зная, как себя чувствует Себастьяно. Он сильнее нуждался в моей помощи, чем Матильда или Кларисса.

В лавку вошла Кларисса. От сияния, которое она излучала вчера вечером, не осталось и следа. Ее волосы, как обычно, были собраны в тугую косу, а поверх скромного коричневого платья она надела тот же запачканный халат, в котором всегда работала в оффисине.

Мне показалось, что она была совершенно не в восторге от моего появления.

Я виновато кашлянула.

– Я знаю, что опоздала, но... случилось кое-что непредвиденное. Можно с тобой поговорить?

Она неохотно пожала плечами.

– Пойдем со мной.

Я проскочила мимо Матильды и, пытаясь не обращать внимания на ее громкие ругательства, последовала за Клариссой. На кухне за столом сидел старый Якопо, как обычно, вырезая что-то из деревяшки.

– Смотри-ка, – с дружелюбной улыбкой сказал он, увидев меня. – Наше солнышко. И в какой прелестной одежде.

– У меня еще не было времени переодеться.

– Тогда, должно быть, у тебя была бурная ночь, – подмигнул он мне.

– Нет, на самом деле нет. Скорее... неприятная. Мне пришлось заботиться о больной соседке по комнате.

– Надеюсь, скоро ей станет лучше, – сочувственно сказал он.

– Я пришла за лекарством от жара.

– Кларисса что-нибудь тебе подберет, – сказал Якопо.

Кларисса выслушала это, упрямо наклонив голову.

– То, что хорошо поможет твоей соседке, – продолжал Якопо. – Кларисса, чего ты ждешь?

Она, похоже, даже не собиралась выполнять его просьбу.

– Кларисса, – сказал он встревоженно, и в его голосе послышались сердитые нотки, – я тебя не узнаю! Ты не хочешь помочь Анне?

Кларисса пожала плечами, будто размышляя. Отвернувшись, она произнесла:

– Пойдем со мной.

Она толкнула заднюю дверь, и я следом за ней прошла через двор, к сараю. Толстые мухи, как обычно, жужжащие над туалетом, напомнили мне о том, что мне предстоит, если я не постараюсь изо всех сил, чтобы вернуться в двадцать первый век.

– Ты злишься на меня? – неуверенно спросила я, заметив, что каменное выражение лица Клариссы не смягчается.

– За что же мне на тебя злиться? – резко спросила она в ответ.

– Ну мало ли. Я вчера так быстро исчезла с праздника... Но с тобой остался Барт. Вы по крайней мере хорошо поговорили? Он проводил тебя домой?

Ответа не последовало – она просто зашла в сарай и принялась готовить травы за рабочим столом. Я растерянно зашла следом.

– Я что-то сделала не так?

– Лучше молчи! – перебила она меня. – Тогда мне больше не придется терпеть твои глупости.

Такой враждебной я ее еще никогда не видела и решила, что лучше помолчать.

Ссутулившись, она высыпала смесь трав на листок бумаги, наконец, тщательно свернула ее и вложила мне в руку.

– Нужно развести горячей водой, – бесцветно сказала она. – Пусть он выпьет все за один раз. Если добавить сахар или мед, получится очень приятно на вкус.

– Кларисса, что с тобой? – не выдержала я. – Чем я тебя обидела? Скажи мне, чтобы я могла извиниться!

– Ты – извинишься? Ты, идеальная Анна из будущего, которая все знает, все умеет и все понимает? – Кларисса язвительно рассмеялась. – Что ты можешь сделать не так! Ты же совсем не такая, как я! Тебе никогда не совершить таких ошибок, как мне! Тебе никогда не придется жить с чувством вины, зная, что из-за тебя погиб хороший человек!

– Какая вина? И какой человек?

– Умолкни. – Она отвернулась от меня. Ее плечи дрожали, она расплакалась.

Я нерешительно протянула к ней руку, но она грубо отмахнулась от меня и что-то прошипела, так что мне в итоге пришлось убраться.

В смятении я направилась к выходу.

На кухне Якопо посмотрел на меня с улыбкой.

– Получила лекарство?

Я молча кивнула и, опустив голову, прошла мимо него, через лавку, а затем на улицу.

Матильда рассерженно крикнула мне вслед, чтобы я даже не думала опаздывать, потому что здесь еще полно дел.

Я была слишком сбита с толку, чтобы отвечать. В полной растерянности я вернулась к пристани.

* * *

Я попросила монну Фаустину вскипятить воду, и она с ворчанием подчинилась. Я не удивилась, когда она потребовала от меня за это денег, в конце концов, ей нужно было добавить в отвар сахар или мед. Конечно, я ей заплатила. Себастьяно уже не выглядел таким обессиленным, как раньше, он почти проснулся, но его жар, как мне показалось, лишь усилился. Только бы средство помогло!

Я сменила повязку, при этом заметив, что рана воспалилась. Не нужно было быть врачом, чтобы сообразить, что покрасневшая, напряженная кожа вокруг пореза не означает ничего хорошего.

– Выглядит плохо, – испуганно сказала я. – Тебе немедленно нужно к врачу.

– Я знаю, – ответил он и закашлялся. Кашель звучал совсем нехорошо. – Но здесь о враче и речи быть не может. По крайней мере о таком, к которому я добровольно пошел бы.

Я сообщила, что пыталась отыскать обоих Хранителей.

– Я побывала в магазинчике масок, к сожалению безуспешно. В доме куртизанок я тоже попытала счастья, но никто не знал, где Хосе. Также я передала ему сообщение, чтобы он сразу же пришел сюда, как только появится. Где бы его ни носило.

О разговоре с Клариссой я умолчала, хотя мне отчаянно хотелось выяснить, в чьей смерти она себя упрекает. Судя по виду Себастьяно, он сейчас не был способен на долгие монологи. Он лежал на спине, бледный, закрыв глаза. По нему было видно, что рана снова болит.

– Зачем ты все это для меня делаешь? – пробормотал он.

– Ну, я же твоя жена. Уже забыл?

Он едва заметно улыбнулся уголком губ.

– Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится?

– Явно не мой болтливый рот. Пожалуй, я бы сделала ставку на свои длинные золотистые волосы.

Он тихо рассмеялся, но его лицо тут же исказилось от боли.

– Проклятье, лучше прекрати! – попросил он.

– Что прекратить?

– Шутить! Мне адски больно смеяться!

– Хм, я-то думала, что смех – лучшее лекарство. Но с дыркой в животе, наверное, не так весело. Я знала, каково это, потому что мне удаляли аппендикс. Тогда мне было семь, и я довольно четко все помню. Прежде всего о том, каково мне было смеяться. Но сдерживаться я не могла. Папа приходил в больницу и рассказывал мне восхитительно тупые шутки.

– Так это у тебя от него?

– Не исключено. По крайней мере, он понимает мои шутки, даже когда другим вообще не смешно. – Я вспомнила про инвалидов и машинки для гольфа и ощутила ком в горле. Доведется ли еще нам с папой вместе посмеяться над шуткой?

– Я тоже понимаю, – сказал Себастьяно.

– Кого? Моего отца?

– Твой юмор. И именно его я имел в виду. То, что мне в тебе больше всего нравится.

Он повернулся и посмотрел на меня. Я слегка вздрогнула, когда он неожиданно вытянул руку и погладил мои волосы.

– Но и твои длинные золотистые волосы тоже ничего.

– Тогда будем считать, что этот вопрос мы прояснили, – хрипло сказала я.

– Да, хорошо, что мы об этом поговорили. – Его голос звучал несерьезно, но взгляд был будто вопросительным. Мне стало жарко.

Я тщательно откашлялась.

– Ты еще собирался мне рассказать, как ты получил эту дырку в животе.

Тихо усмехнувшись, он приподнял бровь.

– Правда, что ли, хотел?

– Безусловно, – решительно сказала я.

– Ты сама можешь догадаться.

– Альвис, – предположила я.

Себастьяно уныло кивнул.

– Когда я оказался в будущем, он был уже там и поджидал меня. Со своим кинжалом.

– Как этому мерзавцу вообще удастся прыгать во времени туда-сюда?

– Должно быть, у него есть помощник, но мы не знаем, кто это. Также должен быть портал, который он использует, но пока неизвестно, где он находится. Но одно точно верно: он хочет убрать меня с пути, не мытьем, так катаньем.

«И меня тоже», – содрогнувшись от ужаса, подумала я и будто снова ощутила его удушающий захват.

– Пока что мне везло, но в следующий раз он может добиться успеха, – сказал Себастьяно. – Он чертовски ловко управляется с ножом.

– Не стоит так говорить, – возразила я. – Мысли позитивно! Может, в следующий раз ты сам его застигнешь врасплох! Ты тоже быстрый. Я сама видела! – Я задумалась. – Лекарство. Оно наверняка уже готово. Подожди, я его сейчас же принесу.

Я спустилась вниз, но монны Фаустины было нигде не видно. Задняя дверь была открыта, а из туалета донеслись характерные звуки поноса. Услышав их, я почувствовала, как забурчало у меня в животе, и мне ужасно захотелось как следует поколотить по двери туалета и попросить монну Фаустину поторапливаться. В этом столетии на мою долю явно выпадает слишком много стресса.

Я сделала пару глубоких вдохов, и мои внутренности расслабились. Я научилась в некоторой степени их контролировать, представляя, будто приняла имодиум. Воображаемая таблетка действовала почти так же, как и настоящая, если принять ее достаточно быстро. Иногда мне приходилось мысленно принимать вторую, и это тоже не всегда помогало. Но на этот раз сработало. Я почувствовала бесконечное облегчение, поскольку я хотела по возможности не пользоваться туалетом ужасов монны Фаустины.

Рядом с плитой стоял дымящийся кувшин, из которого пахло медовым травяным чаем, так что отвар был уже готов. Я хотела сразу же отнести его наверх, но тут Себастьяно спустился по ступенькам. Он кое-как причесался. Кроме того, он натянул камзол, а в руке нес ботинки. Свободной рукой он опирался о стену. Его бледное лицо было покрыто потом.

Я поспешно поставила кувшин и поспешила к нему.

– Куда ты собрался?

– Я же сказал, что мне нужно во Дворец дождей. Самое время. Только что прозвонили «нон». Они вот-вот соберутся на совещание.

– Кто?

– Малипьеро, Тревизан и прочие советники. После этого разговора будущее пойдет по другому пути. По ложному пути.

– И как ты собираешься этому помешать?
– Сорвать совещание.
– Но я думала, нужно только спасти жизнь Тревизану?
– Это была только часть плана. Помимо этого нужно не дать Малипьеро перетянуть на свою сторону Совет Десяти.

Непослушными пальцами он застегнул камзол, а потом уселся на ступеньки, чтобы надеть ботинки. Присев на корточки, я помогла Себастьяно, потому что ему явно было тяжело наклоняться.

Я озабоченно наблюдала за ним.

– Себастьяно, в таком состоянии ты не можешь просто так расхаживать по улице!

Он снова закашлялся, а когда перестал, сказал:

– Могу и должен.

– А если тем временем придет Хосе?

– Он знает, где меня найти.

– Но ты не выпил отвар от жара!

– Нет времени. Я воспользуюсь им позже, обещаю.

– Я пойду с тобой, – сказала я, хотя непреодолимый страх перед Альвисом заставил меня тут же выпить еще одну воображаемую таблетку от диареи.

– Анна, я не могу этого от тебя требовать. – Он с усилием поднялся на ноги. – Я справлюсь и один.

– Если это шутка, она не смешная. Подожди секунду.

Я поднялась в комнату, прихватила желтый платок, и мы вместе вышли из дома.

* * *

Над городом висела вечерняя жара, свойственная позднему лету, хотя то и дело с моря прилетал бриз, приносящий с собой запах соли и рыбы. Вдоль набережной Рива дельи Скьявони были пришвартованы бесчисленные корабли. Они покачивались на волнах. Бесчисленные высокие мачты уходили в синее небо, тут и там на ветру трепетали паруса. Многие старинные корабли выглядели одновременно восхитительно и пугающе, потому что по ним было отчетливо видно, что они принадлежат прошлому.

Себастьяно шел рядом со мной, держась весьма уверенно, хотя шагал он с заметным усилием. То и дело ему приходилось останавливаться, чтобы прокашляться. Похоже, у него разыгрался настоящий бронхит. Капли пота у

него на лбу и раздраженное выражение лица показывали, что ему приходится проявлять крайнюю собранность, чтобы боль не была заметна со стороны. Он не протестовал, когда я взяла его под локоть и осторожно поддержала. По той же причине, как я предположила (или лучше: как я надеялась!), он прошлым вечером буквально висел на Мариетте.

– Ты так молчалива, – сказал он, когда мы шли по набережной к Дворцу дождей.

– Ах, я просто задумалась.

– Об Альвесе?

– О нем тоже.

– А о чем еще?

Я перешагнула черездохлую рыбу, выскользнувшую из бочки, которую проходящий мимо моряк нес на плече.

Некоторое время я боролась с собой, не зная, стоит ли раскрывать Себастьяно главную причину моей задумчивости. В конце концов я просто сказала:

– Когда я сегодня зашла к Клариссе за средством от жара, она говорила загадочными намеками. О том, что она виновата в смерти хорошего человека.

На лице Себастьяно отразился гнев.

– О, так она наконец-то выдала себя, а?

– Нет, на самом деле нет. Я же сказала, это были только намеки. Что она имела в виду?

– До того, как я занялся этим делом, над ним работал другой человек. Я уже об этом упоминал.

Я вспомнила.

– Джанкарло, да?

Себастьяно кивнул.

– Симпатичный парень, на два семестра старше меня. Я познакомился с ним, как только меня зачислили в университет. Мы несколько раз ходили на футбол и иногда пили пиво вместе. Он рассказал, что нашел подработку на каникулы, там хорошо платят, и им может понадобиться еще один сотрудник. Я, конечно, попросил его рассказать мне поподробнее. И тогда он познакомил меня с Хосе.

– А что стало с Джанкарло?

– Он погиб пару недель спустя. И в этом виновата Кларисса.

Я сглотнула.

– Что случилось?

– Его рабочий участок – не только это время, но и более позднее –

восемнадцатый век, эпоха, когда жила Кларисса. Он привел ее сюда, и между ними явно что-то было. Он с ума сходил по ней, но она думала только о том, чтобы снова вернуться домой. Джанкарло пытался сделать это каждые две недели, в ночь поворота луны, но ничего не выходило. Как и у тебя, у нее была маска кошки, и она тоже должна была выполнить задание. Наконец, Эсперанца отправила ее на праздник. Но Клариссе не хотелось идти.

– Она не пошла, потому что у нее разыгралась мигрень, – возмущенно возразила я.

– Если она тебе так сказала, она соврала, – сказал Себастьяно. Эти слова прозвучали безэмоционально, но решительно. Я была вынуждена поверить ему, потому что, если честно, Кларисса уже не раз соврала мне.

– Она не хотела идти, потому что она недавно поссорилась с Джанкарло. Глупая ссора по ничтожному поводу, просто потому, что она ревновала.

– К кому?

– К Мариетте.

– К Мариетте? – пораженно повторила я.

Себастьяно кивнул.

– Кларисса тогда жила в ее доме. Не как... ну, ты уже знаешь. А совершенно благопристойно, в комнате в мансарде. Она могла бы жить в монастыре, но решила, что там для нее слишком скучно.

– Наверное, она тогда не знала, что и монахиням разрешается устраивать вечеринки, – пробормотала я.

– Что ты сказала?

– Ничего. Итак, она поссорилась с Джанкарло. И что дальше?

– Она отказалась следовать указаниям Эсперанцы...

– Секунду. Она *знает* Эсперанцу?

– Конечно.

И в этом Кларисса тоже меня обманула!

– Так что она не пошла на праздник, – продолжил Себастьяно. – Она просто не хотела понимать, что это вопрос жизни и смерти, хотя Джанкарло ей об этом говорил. Он оказался один, и некому было прикрыть его спину. Его заманили в засаду и убили. Как и человека, которого он должен был защитить. Важного дипломата, который в грядущей войне крайне убедительно вел бы мирные переговоры. Из-за его смерти война продлится на два года дольше и погибнет множество людей.

Я до боли прикусила губу. Кларисса действительно носила на себе тяжелую вину, хотя она вообще не имела дурных намерений.

– После этого она умоляла меня и Хосе вернуть ее в родное время. Мы пытались несколько раз, но ничего не вышло. И никогда не выйдет – с этим ей придется смириться. Хотя она до сих пор не хочет этого принимать. Эсперанца объяснила ей, что она должна подождать, пока не наступит подходящее время для второго шанса. Может быть, как раз сейчас у нее появился такой шанс.

Я растерянно смотрела вперед. Кларисса ждет уже пять лет! Какая нечеловечески тяжелая судьба – и все из-за одной глупой ссоры! Причину которой, ко всему прочему, я понимала как никто другой! Вряд ли найдется женщина, которая не стала бы ревновать к Все-й-такой-замечательной Мариетте!

– Я, конечно, понимаю, все это совершенно ужасно, – сказала я. – Но разве обязательно нужно заставлять ее заниматься рабским трудом у Матильды?

– Тогда она сама к этому стремилась, – сказал Себастьяно.

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Правда?

Он кивнул.

И на этом наш разговор закончился. Мы подошли к Дворцу дождей.

* * *

Перед воротами стояли стражи с метровыми пиками, и на секунду я засомневалась, пустят ли они нас. Но Себастьяно снова меня удивил. С впечатляющей уверенностью он жестом фокусника извлек из поясной сумки бумагу, похожую на какой-то документ, и протянул ее одному из стражников.

Тот передал ее второму – видимо, потому, что он лучше умел читать. Внимательно изучив написанное, стражник вернул бумагу Себастьяно и приказал своему коллеге пропустить благородного господина и его почтенную супругу.

– Там так и сказано? – шепотом спросила я, когда мы входили под арку ворот. – Что я твоя почтенная супруга?

Себастьяно скорчил заговорщическую мину.

– Нужно быть готовым к любым неожиданностям. В конце концов, я кто-то вроде тайного агента. Так что подходящая женщина мне просто необходима.

Эти слова почему-то показались мне отвратительными. Я словно

какая-то «девушка Бонда».

– Жаль, что у тебя нет лицензии на убийство, – сказала я. – Тогда с Альвисом явно было бы меньше проблем.

– Об этом я не раз серьезно задумывался. Но это не в моем стиле. В чем же тогда будет отличие между добром и злом?

Я была согласна с этой идеей, несмотря на то, что она вызывала у меня двойственные чувства. Себастьяно рискует однажды погибнуть из-за своего благородства.

– Но самооборона вполне оправданна, – сказала я. – В следующий раз ты должен просто как следует обороняться, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Посмотрим, что из этого выйдет.

Тут нам пришлось покончить с шуточками, потому что у подножия парадной лестницы во внутреннем дворе нас остановили еще два вооруженных человека, и Себастьяно пришлось показать им свой пропуск.

Тем временем я с любопытством осматривалась. Двух огромных статуй, которые в мою эпоху стояли по бокам лестницы, еще не существовало, а внутренний двор показался мне более просторным и не так плотно застроенным, как в будущем.

Себастьяно с трудом поднялся по ступеням. С каждым шагом он тихо стонал, и один раз ему пришлось остановиться, чтобы переждать приступ кашля.

Я шла совсем рядом и поддерживала его.

– Ты уверен, что вынесешь все это?

Вместо ответа он стиснул зубы, делая шаг за шагом, пока мы не добрались до второго этажа. Там мы ненадолго остановились, чтобы Себастьяно мог перевести дух.

Я постоянно оглядывалась по сторонам, но люди, которые прохаживались по балюстрадам, похоже, совершенно не обращали на нас внимания. Я заметила нескольких сановников, одетых в мантии разных цветов и в шляпы, которые только подчеркивали их степенную походку. Другие были одеты проще и кланялись, когда мимо проходил знатный человек, так что это, наверное, были мелкие чиновники.

Дворец дожей, это я запомнила еще с наших экскурсий, был в это время правительственным и административным центром Венеции. Там находились многочисленные государственные инстанции, с огромным количеством чиновников и политиков. Дож тоже жил здесь – его покои находились на втором этаже.

Я взволнованно думала о том, доведется ли мне увидеть его лицом к

лицу. Настоящего живого дожа!

– На случай, если ты высматриваешь дожа – сейчас он не здесь, а в своей вилле на материке.

– Я давно подозревала, что ты умеешь читать мысли, – сказала я.

– Хотел бы я это уметь, – Себастьяно чуть жалобно улыбнулся, – тогда бы я знал, какой неожиданный ход Альвис сделает следующим.

– Ну да, но зато ты знаешь, что сегодня он придет на это собрание, которому ты должен помешать, – утешительно сказала я. – Это уже многого стоит.

– Было бы еще лучше, если бы у меня был хороший план.

Я ошарашенно взглянула на него.

– Только не говори, что у тебя его нет! Что мы тогда здесь делаем?

– Сейчас мы идем к этому проклятому залу собраний, – проворчал Себастьяно. Вздохнув, он двинулся дальше.

– А потом? Мы туда придем, и ты будешь ждать вдохновения? – Я шла рядом с ним, затем обежала его и стала идти спиной вперед, чтобы лучше его видеть. Из-за своей раны он не мог шагать слишком уж энергично, так что мне было несложно держаться на шаг впереди и настойчиво заглядывать ему в глаза.

– Слушай, Себастьяно, все это выглядит как пьяный бред! Давай просто вернемся и подождем у монны Фаустины, пока не появится Хосе. Он должен прежде всего доставить тебя к нормальному врачу! Это явно полезнее, чем шататься здесь у всех на виду, не имея никакого плана действий.

– Я не говорил, что у меня вообще нет плана, – возразил Себастьяно. – Хотя, признаюсь, он мог бы быть и лучше. – Он поморщился, то ли от боли, то ли от нетерпения. – Если ты перестанешь скакать передо мной, как чертик из коробки, я тебе все объясню.

Я почувствовала себя виноватой, заметив, что ему больно идти. Я поспешно снова схватила Себастьяно под руку, чтобы ему было легче. Он шепотом объяснил мне, что хочет устроить пожарную тревогу. Учítывая, что последний опустошительный пожар во Дворце дождей случился совсем недавно, а венецианцы мало чего боялись так сильно, как огня, можно было рассчитывать, что большинство присутствующих политиков тут же захотят сбежать. А значит, совещание кончится внезапно, прежде чем удастся обсудить хотя бы одно предложение. Некоторые, возможно, вернутся позже, но явно не все. А значит, планы Малипьери будут сорваны.

Хотя Себастьяно был недоволен своим планом, мне самой он показался весьма хорошим. Пожарная тревога, кроме того, имела

преимущество: в беспорядке и суматохе, которые непременно возникнут, мы сможем скрыться незамеченными.

Мы дошли до лестницы, которая вела на второй этаж.

Себастьяно карабкался по ступеням, то и дело вскрикивая и кашляя и все сильнее опираясь на меня, – он явно слабел от боли. Мое беспокойство росло все сильнее. Страх перед Альвисом усиливался. Что, если он подумает, будто суматоха, возникшая после ложной пожарной тревоги, – подходящий момент для небольшого нападения с ножом на врагов? В таком состоянии Себастьяно вряд ли сможет что-то противопоставить его атаке.

Мы оказались в помещении, отделанном роскошными фресками. Из него вели многочисленные деревянные двери внушительного размера.

Перед одной из дверей стояли два скучающих официанта, которые удивленно посмотрели на Себастьяно, когда тот спросил, не здесь ли должно состояться заседание Совета Десяти.

– Но заседание уже давно идет, благородный господин, – сказал один из них.

– Они уже должны вот-вот закончить, – продолжил другой.

Он был прав. Уже в следующий момент огромные створки дверей распахнулись, и советники группами вышли из зала. Они взволнованно переговаривались и, кажется, были в приподнятом расположении духа.

Среди них появился человек, которого я знала, и он был явно в худшем настроении, чем все остальные. Это был Тревизан. Он выглядел разочарованным и обеспокоенным. Все были не на его стороне, и никто с ним не говорил. Казалось, что он намеренно держался на расстоянии от других советников – или они от него.

Проходя мимо, он посмотрел на нас. На его лице отразилось удивление, и он коротко улыбнулся.

– Ну и дела. Маленькая кошечка. И молодой мессир Себастьяно. Приветствую вас!

– Мессир Тревизан, – Себастьяно обозначил поклон. Он пытался держать себя в руках, но отчаяние было написано у него на лице. – Сегодняшнее заседание Совета Десяти уже окончилось? Я думал, оно только началось! Разве мы вчера не говорили о том, что оно должно начаться, когда колокола пробьют «нон»?

Тревизан нахмурился.

– Я так сказал? Ах да, верно. Я сам тоже думал, что оно состоится вечером. Моему секретарю назвали это время. Но сегодня утром он пришел ко мне и заявил, что произошла ошибка. Заседание было намечено на сексту ^[23]. И оно длилось без перерывов вот до сих пор. – Он подавленно

покачал головой. – Все сложилось не в мою пользу. Обычно участников Совета Десяти нелегко переубедить, но в этом случае Малипьеро справились без труда. Пьетро привел блестящие аргументы, и я вынужден признать, что его речь была в высшей степени убедительной. Затем выступил его сын, Альвис, который развеял последние сомнения присутствующих.

– Но не ваши, – перебила я.

Тревисан пожал плечами.

– Как я могу отправить новый флот исследовать далекие земли, если у нас не хватает средств, чтобы развивать морскую торговлю и обороняться от враждебных государств? Но большинство голосов было у них. Скоро Венеция начнет строить корабли, пригодные для плавания в открытом море, чтобы найти неизвестные земли по ту сторону океана. Я пытался воззвать к голосу разума, но никто не хотел и слушать. Возможно, я смогу убедить *Мудрецов*, чтобы они созвали особое заседание, как только вернется дож. Я приложу все усилия.

Пожав плечами, он добавил:

– Речь Альвиса Малипьеро была и в самом деле провидческой и вдохновенной. Он сказал так: «Завоевать новый мир, прежде чем это сделают другие».

Покачав головой, он закончил:

– Эти Малипьеро – они невероятно харизматичны. В особенности юный Альвис. Ах, вот и они. Победители на всех фронтах.

К огорчению, отразившемуся на его лице, добавилась толика невольного восхищения, когда он увидел, как Малипьеро в толпе советников появился в дверях зала заседаний. Одобрение и воодушевление этих людей буквально витали в воздухе. Все хотели поговорить с Малипьеро, хлопнуть его по плечу, высказать похвалу, задать вопрос. Всеобщее внимание явно принадлежало ему.

И наше тоже. Я не могла отвести взгляд от Альвиса, и когда я быстро оглянулась на Себастьяно, я заметила, что он это тоже ощущает.

Притягивая взгляды, как магнит, Альвис вместе с отцом и братом прошествовал в переднюю, окруженный одобрительно смеющимися политиками, которые не могли дождаться момента, когда смогут приступить к осуществлению его планов. Потому что они верили каждому его слову.

Альвис, как я поняла, и сам так ревностно верил, что Венеция превратится в колониальную державу, властвующую над миром, что готов был сделать для этого все, даже пойти по трупам, если это понадобится.

Знал ли он, что его честолюбивые планы в конце концов приведут к полному уничтожению города?

Но на этот вопрос я уже могла ответить. Конечно, знал. Он был путешественником во времени, а значит, смотрел в зеркало. И если он, несмотря на это, так безрассудно стремился к своей цели, объяснение было только одно: ему было абсолютно все равно, что случится через сто лет. Его интересовало то, что произойдет в течение его собственной жизни, и он хотел получить как можно больше власти. Быть может, даже больше всех в мире.

Когда ему оставался один шаг до лестницы, он остановился и еще раз обернулся к нам. Хотя мы держались в глубине толпы, он нас увидел. На долю секунды наши взгляды встретились. Его глаза походили на темный лед. Его губы беззвучно произнесли слово, которое я поняла так четко, будто он выговорил его вслух.

– *Скоро!*

* * *

– Ему точно удастся повернуть все вспять, – утешительно сказала я, спускаясь по лестнице вместе с Себастьяно. После короткого разговора Тревизан распрощался с нами, сказав, что его ждут неотложные дела. – По крайней мере, он еще жив, это важное условие, чтобы все изменить!

Себастьяно ничего не возразил в ответ на мое оптимистичное высказывание. Он так ослабел, что, несмотря на мою помощь, ему приходилось прикладывать усилия, чтобы просто переставлять ноги. Когда ему стало ясно, что он опоздал, силы покинули его. До этого он держался на ногах благодаря железной силе воли, но теперь истратил все резервы.

Я положила его руку себе на плечи, чтобы мне было проще помогать ему, но когда мы наконец вышли из ворот на набережную, я двигалась с трудом. Все чаще Себастьяно сотрясали приступы кашля. Его лицо посерело и осунулось, а тело с моей стороны пылало как печь.

– Думаю, у тебя по-настоящему высокая температура, – обеспокоенно сказала я. – И этот кашель звучит довольно паршиво.

Казалось, это его совсем не беспокоило. Кое-что другое волновало его сильнее.

– На обратном пути нужно быть внимательными, чтобы за нами никто не следил, – прошептал он мне слабым голосом.

– Возможно, мы вообще не столкнемся с этой проблемой. Я даже не

знаю, сможешь ли ты в своем состоянии добраться до дома.

– Гондола, – пробормотал он. – И высматривай слежку.

Я помогла Себастьяно забраться в первую же свободную гондолу и, пока он обессиленно устраивался на скамье, приказала гондольеру ехать в Каннареджо, то есть в направлении, противоположном нужному. Вскоре я заметила, что нас и правда преследуют: брат Альвиса, Джованни Малипьеро собственной персоной, наступал нам на пятки. Он сидел в гондоле, которая плыла за нами, отставая лишь на пару корпусов, и его было легко узнать по солнечно-желтому камзолу.

Теперь оставалось только придумать, как нам от него оторваться.

Я ломала голову, пытаюсь вспомнить, что я знаю о методах ухода от преследования, прежде всего, из всяческих фильмов с безумными погонями, но, к сожалению, здесь было вообще невозможно поддать газу на следующем повороте, вывернуть руль и, поставив машину на ребро, умчаться прочь на двух дымящихся шинах.

– Что бы вы предприняли, если бы вам нужно было оторваться от преследования? – спросила я у гондольера.

Он прищурился.

– Вы имеете в виду этого желтого шута в паре корпусов от нас?

– Да, – растерянно сказала я.

– Ревнивый соперник?

Я кивнула, а затем рискнула пояснить:

– Он ранил шпагой моего супруга.

– Ах, я понимаю, вот почему он так слаб. – Он бросил на Себастьяно сочувственный взгляд, а затем сказал мне: – Я смогу вам помочь. Просто положитесь на меня.

Вскоре он резко свистнул и помахал рукой плотогону, который проплывал мимо нас.

Тут же этот человек направил свой плот следом за нашей гондолой и заслонил путь преследователю. Плотгон сделал вид, что хочет бросить якорь в канале на этом месте.

Проклятья Джованни летели нам вслед, пока мы не свернули в узкий соединительный канал, а затем направились в первую попавшуюся развилку. Маневр удался – мы оторвались от него.

– А куда вам на самом деле нужно? – спросил гондольер.

Я сказала ему адрес и поблагодарила его от всего сердца за его деятельную помощь.

Он дружелюбно улыбнулся.

– Такой милой паре приятно помочь.

Его слова все еще звенели у меня в ушах, когда я помогала Себастьяно пройти от гондолы до дома вдовы Фаустины. Когда мы шли к дверям, он так сильно опирался на меня, что я едва не падала под его весом. Кашляя, он прислонился к стене, пока я доставала ключ из его кошелька и открывала дверь. В глубине души я надеялась, что монна Фаустина не станет расчетливо подкарауливать нас, потому что только ее любопытства нам сейчас и не хватало. Странно, но когда мы вошли в главную комнату на первом этаже, ее нигде не было видно.

С большим усилием мне удалось втолкнуть Себастьяно наверх по лестнице, где он тут же упал на кровать и потерял сознание. Не в силах вздохнуть от ужаса и от пережитого напряжения, я опустилась рядом с ним на колени и коснулась его запястья, пытаясь нащупать пульс. Несколько мгновений я думала, что он мертв, скорострительно умер от потери сил и лихорадки, но потом он с хрипом втянул воздух.

Некоторое время я сидела на полу рядом с ним и глубоко дышала, ожидая, пока успокоится мое бешено бьющееся сердце. Затем я спустилась вниз, чтобы принести кувшин с травяным отваром.

С недоумением я обнаружила, что отвара в кувшине нет. Похоже, монна Фаустина от него избавилась. Или... С возрастающим недоверием я принялась принюхиваться к разным деревянным горшочкам и обнаружила в одном из них жалкие остатки лечебного средства.

Вот старая карга! Она просто все выпила! Я выскажу ей на этот счет, как только она вернется!

Я снова вернулась на свой пост у кровати Себастьяно. Он спал. Возможно, ему нужно немного покоя, чтобы восстановить силы. В любом случае поспать полезнее для его здоровья, чем шататься по окрестностям и играть в полицию времени.

Конечно, еще полезнее было бы обратиться к врачу.

Иногда он просыпался и слабым голосом говорил, что хочет пить, и тогда я влила воду ему в рот. Однажды он сказал, что ему нужно облегчиться, что поставило меня в сложную ситуацию. Идти в уборную он в таком состоянии не сможет, это исключено. Второй раз он по этим ступенькам не поднимется, даже с моей помощью.

Я поспешила вниз и направилась прямо в каморку монны Фаустины, потому что ожидала найти ночной горшок там же, где его держали большинство людей этой эпохи – под кроватью.

Когда я вошла в комнатку, меня обдало спертым, застоявшимся воздухом. Ставни были закрыты, но в щели проникало достаточно солнечного света, чтобы можно было различить очертания кровати.

Я хотела уже наклониться за ночным горшком, но тут заметила, что на кровати кто-то лежит.

– Монна Фаустина! – пропищала я. – Вы дома?

Вместо ответа я услышала только тихое сопение.

– Монна Фаустина? – спросила я немного погромче.

Снова нет ответа. Ее сон был невероятно глубоким. Похоже, она провела не слишком хорошую ночь.

Я решила, что ничего страшного, если я одолжу у нее ночной горшок. В конце концов, пусть она почувствует, каково мне было, когда она без спроса вылила травяной отвар.

Хотя Себастьяно был слаб, как ребенок, и не мог сидеть без посторонней помощи, он потребовал, чтобы я оставила его одного, пока он не сделает свои дела. Следовательно, мне пришлось ждать внизу, пока он не закончит. От всех этих хождений по лестнице и беготни туда-сюда я безнадежно вспотела и растрепалась. Зубы будто покрылись грязью, волосы сваялись и свисали прядями, а под мышками расплывались пятна пота, огромные и мокрые, как озеро Баггерзее.

Единственным проблеском надежды было то, что в конце следующей недели я смогу снова вернуться домой. Я предотвратила ужасное событие и заслужила возвращение.

Вздохнув, я позаимствовала у монны Фаустины еще и расческу, мыло и таз для мытья и в течение следующей четверти часа пыталась привести по крайней мере лицо и волосы в приличный вид.

Только после этого мне пришло в голову, что я забыла проверить расческу на вшей, и теперь мне оставалось только верить в лучшее. Мой страх был вполне обоснованным. К тому времени я уже знала, что люди этой эпохи сплошь и рядом постоянно страдали от вшей. Средства от паразитов у Матильды отлично продавались.

Затем я отнесла всю утварь обратно в спальню монны Фаустины. Она по-прежнему храпела себе под нос и явно не замечала моего присутствия. Это было мне только на руку, потому что в течение некоторого времени она не сможет действовать нам на нервы.

Я уже хотела снова подняться наверх, но тут во входную дверь постучали.

Мой пульс взлетел до ста восьмидесяти. Я осторожно выглянула в узкое окошко рядом с дверью, но через мутные круглые стеклышки увидела только очертания человеческой фигуры – кто это, было непонятно.

– Есть кто-то дома? – слышалось снаружи.

Я тут же узнала голос. Это была Мариетта.

Я подбежала к двери и отодвинула засов.

– Анна, бедное дитя! – сказала Мариетта вместо приветствия. Она снова накинула вуаль и смотрела на меня с высоты своего роста так заботливо, что я почувствовала себя детсадовским ребенком.

Как и при прошлых наших встречах, она была стильно одета, сдержанно накрашена, аккуратно причесана и производила впечатление необычайной свежести и элегантности. Мне показалось, что пятна пота на моей одежде стали еще заметнее.

Я попыталась заглянуть ей через плечо.

– А где Хосе?

– К сожалению, он еще не вернулся, – сказала она. – Никто никогда не знает, как долго продлится его путешествие на материк.

Ага, вот куда он, по общему мнению, ездит. Но что ему еще было говорить? «Я сейчас съезжу в будущее»?

То, что Мариетта ничего об этом не знала и, следовательно, не входила в число посвященных, я по непонятной причине сочла утешительным. Хотя все это никак не объясняло, как она оказалась старой доброй подругой Себастьяно. И *насколько* близкой была эта дружба.

– Хозяйки нет? – спросила она, входя в дом. Она несла громадную корзину с ручкой, которая смотрелась на ее руке грациозно, будто самая модная сумка от «Hermes».

– Она спит, – я указала на комнатку монны Фаустины, дверь которой осталась открытой.

– Правда? – Мариетта нахмурилась. – Она глуховата?

– Нет, напротив.

– Тогда ее сон, должно быть, очень глубок, – заключила Мариетта. – А где Себастьяно?

– Наверху, на чердаке.

Я пошла следом за Мариеттой, с чувством некоторого удовлетворения отметив, что она поднимается по крутой лестнице далеко не так легко, как я! У невысокого роста иногда тоже есть преимущества.

Наверху она поставила корзину на пол и поспешила к постели Себастьяно.

– Мой дорогой! Я слышала, что у тебя лихорадка! Как ужасно!

– Ах, не стоит об этом, – пробормотал он. – Прекрасно, что ты здесь. Что бы я без тебя делал!

– Право, не стоит. Для чего же иначе нужны друзья? Теперь дай мне посмотреть, могу ли я тебе помочь!

В этом она и правда разбиралась – по части оказания первой помощи

она однозначно была на уровень выше меня. Без усилий она размотала повязку и тщательно осмотрела рану, а затем достала из корзины горшочек с мазью, намазала рану зеленоватой массой и, наконец, искусно перевязала ее снова. При этом ей без проблем удавалось так поворачивать Себастьяно с боку на бок, чтобы идеально наложить бинты.

Затем она протянула мне льняные мешочки.

– В них средство от жара. Залей его кипяченой водой, это поможет от его болезни.

Еще одно очко в ее пользу, потому что с трудом добытое мной лекарство, к сожалению, досталось вовсе не нашему больному.

Я сделала все, что она мне велела, поскольку для меня было в высшей степени важно, чтобы Себастьяно выздоровел побыстрее. Также я вскипятила воду для целебного напитка, вынесла ночной горшок и, наконец, отнесла наверх кадку с холодной водой, чтобы Мариетта могла сделать Себастьяно компресс на голени.

– Это проверенное средство против жара, – пояснила она, показывая мне, как накладывать компресс.

Я внимательно смотрела, хотя у меня так и чесались руки спихнуть ее с постели, поскольку мне не нравилось, как она во время процедуры касается бедер Себастьяно.

К тому моменту я уже давно поняла, почему у меня возникают приступы упрямства, как только Мариетта появляется рядом с Себастьяно – я ревновала. Этого со мной никогда раньше не случалось.

И потому я могла сделать только один вывод: я была влюблена в Себастьяно.

«Ты с ума сошла, – сказал перепуганный голос в моей голове. – Нельзя влюбляться в человека, который туда-сюда прыгает между эпохами и постоянно ввязывается в драки на ножах».

Но я уже в него влюбилась. Причем безнадежно и по уши.

– С ума сойти, – пробормотала я.

– Что? – спросила Мариетта.

– Ничего.

Я устало опустилась на кровать рядом с ней. Себастьяно, снова погрузившись в сон, дышал тяжело и глубоко.

– Ты давно его знаешь? – спросила я.

– Четыре года. – Мариетта улыбнулась. – Тогда он был еще почти что мальчишкой. Но он – невероятно быстрый боец. Он спас мне жизнь, знаешь ли.

– Правда? – ошарашенно спросила я.

Она кивнула.

– Дом, в котором я живу, тогда принадлежал не мне, а моей тете. Я жила у нее после смерти родителей, и она обо мне заботилась.

Под словом «заботилась» Мариетта, вероятно, имела в виду, что она от своей тети научилась всему, что должна знать успешная куртизанка. Дальнейшие ее слова подтвердили мою догадку.

– У девушки в Венеции не так уж много возможностей жить независимо и при этом в достатке, – честно призналась она. – Путь, который я выбрала, часто считают проклятым, но он не худший. У тети мне жилось очень хорошо.

Я кивнула и снова ощутила укол совести, потому что представила, какой жалкой почувствовала бы я себя на ее месте, без родителей, без школьного образования, без шансов найти работу. И без родного государства, которое оказало бы мне поддержку в трудной жизненной ситуации.

– Однажды мы с тетей отправились куда-то в гондоле. Я получила новое милое платье, солнце ярко сияло – я была счастливее всех на свете. Мы шутили и радовались жизни. И тут в нашу лодку поднялся тот человек и ударил мою тетю кинжалом. Ревнивый... знакомый, как мы выяснили позднее. Он не мог вынести, что она зналась и с другими мужчинами. Я хотела прийти ей на помощь, и он напал и на меня тоже. Он уже приготовился нанести удар, но тут Себастьяно прыгнул с набережной и обезоружил его.

Она вздохнула.

– Меня он смог спасти, но пытаться помочь моей тете было уже поздно. Она умерла у меня на руках.

– Мне так жаль, – растерянно сказала я.

– С тех пор я в долгу перед Себастьяно и благодарна за каждую возможность ему помочь.

Я бы с огромной радостью выяснила, какие именно возможности ей предоставлялись, но не осмелилась задать вопрос. Так что я молча сидела на полу, пока Мариетта не встала, объяснив, что сейчас она должна уйти, потому что вскоре на ее вечерний праздник начнут прибывать первые гости.

В самом деле снаружи уже стемнело. Только сейчас я заметила, насколько я устала.

– И да, пока я не забыла, – вот чистое белье для тебя. – Она достала из корзины белоснежную долгополую рубашку и протянула ее мне. – Завтра я прикажу принести из монастыря твой ящик.

– Но никто не должен узнать, куда его унесут, – сказала я.

– Моя бедная малышка, я знаю, что здесь – ваше тайное укрытие, – снисходительно сказала Мариетта. – И в том, что Альвис – та еще кровожадная скотина, – я тоже уже убедилась. Я буду осторожна, не беспокойся.

– Когда ты вернешься снова? – Я ненавидела себя за то, как беспомощно это прозвучало, но еще сильнее я боялась, что я бог знает сколько просижу тут, наверху, не в силах ничего сделать, в страхе за жизнь Себастьяно.

– Завтра рано утром приду либо я, либо Хосе. Ночью следи за Себастьяно и делай ему ножные компрессы, если поднимется температура.

В дверях я еще раз поблагодарила ее за помощь, а затем заперла за ней дверь на засов и немного послушала, как сопит монна Фаустина. Услышав этот звук, я почувствовала, что по-настоящему устала. Взобравшись наверх по лестнице, я, как и прошлой ночью, соорудила себе самодельное ложе на полу. Вскоре я глубоко и крепко заснула.

* * *

Как я и надеялась, я проснулась с первыми ночными колоколами. Это был едва различимый перезвон, но я, перед тем как уснуть, вбила себе в голову, что непременно должна просыпаться даже от тихого шороха, чтобы следить за Себастьяно. Похоже, мой приказ, отданный самой себе, сработал, поскольку я вскочила уже при первых слабых звуках колоколов. И громко застонала, потому что лежание на твердом полу не прошло для меня даром. Все тело настолько занемело, что мне едва удалось встать. Я медленно размяла мышцы, покрутила головой и только теперь почувствовала, что хотя бы в какой-то степени способна двигаться. Наконец, я подошла к кровати Себастьяно и склонилась над ним. На этот раз мне не нужно было проверять его пульс, чтобы выяснить, жив ли он. Он дышал так громко, что сомнений не оставалось. Но вопрос теперь был в том, долго ли он еще продержится, потому что каждый раз, когда он втягивал в себя воздух, в его груди что-то хрипело, будто в ней кашлял инопланетянин, находившийся на последнем издыхании. Я осторожно положила руку на лоб Себастьяно – и в ужасе охнула. У него и до этого был жар, но теперь мне показалось, будто я дотронулась до включенного на максимум обогревателя. По меньшей мере. Он буквально горел.

Я принялась лихорадочно возиться с огнивом и кремнем, пока наконец

не зажгла свечку, а затем поспешила вниз за холодной водой, чтобы сделать для Себастьяно свежие компрессы. Монны Фаустины было не видно и не слышно; если она и вставала, я это проспала. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что в этом заключалось что-то комичное, но я проигнорировала ее, потому что у меня было предостаточно других проблем. По-настоящему серьезных.

Когда я откинула в сторону одеяло, чтобы обернуть ноги Себастьяно новыми компрессами, он проснулся и начал кашлять. Он не вполне пришел в себя, лишь выдавил несколько бессвязных слов. Когда я оборачивала смоченные в воде полоски ткани вокруг его икр, он начал биться и кричать на меня, будто я хотела ему навредить.

– Отпусти меня или я тебя прикончу! – прорычал он, и тут же его одолел очередной приступ кашля.

С растерянностью и испугом я смотрела на него. Его лицо в свете свечи выглядело темно-красным, его глаза дико вращались, так что я могла разглядеть только белки.

– Должен идти, – простонал он. – Должен... должен задержать его!

Он погрузился в свой горячечный бред и принялся бормотать себе под нос бессмысленные проклятья, перемежая их припадками кашля. Я дрожащими руками оборачивала компрессы вокруг его ног и в конце концов уселась рядом. У меня заболели глаза, потому что я напряженно наблюдала за ним, сосредоточенная на том, чтобы не пропустить ни малейшего изменения в его состоянии. Когда он становился немного спокойнее, я давала ему травяной настой, который принесла Мариетта, и протирала ему лицо и шею, потому что он постоянно потел.

Я брала его за руку и говорила что-то утешительное, если в его голосе звучал испуг, и убеждала его не волноваться, если случались приступы гнева. Он постоянно кашлял, пока не начинал задыхаться, и я была готова в панике вскочить, чтобы громко позвать на помощь.

Тем временем прозвучали вторые ночные колокола, так же тихо, как и первые, но мне они показались чуть ли не погребальным звоном.

Я невольно сложила руки, закрыла глаза и начала молиться.

– Боже, пусть он поправится. Не для того, чтобы он вернул меня домой, вовсе нет. Просто потому, что он так молод. И потому, что он должен спасти Венецию. И потому, что будет подло, если Альвис победит. И потому... потому что я в него влюбилась.

– Это правда?

Я открыла глаза. Себастьяно перестал метаться в постели и бормотать себе под нос. Он ясным взглядом смотрел прямо на меня.

– Ах, – пролепетала я. – Ну да. То, что я тут только что сказала... Я просто перенервничала...

– Правда?

– Не знаю, – я с трудом сглотнула, затем сделала глубокий вдох. – Нет. Дело не в том, что я перенервничала. Точнее, именно в этом. Я хочу сказать, что я прямо изнервничалась вся...

Он слабо улыбнулся правым уголком рта.

– Хорошо, – сказал он.

– Что хорошо? – спросила я, недоверчиво изучая его лицо. Наверняка мое признание в любви показалось ему смешным.

– Что мы об этом поговорили.

– Ты...

Он схватил меня за руку и сжал ее.

– Я шучу. Хорошо, что ты это сказала. Теперь мне больше не нужно ломать голову над тем, ответишь ли ты на мои чувства.

– О, – бесцветно сказала я, не зная, что и думать. Я была вне себя от счастья – и одновременно охвачена страхом за него, так, что у меня перехватило дыхание.

– Подходящий момент, чтобы поцеловаться, – хрипло сказал он. – Но я боюсь, что при моем кашле вряд ли из этого выйдет что-то путное.

Словно в доказательство с ним случился еще один приступ.

Я не знала, что говорить. Возможно, у него воспаление легких – а от этого он может умереть! Меня мутило от страха.

Вскоре после этого Себастьяно снова заснул, хотя это был беспокойный сон. Компрессы немного уменьшили жар, он больше не бредил и не метался в постели. Но ему не хватало воздуха, и он постоянно кашлял.

В эту ночь я не осмелилась лечь спать снова. Сна не было ни в одном глазу, я сидела на полу рядом с кроватью и ждала, пока не наступит серый рассвет. Снаружи уже стало светло, когда снизу донесся шум. Сначала я подумала, что уже вернулась Мариетта, но затем раздался голос монны Фаустины, который было ни с чем не спутать. Она расточала проклятья. Они звучали совершенно беспомощно, так что я заставила свое измученное тело принять вертикальное положение и принялась карабкаться вниз по лестнице. Болтая ногами, монна Фаустина сидела на краю кровати и ругалась себе под нос. Волосы у нее стояли дыбом, как спутанная серая шерсть, торча во все стороны, а ночная рубашка была покрыта пятнами. В комнате воняло, будто ее вырвало.

– Мне плохо, – пояснила она, хотя это и так было ясно. – Должно быть,

это был яд.

Я ужаснулась.

– О чем вы говорите?

– О травяном напитке, который вы принесли.

– Он же был для моего супруга!

Она уставилась на меня.

– Значит, вы хотели его отравить!

– Какая чушь! Это было лекарство! Я же вам сказала!

– Поэтому я его и взяла. Только стаканчик выпила.

Она показала мне сколько, расставив большой и указательный пальцы.

– Но вы же не были больны!

– Как раз таки была. Я постоянно пускаю ветры, и у меня понос.

Поэтому я решила, что лекарство может мне помочь.

Мне снова вспомнилось, как вчера она с громкими сопутствующими звуками заперлась в туалете. Видимо, насчет газов и поноса она сказала правду. Только вот принятую дозу она сильно приуменьшила: от питья вообще ничего не осталось.

– Я только немного отпила, и тут меня бросило в пот, и я ощутила ужасную слабость. Руки и ноги больше не слушались меня, и я нечаянно пролила остаток отвара.

Она требовательно посмотрела на меня.

– Радуйтесь, потому что если бы ваш супруг это выпил, он был бы уже мертв.

Ледяной холод пробежал по моей спине, потому что я представила, что она говорит правду. Кларисса... Нет, это невозможно! Она никогда бы на такое не пошла!

«Джанкарло уже у нее на совести», – строго сказал мой внутренний голос.

Но я не хотела его слушать. Это было просто слишком ужасно – представить, что она осмелится на убийство. Она не такая!

«И все-таки?» – безжалостно спросил голос. Я внезапно вспомнила, что она мне сказала.

«Пусть он выпьет все за один раз. Если добавить сахар или мед, получится очень приятно на вкус».

Он?! Откуда она могла знать, что речь идет о «нем». Я сказала Якопо, что моя соседка по комнате заболела, и Кларисса тогда была рядом. Конечно, я собиралась рассказать ей это все в сарае, где Якопо не смог бы нас слышать, но до этого так и не дошло именно из-за того, что она вела себя враждебно.

«Она вела себя враждебно, потому что уже тогда планировала убить Себастьяно!» – сказал голос.

– Но откуда Кларисса узнала, что болен именно он? – возразила я самой себе.

«Ей сказал Альвис».

– Вы так и собираетесь вечно стоять тут и считать ворон, вместо того, чтобы помочь смертельно больной старой женщине? – прорычала монна Фаустина, вернувшись к своим обычным манерам, несмотря на телесную слабость.

Я помогла ей, потому что чувствовала себя виноватой, хотя никак не могла помешать ей выпить отвар. В то же время я была благодарна ей за то, что она его выпила, потому что в результате она спасла Себастьяно. Небольшого стаканчика ей хватило, чтобы она отключилась на половину суток. Еще пара глотков – и она могла бы никогда не проснуться.

Я не осмеливалась и подумать о том, что случилось бы, если бы отвар выпил Себастьяно. Меня снова пробрал ледяной холод.

Я помогла монне Фаустине дойти до туалета, отнесла ей таз с водой для мытья и вытерла с пола ее рвоту. Затем я принесла из ее сундука с одеждой чистую рубашку и помогла ей причесать безнадежно растрепанные волосы. После этого я наконец смогла снова пойти наверх, чтобы посмотреть, как там Себастьяно.

Он проснулся, но не вполне пришел в себя. Температура у него возросла с космической скоростью, и ему срочно нужны были новые компрессы. Но и они, как я заметила, больше ему не помогали, потому что хрипы в его легких стали хуже. Казалось, будто ему приходится дышать сквозь воду. Затем с ним случился приступ кашля, который сотрясал его так сильно, что он потерял сознание. Только его затрудненное дыхание давало понять, что он еще жив.

Я в растерянности посмотрела на него. Он при смерти, это ясно и без врача. Я не могла ничего изменить, поэтому начала плакать, пусть я и должна была быть сильной. Больше не было никого, ради кого мне стоило оставаться сильной.

Как раз когда я начала всхлипами выражать свою тоску и страх, кто-то заколотил в дверь. Я во весь опор слетела вниз по лестнице и так резко дернула за дверную ручку, что сорвала ноготь. Затем я еще раз громко всхлипнула – но на этот раз от облегчения.

За дверью стояли Барт и Хосе.

– Мы пришли так скоро, как смогли, – запыхавшись, сказал Барт.
– Где он? – спросил Хосе, протискиваясь в дом мимо меня.
– Наверху. – К моему беспокойству примешивалась ярость. – А насчет «скорости» вам бы лучше помолчать. Вы же знаете, что он ранен! Почему вы не могли прийти раньше?

– Иногда обстоятельства встают на пути, – сказал Хосе в той же лаконично-таинственной манере, которой Себастьяно уже не раз выводил меня из себя. Но теперь я не позволю ему так просто от меня отделаться. Я открыла рот, чтобы отчитать старика – разве не могли те дела, которые были у него в будущем или в еще каком-нибудь времени, подождать хотя бы день – но не смогла издать ни звука.

Причиной этого был барьер, потому что монна Фаустина тут же высунулась из своей спальни.

– Кто это пришел?

– Никто, – заверила я.

– Но я слышала два незнакомых мужских голоса!

– Это отец моего супруга и его брат, – соврала я.

Хосе мимолетно улыбнулся и прищурил свой здоровый глаз, прежде чем ловко, как обезьяна, взобраться по ступенькам. За ним последовал Барт, который выглядел сверх меры обеспокоенным.

– Зачем сюда явились эти мужчины? – брюзгливо крикнула монна Фаустина.

– Забрать моего бедного супруга и отнести в госпиталь, – ответила я, уже поднимаясь наверх.

Под крышей для нас всех едва хватало места. Призрачный серый свет наполнял маленькую тесную каморку, в которой удушающе пахло потом и болезнью.

– Нужно спешить, – сказал Хосе, быстро осмотрев Себастьяно.

Я бы предпочла и дальше осыпать его упреками. За то, что он пришел так поздно. За то, что он так таинственно появлялся и исчезал, когда считал нужным. И не в последнюю очередь за то, что он внушил мне такой страх, когда я была маленькой девочкой. Теперь я вспомнила, что больше никогда не хотела играть со своим набором фигурок пиратов. Я попросила, чтобы их разобрали, а когда моя мама отказалась заниматься такими глупостями, я без колебаний спустила фигурки в туалет. Странно, что я об этом забыла!

С колотящимся сердцем я наблюдала, как Барт наклонился над

Себастьяно, осторожно поднял его и перекинул через плечо, словно мешок с мукой. Он действовал очень бережно и осмотрительно, и я поняла, что вряд ли нашелся бы лучший способ спустить человека в бессознательном состоянии по лестнице. Но увидев, как голова и руки Себастьяно бессильно болтаются за спиной у Барта, я тут же снова разразилась слезами.

– Мне нужно в уборную, – пробрюзжала монна Фаустина.

Я зашла в спальню и вложила ей в руку ночной горшок, а затем проследовала наружу за мужчинами.

– Теперь мы позаботимся о нем, – сказал мне Хосе. Он ждал на каменной набережной, пока Барт осторожно укладывал потерявшего сознание Себастьяно в гондолу.

– В этом я хотела бы убедиться собственными глазами.

– Тебе не следует ехать с нами. Это может быть опасно.

– Мне совершенно все равно. – Я села в гондолу следом за Бартом. Им придется применить силу, чтобы заставить меня выйти из лодки.

Хосе нахмурился, но, к счастью, не стал мне возражать.

Однако тут вмешался Барт:

– Было бы лучше, если бы ты осталась тут. Нас может раскрыть тот, кто последует за нами.

– Я не боюсь.

Это было правдой лишь отчасти, потому что на самом деле я отчаянно боялась. Но не того, кто следит за нами, – даже если это звучало пугающе и таинственно – а того, что Хосе не удастся вовремя доставить Себастьяно к врачу.

Хосе взял весло, опустил его в воду и привел лодку в движение. Как обычно, он направлял гондолу быстро и уверенно, так что мы вскоре достигли цели. Это была пристань рядом с Кампо Санто-Стефано.

Барт взвалил Себастьяно на плечи и выбрался на сушу. Я последовала за ним. Хосе задержался, чтобы пришвартовать лодку, а затем поспешно прошагал мимо нас, чтобы возглавить нашу маленькую процессию.

На пути нам еще не встретилось ни души, но утренние сумерки уже заметно посветлели. Скоро взойдет солнце, но даже его лучам будет тяжело пробиться сквозь мутный воздух. Полосы тумана громоздились между домами и каналом, а церковь Санто-Стефано возвышалась над расплывчатой серостью, как массивная тень, которая, если подойти поближе, превращается в прочнейший камень. Та самая церковь, крыша которой похожа на перевернутый корпус корабля.

Башня, которую я заметила только сейчас, была покосившейся уже в этом столетии, хотя и не так сильно, как в мое время. Я вспомнила, как мы

с Маттиасом Тассельхоффом сидели на этом месте и ели бутерброды-трамедины. Именно здесь я впервые увидела Себастьяно. С тех пор прошло лишь несколько недель, но мне казалось, что на самом деле это случилось несколько лет назад, причем, строго говоря, этого на самом деле еще не произошло.

Хосе толкнул дверь церкви, которая со скрипом подалась – звук, который резко вернул меня в реальность. Хосе придержал дверь, пропуская Барта вперед. Тот, не медля, потащил Себастьяно в направлении алтаря, но затем остановился у колонны и аккуратно положил его на пол.

Я стояла, потирая шею. Она снова начала чесаться.

– Что-то сейчас случится, – встревоженно сказала я Хосе.

Он резко взглянул на меня, заметил, что я чешу шею, и настороженно осмотрелся. Затем мы оба одновременно повернулись к алтарю, откуда доносился шум. Дверь в сакристию отворилась.

– Кто здесь? – произнес грубый мужской голос.

Барт настороженно выпрямился. Хосе поспешил к Себастьяно и склонился над ним. В ужасе я заметила тонкую линию белого света, которая образовалась примерно на середине колонны и опускалась вниз, где разделялась на множество ответвлений.

– Вы должны отвлечь его, – тихо сказал Хосе. Линия света окружила его и Себастьяно, словно кто-то очертил их лазерной указкой. – Окно нестабильно. Если он выйдет сюда и увидит его, портал исчезнет, и все будет впустую.

Мы с Бартом тут же начали действовать. Будто сговорившись, мы в одно мгновение пустились бежать к сакристии. Барт достиг цели быстрее, чем я, – ноги у него были длиннее, и бегал он лучше. Нам навстречу вышел монах. Его удивленно раскрытый рот выделялся на светлом лице как темный овал. Барт бросился на монаха и впихнул его обратно в сакристию через открытую дверь. Монах протестующе вскрикнул.

В следующее мгновение я увидела за спиной белое сияние и, не оборачиваясь, сделала шаг вперед и закрыла дверь в сакристию.

Внутри раздался грохот, а затем я услышала, как монах громко ругается.

Я задержала дыхание и прижалась к колонне, но яркий свет погас. Я стремительно бросилась туда, куда Барт уложил Себастьяно. С замирающим сердцем я обошла колонну, боясь, что портал закрылся преждевременно и он по-прежнему лежит на полу. Свет исчез очень быстро, и я вовсе не слышала грохота – кроме звука захлопнувшейся двери.

Но на полу никого не было. И Себастьян, и Хосе исчезли. Им удалось.

Хоть раз все получилось как надо!

Ужасный зуд в шее превратился в легкое жжение. Оно доставляло некоторый дискомфорт, но выносить его было несложно.

У меня вырвался вздох облегчения, я снова повернулась к сакристии, осторожно открыла дверь – и в ужасе отшатнулась. В рукопашной схватке с монахом Барт продержался недолго. Он растянулся на животе, из раны у него на лбу струилась кровь. Над ним наклонился его противник, крепкий мужчина в темной рясе. В кулаке он сжимал оружие, которым сбил Барта с ног, – массивный подсвечник. Свечи выпали и раскатились по полу, так что, подходя ближе, я чуть не поскользнулась на одной из них.

Барт застонал и пошевелился. Заметив это, монах, к моему ужасу, нанес ему еще один удар.

Наконец он обернулся ко мне, воинственно сжимая подсвечник. Он сделал шаг вперед, и я отшатнулась.

– Я могу все объяснить, – пролепетала я.

Но он, похоже, не был настроен меня слушать.

– Подлые грабители явились за пожертвованиями! – злобно проворчал он и занес подсвечник для удара.

Я отступила еще на шаг, развернулась и побежала.

* * *

Я спряталась так, чтобы видеть арку ворот, готовая одним прыжком добраться до них и бежать дальше, но монах не пытался преследовать меня. Дрожа, я прижалась к стене и наблюдала за воротами собора. Через некоторое время из них вышел мужчина в рясе. Я снова приготовилась бежать, но это был другой монах. Он поспешно пересек площадь, но не пошел в мою сторону, а исчез на одной из улочек напротив.

Довольно долго не происходило ничего. От волнения я начала грызть ногти. В поле зрения появлялось все больше людей, которые шли через площадь. Рабочие, рыночные торговки, рыбаки – у многих жителей Венеции день начинался рано. Страх, что меня обнаружат, рос, но страх за судьбу Барта заставлял меня терпеливо выжидать, пока я не узнаю, что с ним случилось. Затем вернулся монах, который до этого выходил из церкви. Следом за ним шли три вооруженных человека. Все они вошли внутрь и через некоторое время появились снова. Двое из них тащили за собой Барта. Он спотыкался, склонив голову, а руки были связаны у него за спиной.

Я глубоко вздохнула. Слава богу, он еще жив! Теперь я должна узнать, куда его поведут.

Мой план по возможности незаметно последовать за ними продержался недолго. Монах, который ударил Барта, неожиданно появился в воротах церкви и с довольным видом принялся смотреть вслед уходящим стражникам и их пленнику. Я тут же снова спряталась под аркой ворот и решила больше не испытывать судьбу. Проследив за стражниками, я лишь узнаю то, что и так очевидно, – Барта отведут в тюрьму, а где она находится, я и так знаю. Темница находилась в подвале Дворца дожей.

Недолго думая, я прокралась на одну из улочек и направилась к магазинчику масок.

* * *

Мои надежды встретить там старуху Эсперанцу потерпели полный крах. Магазин будто закрылся – даже вывеску сняли. Меня охватила тревога, которая постепенно переросла в гнев. Эти старики вообще чувствуют хоть какую-то ответственность за свою команду? Какую благодарность получил Барт за то, что каждый раз без сомнений бросался вперед, когда Эсперанца отдавала ему приказы? Как только запахло жареным, она просто исчезла!

Хосе немногим лучше. Он постоянно путешествовал во времени туда-сюда, но когда он по-настоящему был нужен, его не оказывалось рядом. Себастьяно чуть не умер, многие планы сорвались!

Из тени арки выступил человек и направился ко мне.

– Слава богу! – воскликнула Кларисса, подходя ближе. Она направлялась ко мне с распростертыми объятьями. – Я ждала тебя тут с восхода солнца, я так надеялась, что ты, может быть, придешь. Мне нужно срочно с тобой поговорить!

Я настороженно замерла. Невольно я отступила на шаг назад, но она подошла еще ближе и, наконец, остановилась передо мной.

– Чего ты хочешь? – потребовала ответа я. – Может, извиниться за то, что собиралась отравить Себастьяно? – Она попыталась что-то сказать, но я подняла руку. – Не ври мне! Лекарство было отравлено! И ты точно знала, что оно предназначалось Себастьяно! Ты выдала себя! Ты сказала: «Пусть он выпьет все за один раз». Но я ни слова не говорила тебе о том, что средство нужно ему! Откуда ты это знала?

– Мне сказал Альвис.

Я уставилась на нее, совершенно обезоруженная этим неожиданным признанием. Она ответила на мой взгляд, подняв покрасневшие глаза. По ней было видно, что она плакала.

– Он пришел ко мне и сказал, что отправился в будущее и там ранил Себастьяно кинжалом. Он сказал, вполне вероятно, что ты зайдешь ко мне за лекарством. И он приказал мне приготовить яд.

Я открыла рот от удивления, услышав весь этот ужас. Быть втянутой в сговор с целью убийства – это одно. Добровольно соучаствовать – совсем другое.

– Конечно, я этого не сделала, – добавила Кларисса.

– Ты лжешь, – обвиняюще возразила я. – Он был бы уже мертв, если бы хозяйка дома по ошибке не приняла лекарство! Она выпила только стакан и проспала по меньшей мере половину суток!

– Она маленькая и худая?

– Какая разница?

– Если бы она была высокая и крепко сложенная, как Себастьяно, она бы могла спокойно выпить все, но проспала бы не больше. Все было точно рассчитано. Доза, которая погрузит высокого крепкого мужчину в глубокий сон на день и ночь.

Услышав это, я онемела. Верно, монна Фаустина была маленькой и худой, даже я смогла бы поднять ее одной рукой. Слова Клариссы были очень похожи на правду. Но до этого она так часто врала мне, что я предпочитала быть начеку.

– Если бы Себастьяно выпил лекарство сам, оно бы ему помогло! – убежденно продолжала Кларисса. – Это средство не только для сна, но и против жара.

– Болтать ты можешь что угодно, – сказала я.

– Но это правда! Я никогда бы не последовала подлым указаниям Альвиса, даже если бы он пообещал мне достать луну с неба.

– Что же он тебе пообещал? – спросила я, невольно ощутив любопытство.

– Что он вернет меня в мое время.

– И ты поверила этой чуши?

– Откуда мне знать, способен он на это на самом деле или нет? – она пожала плечами. – Если я ему не поверю, это тоже не поможет мне вернуться домой. Но о том, чтобы участвовать в его планах убить тебя, конечно, даже речи не шло. В конце концов, у меня есть кое-какая совесть. Ты же наверняка помнишь, что я сначала противилась даже самой идее о том, чтобы дать тебе лекарство.

– А почему ты все-таки это сделала?

– Потому что на этом так настаивал Якопо. И потому что я, поразмыслив, решила, что могу потом рассказать Альвису, будто на самом деле дала тебе яд, но он не подействовал, как надо, потому что Себастьяно выпил не все. Конечно, я не смогла бы утверждать подобное, если бы вообще ничего тебе не дала. Мне также пришло в голову добавить снотворное к травам от жара, чтобы Альвису показалось, будто я его послушалась. – Она торжествующе посмотрела на меня. – Теперь ты видишь, что я хотела для Себастьяно только хорошего?

Но так быстро меня было не переубедить.

– Ты, конечно, хотела сказать, только хорошего *для себя*?

Кларисса покраснела.

– Хотеть домой – это что, преступление?

На этот дурацкий вопрос мне нечего было ответить.

– А как Альвис вообще тебя нашел? – вместо этого спросила я.

Она снова пожала плечами.

– Думаю, он выяснил у Доротеи, кто я, чем занимаюсь и где живу. Вчера днем он появился у двери.

Что-то в этих словах не давало мне покоя, но я не могла сообразить, что именно. К тому же, Кларисса выглядела действительно опечаленной.

– Я знаю, мне следовало бы тут же прогнать его прочь, – сказала она, опустив голову. – Но он угрожал, что добьется своего другими методами. В нем есть что-то устрашающее.

И это уж точно было правдой.

– Как сейчас себя чувствует Себастьяно? – нерешительно спросила она.

Я недоверчиво выискивала в ее лице признаки того, что эта покорность в голосе – лишь подделка.

– Понятия не имею, – сказала правду я. – Он... в отъезде.

– О!..

– На случай, если тебя также интересует, как дела у Барта, – его избили и арестовали.

– О боже! – она побледнела от ужаса, и это явно было искренне. – Что случилось?

Я рассказала ей о произошедшем и закончила словами:

– Думаю, его заточили во Дворце дождей. Насколько я знаю, темница там. И сейчас, разумеется, главный вопрос – как мы его оттуда вызволим.

Кларисса прикусила нижнюю губу.

– Если ты думаешь о том, чтобы освободить его под покровом ночи, то

я должна тебе сказать, что эта отчаянная затея безнадежна. Нужно подключить важных людей, и чем больше у них власти, тем лучше. И это должно случиться быстро, потому что сейчас ему угрожает серьезное наказание.

Я подумала о казни, которую видела на piazzette между колоннами, и внезапно ощутила привкус горькой желчи. Вряд ли Барту сразу отрубят голову, а вот руку вполне могут. Так здесь наказывают воров.

– Хосе отбыл вместе с Себастьяно, – сказала я. – И старухи Эсперанцы нет.

– Я не о таких важных людях, а о мужчинах из властных кругов. Совет Десяти или прокураторы.

Ну отлично. У меня же среди них так много знакомых.

– Я могла бы попросить о помощи лишь Тревизана, – сказала я. – Но что мне ему рассказать?

– Разумеется, убедительную ложь, – ответила Кларисса.

Логично. В этом она явно разбиралась лучше меня, так что она тут же объяснила мне, что следует наплести Тревизану.

– Например, ты можешь рассказать, что вы оба, ты и Бартоломео, пришли туда просто для молитвы, и тут внезапно из сакристии вышел этот человек...

– Ты хочешь сказать, этот монах.

– Ну, в темноте его было не разглядеть. С вашей точки зрения, он был похож на опасного мужчину в темной одежде, и вы подумали, что он хочет украсть что-то из сакристии. Поэтому вы захотели запереть его там, чтобы затем позвать на помощь. – Она загибала пальцы, подсчитывая доказательства. – Почему Бартоломео нужно было сразу втолкнуть его в сакристию? Как раз для того, чтобы запереть его там. А почему тебе пришлось захлопнуть за ним дверь, если не по той же причине? И потом, разве при Бартоломео или в сакристии было найдено что-то украденное?

Я не переставала удивляться ее аргументации. Если где-то есть клуб изобретательных лжецов, Кларисса заслуживает в нем место председателя.

– Пока ты отправишься к Тревизану, я попрошу о помощи Якопо. Он знает многих людей из числа чиновников, и некоторые из них обязаны ему еще со времен войны.

– Я высоко ценю твою помощь, – благодарно сказала я. Теперь мне стало совершенно все равно, как часто она мне вралась. Главное, она поможет вытащить Барта из кутузки. Чего это стоит для нее – сейчас не вопрос. Ее выражение лица выдавало степень ее беспокойства. Барт явно был ее слабостью.

– Ты определенно должна переодеться, прежде чем идти к Тревизану. – Она наморщила нос. – А перед этим тебе, пожалуй, неплохо бы немного помыться.

– Думаешь, я не знаю, насколько сильно мне это нужно? – обиженно сказала я.

– Одолжить тебе чистое белье?

Я раздраженно покачала головой.

– У меня свое есть. – Надеюсь, оно не окажется на полметра длинней, чем нужно. Тут мне пришло в голову, что из всей одежды, которую оставила мне Мариетта, ни одна вещь не оказалась слишком длинной. Она велела укоротить все по моей мерке – я осознала это только сейчас. Моя ревность отчасти превратилась в благодарность. На поддержку этой женщины можно было рассчитывать! Если мне повезет, мой сундук уже принесли из монастыря, и он ждет меня у монны Фаустины. Тогда я смогу тут же переодеться и, не теряя времени, приложу все усилия, чтобы освободить Барта.

Мысленно я уже излагала Тревизану свои аргументы – или, точнее говоря, аргументы Клариссы – так что забыла прояснить один очень важный вопрос.

– Почему ты вчера так сильно сердилась на меня? – спросила я. – И не ври мне! Я тебя насквозь вижу!

Это была неправда, но я была вынуждена солгать, чтобы подтолкнуть ее к разговору, в котором она могла бы случайно проговориться.

– Ты очень злишься на меня? – Она посмотрела на меня широко открытыми глазами. – Я была ужасно подавлена. И так завидовала!

– Чему же?

– Альвис рассказал мне, что ты исполнила свою задачу и в следующую ночь поворота луны сможешь отправиться обратно домой.

У меня отвисла челюсть.

Она пожала плечами.

– Вот что он мне сказал: *«Храбрая маленькая Анна выполнила свою задачу и теперь в следующую ночь поворота луны сможет отправиться домой»*. В точности так и сказал.

Просто запредельно! Непостижимо, что он знал о моем задании! И совершенно цинично использовал это знание в своих целях, чтобы унижить Клариссу и причинить ей боль! Просто невыносимо, насколько этот Альвис бессовестный и коварный!

– А он не рассказал тебе, в чем состояло мое задание и как вообще он о нем узнал?

Кларисса покачала головой.

– Я спросила его, но он торопился и не мог больше говорить. Он сказал, что ему еще нужно подготовить важную речь для какого-то важного совещания. Вчера он хотел выступить перед Советом Десяти во Дворце дождей.

О да, он хотел выступить, и он это сделал! И, чтобы никто не вмешался, решил подсунуть Себастьяно яд, который упрячет его под землю. Для пущей надежности Альвис еще и сообщил всем ложное время встречи. Он все продумал и все знал.

Какой хладнокровный преступник! Я едва не вскрикнула от ярости, но ограничилась скрежетом зубов.

Кларисса робко улыбнулась мне.

– Мы снова подруги?

Она не стала дожидаться моего ответа и вместо этого продолжила деловым тоном:

– Нельзя терять времени. Я прямо сейчас отправлюсь поговорить с Якопо, а ты быстро помойся и переоденься, чтобы затем проводить Тревизана!

Она повернулась, чтобы уйти, и напоследок заговорщицки кивнула мне через плечо:

– Сообщи мне потом, как все прошло!

И вот она уже исчезла за углом. Я смотрела в пустоту и спрашивала себя, удалось ли ей перетянуть меня на свою сторону несмотря на то, что она врала как дышала. Если бы она была Пиноккио, ее нос протянулся бы от Венеции до Парижа и обратно.

А ведь еще была эта история с Джанкарло.

Одному небу известно, почему я не спросила ее об этом. Я задумалась: смогла бы я забыть что-то настолько ужасное? – но непонятная робость помешала мне заговорить с ней об этом. Когда речь заходила о его смерти, она казалась такой отчаявшейся и измученной. Каждая попытка больше об этом узнать будет лишь тревожить ее болезненные раны, а я этого не хотела.

Уставшая после бессонной ночи и беготни по городу, я направилась к дому монны Фаустины.

* * *

Там меня ожидали хорошая и плохая новость. Хорошая заключалась в

том, что мой сундук с одеждой уже прибыл. Плохая – в том, что монна Фаустина решила задним числом поднять арендную плату, потому что, по ее заявлению, от меня и моего супруга она претерпевала «раздоры, недомогание и прочие страдания».

Ну, страдать от этого монне Фаустине осталось недолго.

– К сожалению, все наши деньги – у моего супруга. Но я могу вас заверить, что все ваши требования будут исполнены, как только он поправится. Обещаю, вам придется подождать не больше недели.

– Вы уверены, что у вас недостаточно наличных? – спросила монна Фаустина.

– Совершенно уверена.

Скривившись в высшей степени раздраженно, она посмотрела на меня, но ничего не сказала.

С утра она успела хорошо отдохнуть. Она снова крепко держалась на ногах и сновала по кухне, готовя завтрак. Я окинула голодным взглядом деревянную доску, на которой лежали сыр и хлеб. Последний раз я ела так давно, что с трудом могла об этом вспомнить.

Я могла бы себе что-то купить, в городе повсюду есть пекарни. Но, к сожалению, Себастьяно, отправившись в будущее, забрал с собой все наличные. Так глупо, что я не сообразила забрать его поясной кошелек.

Далеко не сразу я вспомнила, что у меня есть собственный запас на черный день. Я взглянула на сундук, который поставили под лестницей. Монна Фаустина сказала, что двое монастырских слуг принесли его сюда вскоре после моего ухода. Я не сомневалась, что хозяйка дома уже поинтересовалась его содержимым, в особенности на предмет денег. Теперь мне тоже стало ясно, что сподвигло ее повысить арендную плату.

Я поспешно передвинула ящик, проверила, на месте ли мои пожитки, и пересчитала монетки. Их хватило бы, чтобы сводить концы с концами до следующего поворота луны, а может, и на пару дней дольше, даже с учетом повышения платы за комнату. Хотя я не планировала скармливать ненасытной монне Фаустине больше, чем необходимо, потому что она требовала отдельную плату за каждую дополнительную услугу.

Прямо сейчас мне тоже придется расстаться с частью своей наличности, потому что мне нужна была вода для мытья. Так что я призналась монне Фаустине, что нашла еще пару сольдо. Но поскольку вполне вероятно, что пребывание моего супруга в госпитале потребует дополнительных затрат, мне придется быть очень экономной.

Я торговалась с ней до последнего. Через некоторое время мы договорились о цене, в результате я чувствовала себя изрядно побитой, но,

по крайней мере, мне перепал еще и кусок хлеба с сыром.

Ворча себе под нос, она выдала мне кувшин с чистой водой и даже разрешила воспользоваться ее зеркальцем. Полотенца, мыло и расческу я взяла из сундука Себастьяно, который одиноко стоял на чердаке и напоминал мне о том, что сейчас нас разделяют сотни лет. Я закрыла глаза и представила, как Себастьяно лежит в отделении экстренной помощи. Меня охватила тревога, потому что представить все это в красках оказалось очень легко.

– Мы его теряем! – крикнул кто-то.

Врач надела ему кислородную маску, другая поставила дефибриллятор на двести.

– Всем отойти! – крикнула она и пропустила электричество сквозь тело Себастьяно. Он резко дернулся, и на мониторе появилась зубчатая линия.

– Есть пульс! – сказала врач.

– Отличная работа, Иззи, – откликнулась другая. В этот момент мне пришло в голову, что они обе похожи на Иззи и Мередит из «Анатомии страсти».

– Ну отлично, – с иронией подумала я. Не проблема, если я пропущу пару серий – я просто сама что-нибудь придумаю.

Но, как бы там ни было – о Себастьяно сейчас заботились квалифицированные медики двадцать первого века. Они наверняка ставили ему капельницы, накачивали его антибиотиками, и через неделю он станет как новенький. Ничего другого я и представлять не хотела. Он просто обязан выздороветь!

Я в спешке помылась – утомительная и притом отчасти бесполезная процедура, поскольку чтобы по-настоящему привести себя в порядок, мне понадобилось бы больше воды. Того небольшого количества, которое у меня было, хватило лишь, чтобы смочить те места, которым особенно требовалось мытье, – пришлось довольствоваться этим. Многие я бы отдала за свой дезодорант!

Волосам, которые тоже нужно было основательно помыть, придется подождать до лучших времен. Я причесалась так хорошо, как могла, и заплела тугую косу, которую завязала шелковой лентой, доставшейся мне от Доротей.

Затем я надела чистые носки и новое белье. Из двух платьев я выбрала более неприметное и тщательно зашнуровала его на груди. Довершив свой образ вуалью и накинутым на плечи платком, я наконец направилась к выходу. Прежде чем выйти за дверь, я тщательно закрепила мешочек с

деньгами на поясе, чтобы не искушать нашу деловитую хозяйку.

В дверях я еще раз глубоко вдохнула и собралась с духом, а затем отправилась в путь.

* * *

При свете дня палаццо Тревизана выглядело еще более потрясающе и роскошно, чем в вечер бала. Фасад был расписан разноцветными фресками, в основном с библейскими сценами, которые нравились людям в эту эпоху. Мраморные львиные головы служили украшением парапетов. Отделанная бархатом гондола качалась на волнах у набережной. Все было по высшему разряду.

Слуга, который открыл дверь на мой стук, осмотрел меня с некоторой снисходительностью. Возможно, мне все-таки следовало надеть более изысканное шелковое платье, вместо скромного одеяния из простой ткани. Но думать об этом было уже слишком поздно.

Я откинула вуаль и сообщила, что мне нужно переговорить с мессиром Тревизаном по срочному делу. Когда слуга спросил, как меня зовут, я ненадолго задумалась. Я ведь так и не была представлена Тревизану! Он знал меня только как маленькую кошечку!

Но, конечно, вряд ли я смогла бы объяснить это слуге. Его бы скорчило от смеха, да и я, в конце концов, не похожа на женщину-кошку.

– Я Анна, мессир Тревизан знает меня, – высокомерно сказала я. – Вчера мы виделись в зале собраний во Дворце дождей. Мы разговаривали с ним там. Мессир Тревизан, мой кузен Себастьяно и я.

Этого для слуги оказалось достаточно. Он попросил меня подождать и удалился в направлении лестницы. Через некоторое время он вернулся и предложил мне последовать за ним.

Большой зал на главном этаже выглядел намного прозаичнее, чем во время праздника, в блеске свечей. Проходя мимо большого зеркала, я бросила в него быстрый взгляд. Ни следа от той ренессансной красоты, которая отражалась в нем тем вечером. Я выглядела бледной и уставшей после бессонной ночи. К сожалению, в мире, где не было консилера, я ничего не могла с этим сделать – разве что как следует выспаться.

Слуга провел меня в комнату рядом с портего.

– Мой господин сейчас подойдет, – сказал он.

Я поблагодарила его и осмотрелась по сторонам. Судя по виду этой комнаты, она использовалась как кабинет. У окна стояла конторка с

чернильницей и пером. Рядом с камином расположился стол побольше, на котором лежали раскрытые фолианты и документы в свитках. На стене висела полка с десятками книг – неоспоримое свидетельство богатства Тревизана. С книгами дело обстояло так же, как и с пряностями. В эту эпоху они были настолько редкими и дорогими, что мало кто мог их себе позволить. Моя коллекция книг о Гарри Поттере и то превратилась бы здесь в баснословно щедрое приданое, а если бы я прихватила с собой полную коллекцию «Сумерек», молодые холостяки, желающие жениться, выстроились бы ко мне в очередь. Я ненадолго погрузилась в приятные мысли о том, как с помощью пары книг и перечницы превращаюсь в самую желанную девушку в Венеции. Мой взгляд остановился на деревянном глобусе, который красовался на столе. Он выглядел очень дорогим. Части света были выполнены в виде деревянной мозаики, но мастер, который их сделал, дал волю воображению: Северная и Южная Америка были похожи на узкие длинные полоски. Африка, напротив, была слишком крупной, особенно на юге. По сравнению с ней Азия выглядела какой-то хилой. И, несмотря на то, что на географии я лишь изредка прислушивалась к словам учителя, я была уверена, что такой своеобразной Арктики я еще никогда не видела. Антарктиды вообще не было, вероятно, на нее не хватило дерева.

– Континенты выполнены по новейшим топографическим картам, – сказал Тревизан у меня за спиной. Он вошел в комнату и с гордостью показал на глобус.

– Да, все это очень... красиво. И все это без... спутников и GPS, – хотела было сказать я, но слов на замену вообще не нашлось. Но это, похоже, ничуть не потревожило Тревизана. Он улыбнулся мне.

Я почувствовала облегчение. Слава богу, он в хорошем настроении!

– Что привело вас сюда, маленькая кошечка? Как поживает ваш дорогой кузен? Кстати сказать, я считаю Себастьяно весьма остроумным молодым человеком. Я необычайно ценю наши разговоры о политике, его суждения важны для меня. То, что он разделяет мое непопулярное мнение о недавнем решении Совета касательно строительства кораблей и морской торговли, поддерживает меня в моем стремлении дальше настаивать на своем – сдаваться еще слишком рано.

– Он заболел, – выпалила я.

Тревизан посерьезнел.

– Надеюсь, ничего опасного?

– Ему пришлось отправиться в госпиталь! – Похоже, мое беспокойство было заметно со стороны, поскольку Тревизан подошел ко мне и сочувственно взял за руку.

– В какой? Я пришлю к нему лучшего врача!

«О нем уже заботятся Иззи и Мередит», – чуть не вырвалось у меня, но такой ответ явно не подошел бы. Так что мне пришлось придерживаться правды – по крайней мере, той, которую я могла рассказать.

– Я не знаю, где он. Его отвел туда хороший друг, который обязательно скоро вернется, и тогда я смогу все узнать.

– Сообщите мне, чтобы я мог отправить к нему врача.

Я кивнула, а затем перешла к основной причине моего визита, в надежде, что мои слова прозвучат убедительно. Если бы я могла врать хотя бы вполовину так же хорошо, как Кларисса, с этим не было бы никаких проблем. Я осознавала, что в этом деле мне еще есть чему поучиться, поэтому, описывая произошедшее Тревизану, я не смотрела ему в глаза, а рассматривала извилистую полоску Америки на глобусе.

Я рассказала, что еще один друг моего кузена ранним утром сопровождал меня на молитву в церковь. Там наше внимание привлекла темная, подозрительно выглядящая фигура, и мы заподозрили, что это грабитель.

– Друг моего кузена втолкнул этого человека в сакристию, а я бросилась к двери, чтобы позвать стражу. Но тут дверь распахнулась снова, и я, к своему ужасу, увидела, что друг моего кузена без сознания лежит на полу. Его ударили подсвечником.

– Грабитель ударил? – спросил Тревизан.

– Ох... На самом деле это был не грабитель. Это был монах. Тут произошло... недоразумение.

Я постаралась скрыть свое замешательство, вложив в свои слова убедительное возмущение. Это удалось мне без особого труда, потому что монах и правда вел себя отвратительно.

– Он ударил бедного Бартоломео не один раз, он продолжал бить его, хотя тот уже без сознания лежал на полу. Потом он, держа подсвечник, направился ко мне.

Тут я сделала выразительную паузу. Лицо Тревизана приобрело мрачное выражение.

– Он хотел ударить вас? Беспомощную хрупкую девушку? В церкви?

– Подсвечником, – подтвердила я. – Мне оставалось только убежать. Вот я и оказалась здесь.

– И теперь вы хотите, чтобы монах понес наказание за свое неподобающее и грубое поведение?

– Вовсе нет, – смущенно сказала я. – Я просто хотела бы, чтобы Бартоломео отпустили из темницы. Ведь монах передал его страже, и его

увели.

– Назовите мне полное имя Бартоломео, и он сегодня же будет на свободе.

Я облегченно выдохнула и радостно посмотрела на Тревизана.

– Фамилия вашего друга Бартоломео, – напомнил он.

О! Проклятье! Мне следовало заранее подумать, что он у меня ее спросит.

– Сейчас мне что-то ее никак не вспомнить, – запинаясь, пробормотала я. – Бартоломео, как я уже сказала, хороший друг моего кузена. И я уверена, что часто слышала его фамилию, но моя память... – Я нервно сглотнула. – Ему примерно столько же лет, сколько моему кузену Себастьяно, и он довольно плохо выбрит. Иногда он кажется весьма угрюмым, думаю, и сейчас тоже. И он носит синюю кофту.

– Этого хватит, чтобы его освободить, – пробурчал Тревизан. – Уже к вечеру он будет на свободе, я вам обещаю. Так или иначе, я вам лично обязан.

– Ох... правда? – ошеломленно спросила я.

Он кивнул.

– В тот вечер, на балу – помните, как вы внезапно ворвались в водный зал, как раз когда я разговаривал там с братьями Малипьеро?

Я кивнула. Помню ли я! В конце концов, этим я спасла ему жизнь.

– Вы спасли меня, – продолжил он.

Как он мог об этом узнать?! Я посмотрела на него, совершенно сбита с толку.

– От ужасной участи – быть благодарным за что-то Малипьеро, – добавил Тревизан. – За какой-то глупый подарок, с помощью которого они представили бы все так, будто как-то со мной связаны. Если бы им это удалось, я бы предпочел умереть.

– О. Вот как. Понимаю. – Мой смех прозвучал несколько неуверенно. – Должно быть, это был подарок, который вам бы все равно не пригодился.

– Это была гондола, – сказал он. – Во всяком случае, Пьетро Малипьеро упомянул это вчера на собрании. На что я ответил, что две гондолы у меня уже есть, и к тому же я все равно не могу пользоваться двумя одновременно.

– Вы отвергли подарок?

Тревизан кивнул.

– Это было круто, – сказала я. Барьер превратил последнее слово в «прозорливо», и мне показалось, что это еще круче.

Я задумалась о том, не выдать ли мне ему что-то запретное, быть

может, сообщить, что когда Малипьеро сказал «упадете замертво» – это была не пустая фраза, а кровавая правда.

В конце концов я решила, что попробовать стоит.

– Малипьеро – они и правда были бы рады увидеть вас мертвым.

Бум! Я это выговорила. И барьер мне не помешал!

Взгляд Тревизана стал настороженным.

– Что привело вас к такому выводу, маленькая кошечка?

«У него уже шпага была наготове», – хотела сказать я. Но не получилось выговорить ни звука. Эта информация была под запретом.

Зато второй намек оказался удачным.

– Я увидела это в его глазах. – Это была совершенно чистая правда.

«Он хотел убить Себастьяно и меня». – Еще одна неудачная попытка, эти слова произнести не удалось. Но следующее предложение вышло с легкостью.

– Малипьеро ни в чем нельзя доверять. Альвис особенно опасен. Он способен на все.

Тревизан кивнул.

– Я тоже так считаю, маленькая кошечка. И то, что вы разглядели кровожадность в глазах Альвиса, еще сильнее убеждает меня, что я должен быть начеку. Потому что я вижу в его глазах то же самое. Он хочет моей смерти.

Когда он это произнес, по моей спине пробежал холодок. Его слова прозвучали будто... пророчество.

– Вы должны защитить себя! – горячо предложила я. – Нельзя, чтобы он получил преимущество. Это будет крайне плохо для будущего Венеции!

И это мне тоже удалось беспрепятственно произнести. Потому что я произносила лишь то, что и так согласовывалось с представлениями Тревизана.

– Я буду осторожен, – сказал Тревизан. – Могу я предложить вам немного перекусить? Может, вина? Мне кажется, вам необходимо подкрепить силы.

Я с благодарностью отклонила его предложение, хотя легкое опьянение, возможно, помогло бы мне лучше справляться со страхом за Себастьяно. Может, глоточек вина даже поможет мне забыть, что мой дезодорант находится за полтысячелетия от меня.

Я бы охотно еще немного побыла здесь, в этой уютной комнате, потому что отеческая манера Тревизана, его седеющие волосы и любезная улыбка напоминали мне о папе, которого мне ужасно не хватало.

Но мне нужно было сообщить Клариссе, что Барта освободят, чтобы

Якопо не пришлось впустую утруждать свою бедную хромую ногу.

Так что я еще раз от всей души поблагодарила Тревизана и распрощалась с ним. Слуга проводил меня к выходу.

* * *

Снаружи я некоторое время постояла на солнце, осмысляя пережитое. До этого я вообще не слишком задумывалась о том, что на самом деле произошло на балу. Все так быстро обрушилось на меня, что на размышления не было времени.

Случалось ужасное – но и прекрасное тоже. Например, Себастьяно... Так великолепно – чувствовать себя влюбленной! Пара эпизодов, которые я могла записать на свой счет за последние пару лет, были из разряда встреч на вечеринках, по-настоящему я уже давно ни в кого не влюблялась. Последний раз был почти два года назад. И потом, это в любом случае нельзя по-настоящему сравнивать, потому что тем парнем из двенадцатого класса я восхищалась издали. Он ни разу не удостоил меня взглядом. А между мной и Себастьяно происходило нечто совершенно другое. Между прочим, мы почти поцеловались, и я находила это весьма пикантным.

Куда менее пикантными были остальные мелочи, например, что сейчас между нами было больше пяти веков, и я не имела ни малейшего понятия, когда он вернется. По крайней мере, нам удалось уберечь его от самого худшего и вовремя отправить обратно в будущее. Когда мы плыли на лодке с Санто-Стефано, Хосе пообещал мне оставаться рядом к Себастьяно, так что Альвису со своим ножом сначала придется иметь дело с испанцем.

Теперь мне оставалось ждать и надеяться, что Себастьяно и Хосе вскоре вернутся. Тогда я наконец смогу отправиться домой.

Домой... Я подумала о маме и папе, о своих друзьях, о школе, о бабушке, о новом фильме, который давно хотела посмотреть.

А потом мои мысли вернулись к Себастьяно. Что станет с нами двумя, когда я снова вернусь домой? Мне впервые пришло в голову, что все может оказаться непросто. Начиная с языка. Здесь, в прошлом, мы пользуемся межгалактическим переводчиком (я непременно должна выяснить у Себастьяно, как он на самом деле называется), но в нашем родном времени он говорит по-итальянски, а я – по-немецки. Ну да, еще немного по-английски, это лучше, чем ничего. А все остальное точно можно выучить. Я могу устроить себе языковые каникулы в Венеции.

Погрузившись в размышления, я шла домой.

Еще не успев отойти далеко, я услышала голос Клариссы. Она ждала меня в узкой боковой улочке, у арки.

В восторге оттого, что могу порадовать ее хорошей новостью, я поспешила ей навстречу.

– Его выпустят! – сказала я. – Уже сегодня!

На ее лице отразилось облегчение. Но я заметила, что есть и кое-что еще. А потом, когда мне оставалось до нее три шага, я поняла, что меня насторожило.

Она боялась.

В следующее мгновение я увидела, чего именно. Кто-то стоял у нее за спиной, в тени арки, достаточно близко, чтобы уткнуть в ее спину острие шпаги.

Это был Джованни Малипьеро. Он злорадно ухмыльнулся.

– Ты отлично справилась, Кларисса. Что бы мы без тебя делали.

– Беги! – крикнула она. – Анна, беги!

Чтобы Джованни смог попросту заколоть ее без свидетелей?

– Немедленно оставь ее в покое! – сказала я ему, стараясь выглядеть как можно решительнее и пытаюсь таким образом скрыть, что едва не теряю сознание от ужаса.

– Горе тебе, если с ее головы хоть волос упадет! Тогда я обвиню тебя, и ты кончишь как тот парень сегодня, на пьяцетте. – Чтобы не было сомнений, что именно я имею в виду, я добавила: – Тот, которому отрубили голову.

– Не беспокойся, маленькая Кларисса еще сослужит нам хорошую службу – в точности как и Тревизан, – сказал Джованни. – Потому что она хитра и хочет жить. В отличие от тебя.

В этом он явно был прав. Уже в следующую секунду я сама убедилась, как глупа я была.

Кто-то схватил меня сзади прямо за горло, прижал к себе и поволок назад по мостовой.

Я не могла кричать, потому что сильная мужская рука выдавила из меня весь воздух. Когда меня затащили за угол, я краем глаза заметила, что Кларисса попыталась броситься за мной, но Джованни грубо схватил ее за волосы, втащив обратно под арку.

Мужчина тащил меня, не ослабляя захвата. Я не могла его видеть, но этот запах я узнала бы среди тысячи других. Смесь вина, дорогого мыла и чистого белья. Я упиралась пятками в землю и вцепилась пальцами в его руку, прямо под подбородком. Я боролась изо всех сил, но он не ослаблял хватку. Он давил мне на горло так сильно, что я не могла вдохнуть.

Я услышала чьи-то голоса и увидела, как справа из какого-то дома выходят люди. Они заметили меня, это я еще уловила, но в следующее мгновение Альвис уволок меня в узкую улочку, где рывком прижал к выступу в стене. Стиснутая между твердым камнем и его телом, царапая нос о кирпичи, я тщетно пыталась вдохнуть. Я уже однажды ощутила, что такое удушье, и сейчас чувствовала себя почти так же.

На несколько бесконечных секунд Альвис замер, почти расплющив меня о стену. Голоса людей приблизились, а затем удалились снова – наверное, они прошли поворот на эту улицу и теперь направлялись прочь.

Мне едва удавалось ясно мыслить – видимо, из-за нехватки кислорода. Собственно говоря, все это время у меня крутилась в голове идиотская идея, что мне непременно нужно вспомнить какую-то песню. Песню, текст которой поможет мне выпутаться из этого положения. С ума сойти, что приходит в голову, когда чувствуешь страх смерти!

Внезапно я смогла вдохнуть чистый воздух – Альвис потащил меня обратно на улицу, которую мы только что покинули. Он дошел до следующего угла. Его захват оставался таким же крепким, и ощущение, что он вот-вот меня придушит, никуда не делось.

«Он не хочет тебя убивать, – осенило меня. – Иначе бы он это уже сделал!»

Но чего он тогда от меня хочет?

Ответ я узнала в следующую секунду. Мы добрались до извилистого канала – до пристани, рядом с которой я увидела гондолу. У весла сидел неотесанный лысый мужик. Он протягивал Альвису потрепанный мешок и веревку.

– Не хочешь надеть это на нее, чтобы связать ее и заткнуть ей рот, прежде чем отвезти ее к своему господину? – шепотом спросил он у Альвиса.

– Не пори чушь, – так же тихо ответил Альвис. – Я просто вырублю ее ударом кулака, так быстрее.

Я заметила, как Альвис оглянулся, словно проверяя, не наблюдают ли за ним какие-нибудь слишком любопытные прохожие.

Песня! Теперь я точно вспомнила, о чем в ней пелось! Она была из фильма «Мисс Конгениальность», и, вообще говоря, это была совсем не песня. Это было сокращенное название метода самообороны. Мы даже запоминали его на курсах, когда учились освобождаться от захвата сзади.

С – солнечное сплетение, О – ой, палец на ноге, Н – очевидно, нос, – Г – гениталии.

Вместе получается – СОНГ, по-английски – песня.

«Не произноси по буквам, – приказала я себе. – Бей сразу!»

В этот же момент я заметила, как Альвис занес свободную руку для удара.

Я оказалась на долю секунды быстрее. Выставив локоть, я врезала прямо ему по ребрам. Изо всех сил наступила пяткой на ногу. От души ударила кулаком ему по носу (и нет, на этот раз я *не медлила*) и, уж поверьте, заехала бы ему коленом по самому ценному, если бы он еще стоял на ногах. Но Альвис отпустил меня уже на букве Н и, размахивая руками, упал в канал. Когда он падал, я заметила, как у него из носа хлещет кровь.

– Вот черт! – изумленно произнес мужик в лодке.

Я не собиралась дожидаться, что будет дальше. Я повернулась вокруг своей оси и бросилась бежать с места событий со скоростью света, так, что юбка развевалась.

Как назло, мне удалось сделать только два шага. Потом я наткнулась на Джованни Малипьеро. Он схватил меня на бегу и толкнул в лодку, где мне немедленно набросили мешок на голову, и вокруг стало темно.

– Сразу нужно было так сделать, – сказал лодочник, обматывая веревку вокруг моего тела и одновременно пытаясь заткнуть мне рот. Он прижимал мешковину к моему лицу и запихивал между зубами. От нее ужасно воняло рыбой.

Я крутилась и извивалась, пока мне не удалось повернуть голову.

Я слышала рядом плеск и ругательства и догадалась, что это Альвис забирается из канала в гондолу.

– Паршивка, – прорычал он. – За это я ей сделаю особенно больно.

Я уже глубоко вдохнула, чтобы испустить самый громкий крик в своей жизни, но, к сожалению, он мне не понадобился. На мою голову сбоку обрушился тяжелый удар. Я еще почувствовала, как падаю на бок, а перед глазами закручивается красный водоворот. Затем все поглотила непроглядная тьма.

* * *

Когда я очнулась, мне было нехорошо. Я с трудом повернулась на бок, и меня сразу же вырвало.

В конце концов я смогла, пошатываясь, сесть прямо. Я глубоко дышала, борясь с приступами тошноты, пока не почувствовала себя немного лучше, причем я заметила, что мне легче, если я двигаюсь не

слишком быстро.

Там, где я находилась, было темно и сыро. Я слышала, как поблизости журчит вода канала. Постепенно мои глаза привыкли к скудному освещению, и я осознала, что здесь не абсолютная темнота – откуда-то снаружи в мою темницу пробивался слабый свет.

Это помогло мне разглядеть очертания предметов вокруг, сначала лишь черные тени на темно-сером фоне, а затем все больше и больше различимых деталей. Стена из грубого кирпича, на которую я опиралась. Каменная скамья справа от меня. Железная решетка передо мной. Сводчатая поверхность, которая поднималась из темноты, и, наконец, за ней – темные, поблескивающие воды канала.

Помещение, в котором я находилась, показалось мне знакомым. Я с трудом вытянула ноги и крепко вцепилась в решетку. Я осторожно потрогала голову там, где она болела, но не обнаружила никаких повреждений за исключением внушительной шишки.

Я всматривалась в темноту и пыталась сосредоточиться. Однажды я уже была здесь! В вечер бала! Я находилась в водном зале в доме Тревизана.

Я вовсе не была в заточении, и никто не помешал мне покинуть водный зал через ближайший коридор. Спотыкаясь, с гудящей головой, я, немного поплутав, добралась до промежуточного этажа, где попала на глаза перепуганной служанке. Ее громкий крик привлек слугу, который раньше впускал меня в дом. С мигающей свечкой он поспешил на шум и удивленно замер, увидев меня.

Он недоуменно осмотрел меня с головы до ног, и я подумала, что явно не выгляжу как человек, заслуживающий доверия.

Наконец, он узнал меня.

– Это вы!

– Я должна поговорить с мессиром Тревизаном.

– Еще раз? – недовольно сказал он, но затем воздержался от неодобрительных высказываний и только вежливо сообщил:

– Моего господина вызвали по важному делу.

– Когда? – выпалила я.

– Почти сразу же после вашего ухода.

– Вы хотите сказать, он отправился в тюрьму, чтобы уладить там важные вопросы?

– Об этом мне ничего не известно. Пришел посыльный с новостью, услышав которую мой господин тут же отбыл. Куда, я, к сожалению, не ведаю, как и того, когда он вернется.

«Альвис, – ошеломленно подумала я. – И здесь ему удалось разыграть свою карту! Фальшивый посланник, чтобы выманить Тревизана и напасть на него».

Вот только – зачем он привез меня сюда?

Потому что он точно знал, что Тревизана не будет здесь и что тот не скоро вернется. И потому, что он счел забавным, что мне придется самой это выяснить. Это вполне соответствовало его извращенному чувству юмора. Он явно где-то сидел и смеялся в кулачок, представляя себе, как я, преисполненная надежды, бегу из водного зала в дом и спрашиваю, где Тревизан, только чтобы узнать, что здесь больше нет никого, кто смог бы мне помочь. И как я затем в слезах бреду сквозь ночь, потому что ничего больше не знаю.

Собственно говоря, именно так я и поступила.

Едва способная думать, я в слезах брела по улице. Мне нужно было успокоиться. Поспать. В идеале по меньшей мере лет пятьсот.

Хотя по пути в Кастелло мне не раз становилось плохо, а из-за темноты я то и дело сворачивала не туда, в итоге мне как-то удалось добраться до цели. Дважды мне пришлось уворачиваться от пьяных мужчин, искавших ночных развлечений. Второй даже оказался любителем распускать руки, и только удар в колено заставил его воздержаться от дальнейших приставаний.

Скорее мертвая, чем живая, я наконец добралась до домика монны Фаустины. У меня так дрожали пальцы, что мне с трудом удалось вытащить ключ из поясной сумки. Монна Фаустина встретила меня, замахнувшись скалкой, которую она опустила, только внимательно меня рассмотрев.

– Это и правда вы, – сказала она. – Вы ужасно выглядите. И грязно. Если вы хотите помыться...

– Утром, – пробормотала я.

– Или, может, немного спиртного?

– Не сейчас.

Похоже, она обиделась, что я отказываюсь от ее услуг.

– Минутку, – сказала я, прежде чем она снова скрылась в своей спальне. – У вас есть принадлежности для письма?

– Вы хотите сказать, бумага, чернила и перо?

Я кивнула, что не слишком порадовало мою больную голову.

– Чернила мне нужно сначала замешать, а перо заточить. А бумага... Хм, в лучшем случае один-два листика, больше точно не осталось. И еще немного пергамента, но он дороже, чем бумага. Зато хранится намного

дольше. Все это осталось от моего умершего мужа, благослови его Бог. – Она наклонила голову. – Вам следует знать, я его очень ценю. Я имею в виду письменный прибор. Поймите, это очень ценный памятный предмет.

Я понимала. У меня не было сил торговаться. Я отсчитала сумму, которую она требовала, и подождала, пока она не отыщет все необходимое.

Наконец, я дотащилась до лестницы и из последних сил вскарабкалась на чердак.

Оказавшись наверху, я упала на шаткую кровать и лежала, глубоко дыша, пока комната не перестала вращаться вокруг меня.

Самое время подвести промежуточные итоги. Они оказались убийственными. Даже если не учитывать ту деталь, что я в гордом одиночестве застряла в прошлом.

Тревисан исчез.

Барт сидит в тюрьме.

А Кларисса... Я не хотела об этом думать. Вряд ли ей дали просто так уйти. Куда вообще ее утащили?

Постепенно мне стало ясно, что у того факта, что я сама осталась жива и на свободе, должны быть еще какие-то причины, кроме злорадства Альвиса. У него были на мой счет какие-то четкие намерения, потому что он тщательно планировал все, что делал. Но *что именно* он планировал, оставалось до сей поры скрыто во мраке. У меня слишком сильно болела голова, чтобы об этом думать.

Завтра, подумала я. Завтра, с самого утра, я напишу послание. Одно для Матильды и Якопо, чтобы они узнали, почему исчезла Кларисса. И одно для Тревисана, чтобы предупредить его. На случай, если он вообще объявится снова.

А третье я собиралась написать на пергаменте. Это послание должно сохраниться надолго. Очень надолго...

Собственно говоря, зачем? Вроде бы я только что об этом помнила. Но головная боль усилилась – слишком сильная, чтобы вообще о чем-то думать. А что, если у меня сотрясение мозга? Можно ли от него умереть?

Дома я бы уже оказалась в отделении экстренной помощи, у Иззи и Мередит. А они отвезли бы меня к Дереку Шепарду, неврологу и специалисту по черепно-мозговым травмам.

– МРТ и полный анализ крови, – мелодично произнес бы доктор Макдрими.

Он сделал бы мне укол обезболивающего, и я смогла бы написать третье послание.

Но, возможно, мне лучше сначала немного отдохнуть.

Завтра, подумала я снова. Завтра будет новый день.

Когда я проснулась, на меня светило солнце. Лишь пара скудных лучей, пробившихся через извилистые щели в ставнях и в крыше, но их хватило, чтобы наполнить всю комнату рассеянным, запыленным светом.

Когда я села на кровати, голова ужасно гудела. Шишка приняла размеры среднего помидора и на ощупь была примерно такая же – только, в отличие от помидора, трогать ее было адски больно.

Я с мучительными усилиями выбралась из кровати и направилась в туалет. Монны Фаустины не было, что оказалось очень кстати, потому что я не хотела разговаривать. На обратном пути я прихватила кусок хлеба и стакан воды. Я решила, что в ту колоссальную сумму, которую с меня содрали за письменные принадлежности, вполне может входить и эта еда.

Поев и попив, я развернула пергамент на сундуке Себастьяно и обмакнула перо в чернила.

Еще где-то на рассвете я просыпалась от смутных кошмаров и, прежде чем снова задремать, внезапно поняла, что именно хочу написать в третьем послании.

Как и любое письмо, мое начиналось с даты.

<i>Венеция, 1499</i>

Затем шло само послание, которое мне пришлось сначала набросать начерно, чтобы привыкнуть к кляксам и царапинам от пера. Я начала с того, что нарисовала в верхней части листка множество будто бы бессмысленных и беспорядочных завитков, которым я потом с помощью всяческих украшений в итоге придала облик букв. Затем я нарисовала звездочки, а потом еще какие-то завитки. Все это – особо не концентрируясь.

Затем я перешла к самому письму, которое выходило плохо, из-за чего я ужасно сердилась, и мне приходилось начинать заново. Наконец, я прочитала то, что мне удалось нарисовать и написать.

Пр*в*т!

Сперва самое главное:

Меня зовут Анна. Я уже трижды пыталась написать свое полное имя и год рождения, но у меня не получилось.

Все равно я не знаю, сколько еще успею сообщить. На первые несколько предложений у меня ушел почти целый час, и

все равно все они исчезли. Причина этого, конечно, в том, что я слишком неосторожна. Я должна следить, какие понятия и числа использую, потому что если они не подходят, то их и написать не получается. Или они изменяются, пока не приобретут совершенно иное значение.

Ах да, конечно, еще и бумага. На ней мой почерк выглядит ужасно странно. Из-за этого писать совсем непросто. Я должна использовать пергамент, потому что он дольше хранится, но в итоге клякс получается столько, что не сосчитать. Чернила воняют, как протухшая отравка. Насчет пера вообще молчу – оно ужасно скрипит. Представить не могу, как людям удавалось писать им целые книги!

Времени мало! Мое укрытие ненадежно, меня могут обнаружить в любой момент. И тогда вряд ли у меня получится в ближайшее время снова добраться до письменных принадлежностей.

Закончив это послание, я спрячу его и буду молиться, чтобы его нашли. Нашел человек с далекого Севера. Это звучит безумно, но ничего другого мне не остается. Точнее выразиться я не могу. Я заверну письмо в вощеную ткань и буду надеяться, что оно не заплесневевает.

Я слышу шаги – пора заканчивать.

Надеюсь, потом допишу.

Часть четвертая

Венеция, 1499 и 2009

Отложив перо в сторону, я прошмыгнула к лестнице и постояла некоторое время, напряженно прислушиваясь. Возможно, что это была монна Фаустина – я слышала, как кто-то ходит вниз, а теперь стоит у двери. Но нельзя было исключать, что это кто-то еще. Как я уже написала выше, я не была уверена в своем укрытии, и я не преувеличивала. Прошлой ночью я совершила ошибку, не подумав о том, что меня могут преследовать. Вполне вероятно, что Альвис выследил меня.

Затем я облегченно вздохнула, потому что услышала, как внизу монна Фаустина брюзгливо разговаривает сама с собой.

– Хороший человек предлагает молодым людям кров и пропитание, и так-то его благодарят! Гора работы за пару монет! Весь день только прибираюсь и подметаю, готовлю и навожу порядок, стираю и делаю покупки... – Ее ругательства стали тише – она удалилась в кладовку. Принесла ли она свежий хлеб? У меня тут же заурчало в животе, но я держала себя в руках. Вместо того, чтобы покупать у монны Фаустины кусочек хлеба по заоблачной цене, я могла бы с большей выгодой сделать это в ближайшей лавке.

Не медля, я снова уселась перед ящиком, который служил мне столом, и углубилась в свое послание. Пока что я еще ничего не написала о том, что, собственно, случилось. Самое время перейти от нытья к фактам.

Тот, кто найдет это письмо, должен немедленно отнести его хранителю древностей в университет.

Я помедлила, рассматривая приложение и радостно удивляясь тому, что мне вот так вот просто удалось его написать. То, что я сделала это, воспользовавшись словом «хранитель», показалось мне особенно удачным. Остается вопрос, насколько это мне поможет, потому что точнее выразиться я не могла. В чем я тут же убедилась, когда в следующем предложении попыталась написать имя «Тревисан», и буквы растворились в воздухе, оставив только пару клякс. Собственное имя мне, вероятно, удалось написать потому, что оно было популярно во все времена и во всех странах.

Наконец, я попыталась выразиться описательно, и получилось гораздо лучше.

Вестник в темнице. Дворянина отвлекли хитростью. Злодей похитил

французенку. Я сама сижу в доме жадной старухи и боюсь за жизнь друзей. Вернитесь и спасите их!

Затем я пару раз попыталась подписаться полным именем, но не смогла запечатлеть на бумаге даже первую букву фамилии. В расстройстве я хотела нарисовать рядом с именем смайлик, но из этого тоже ничего не вышло. Наконец, я отказалась от подписи. Просматривая готовое письмо еще раз, я размышляла, поможет ли это хоть чем-нибудь. Вздохнув, я наконец сложила его. Мне придется положиться на удачу.

Монна Фаустина не хотела расставаться с куском воценой ткани, хотя раньше в нее была завернута рыба, которую она принесла с рынка.

– Это мой любимый кусок, – объяснила она. – Я, пожалуй, уже не одну сотню рыб в нее завернула.

Запах это подтверждал, но мне было не до разборчивости. Все же мне удалось снизить первоначальную цену в десять раз, и я была весьма довольна собой. Закончив торговаться, я вместе со своим вонючим трофеем взобралась по лестнице и тщательно упаковала письмо. Затем я вдобавок обернула его холщовыми бинтами, которые остались от Себастьяно, и напоследок перевязала послание единственной шелковой лентой, которая досталась мне от Доротеи.

Как и планировала, я написала еще две записки: для Матильды с Якопо и для Тревизана. Обе я тщательно сложила и склеила края, капнув на них свечным воском.

Наконец я приготовилась выйти на улицу – хотя эти приготовления ограничивались тем, что я причесалась, накинула шаль и спрятала лицо за вуалью. Я ни в коем случае не могла рисковать еще раз попасться в лапы банде Альвиса.

Выйдя из дома, я огляделась по сторонам и, убедившись, что никто не подстерегает меня, побежала прочь. Я беспорядочно кружила по улицам, сознательно выбирая не прямой путь, а окольные дорожки, чтобы выявить слежку.

Приближался полдень. Солнце стояло высоко, становилось все теплее, но я не осмеливалась снять вуаль, хотя под ней я потела как в сауне, а все, что я видела вокруг, слегка расплывалось.

Город кишел людьми. Почти как в мое время, только это были не толпы туристов, а настоящие венецианцы.

Чем ближе я подходила к своей цели, тем осторожнее становилась. Я все чаще оглядывалась, потому что если Альвис с поделщиками и собирался где-то меня подкараулить, то именно здесь. На достаточном удалении от палаццо Тревизана я наконец остановилась и достала из

поясной сумки записку. У меня защемило сердце от мысли о том, насколько проще все было бы, если бы к этому времени уже изобрели мобильники. Тогда бы я просто послала Тревизану SMS. Но теперь мне не оставалось ничего – только ждать, пока появится подходящий посыльный. К счастью, он нашелся уже скоро. Им оказался мальчишка, вероятно, девяти или десяти лет, в возрасте, когда мальчики еще умеют быть смелыми, но пока не научились дурачить девочек.

Я подозвала его.

– Хочешь заработать два сольдо? – спросила я, не поднимая вуаль.

Он молча кивнул, и я протянула ему послание.

– Вот, отнеси это вон в то палаццо со львиными головами на фасаде. Послание, конечно, адресовано хозяину дома, мессину Тревизану, но ты можешь передать его кому-нибудь из слуг. – Я дала ему сольдо. – Вторую монету получишь, когда все исполнишь.

Он быстро побежал прочь и через некоторое время вернулся.

– Я сделал все, как вы хотели. Господина не было дома, так что я передал записку слуге.

Я поблагодарила его и протянула ему вторую монету.

Он с надеждой посмотрел на меня.

– Я могу еще что-то сделать для вас, мадонна? Может, передать еще одну записку?

– Ох да, у меня и правда есть еще одна записка. Но дом, в который ее нужно отнести, находится немного подальше.

– Я знаю в Венеции каждый уголок! – похвастался мальчишка. По нему было видно, как сильно ему хочется заработать еще денег.

– Знаешь, где находится зеленая лавка монны Матильды? – спросила я.

Мальчик с облегчением улыбнулся.

– Это просто. Мы там всегда покупаем лекарство для моего дедушки, когда у него случается скверный кашель. Я часто там бываю.

– Хорошо. Тогда ты можешь проводить меня, потому что мне все равно туда нужно. При этом твоя задача – смотреть во все стороны, чтобы нас никто не преследовал.

Мальчик радостно улыбнулся мне.

– У меня хорошее зрение.

– У меня тоже нормальное. Когда мне не приходится носить эту штуку.

Я показала на вуаль.

Он пожал плечами.

– Так уж повелось, что благородным дамам нельзя расхаживать по

городу без вуали.

Ему это казалось совершенно естественным, а я спрашивала себя, сколько лет продержится здесь эта мода. Двести лет? Триста? Ждать эмансипации еще долго.

Мальчик во все глаза смотрел по сторонам, останавливаясь на каждом углу и перед каждым мостом, чтобы оценить обстановку. Вскоре я немного осмелела. Но когда мы подошли к зеленой лавке, я все-таки решила проявить осторожность. На площади с колодцами я остановилась и дала мальчику сольдо.

– Вот, первая половина. Я жду здесь.

Улыбнувшись, он метнулся прочь и вскоре вернулся.

– Задание выполнено, – сказал он.

– Кому ты передал записку?

– Монне Матильде, которая торгует травами.

– Ты уверен? – с сомнением спросила я. – В послании было написано, что она должна прийти сюда, к источникам.

Мальчик растерянно нахмурился и оглянулся.

– Ну, она идет! Я просто быстрее, потому что не такой толстый.

И точно, со стороны лавки показалась монна Матильда. Колыхая юбками, она проплыла вокруг угла со скоростью, удивительной для ее возраста.

Мальчик протянул руку, и я вложила в нее заслуженное сольдо.

– Я могу передать для вас еще какую-нибудь записку, – сказал он. Его глаза блестели. Немного подумав, я медленно кивнула. – У меня осталась еще одна весточка.

– О, замечательно.

– Как же тебя зовут? – спросила я.

– Джино.

– Милое имя. А я, кстати сказать, Анна. Джино, ты отзывчивый и приятный мальчик. И ты сможешь помочь мне с последней запиской. Но сначала мне нужно поговорить с монной Матильдой с глазу на глаз. Не мог бы ты подождать меня вон там, на углу, и проследить, не появится ли кто-то еще?

Он энергично закивал и припустил к следующему углу, где застыл, настороженно обзревая окрестности.

Монна Матильда шумно приблизилась и, пыхтя, встала передо мной.

– Боже правый, – сердито начала она, придерживая рукой свой вздымающийся живот. В другой руке она держала смятую записку. Ее чепчик сбилась набок, а лицо было покрыто потом. – Что все это значит? –

вопросила она. – Где эта неблагодарная невоспитанная тварь?

– Этого я не знаю, – ответила я.

Она помахала передо мной запиской.

– Но ты пишешь, что ее похитили! Кто и когда?

Я могла бы ответить на вопрос «кто», но с меня уже хватило безуспешных попыток это написать. Все-таки я попыталась выговорить имя Альвиса. К сожалению, это привело лишь к тому, что я застыла с открытым ртом, не в силах издать ни звука.

– А теперь ты еще и торчишь тут с отсутствующим видом! – выкрикнула монна Матильда.

Я втянула голову в плечи, потому что заметила, что некоторые прохожие стали бросать на нас любопытные взгляды.

– Я ничего не могу вам сказать, – ответила я. – Хотела бы, но не получается!

– И что мне теперь делать? – спросила монна Матильда.

Я потрясенно заметила, что из ее глаз потекли слезы. Исчезновение Клариссы она восприняла совсем не так равнодушно, как можно было предположить по ее воплям.

Она заметила мое сочувствие и тут же собралась.

– С таким количеством работы мне одной не справиться. Пока Клариссы нет, все дела встанут. Разве ты не обещала заходить каждый день, чтобы помочь, ты, бесполезное создание?

Ее грубость меня не обманула. Я заметила огорчение в ее взгляде. Конечно, она окажется в безвыходном положении без рабского труда Клариссы, но еще сильнее она боялась, что с Клариссой могло случиться что-то плохое.

– К сожалению, я не могу сдержать это обещание, – сказала я. – Есть люди, которые хотят от меня избавиться, и потому я должна быть начеку, чтобы они не нашли меня. Именно поэтому я попросила вас выйти сюда, вместо того чтобы самой заявиться в лавку.

– Люди? Какие люди? – Монна Матильда недоверчиво посмотрела на меня. – Те, которые похитили Клариссу?

Я кивнула, и она громко вскрикнула от возмущения.

– В какие грязные дела ты ее втянула?

Я открыла рот, чтобы заверить ее, что это не моя вина, но тут у меня за спиной раздался резкий свист. Я развернулась и увидела, как Джино энергично показывает куда-то пальцем. Я встревоженно взглянула в том направлении, куда он показывал. Сквозь вуаль я сперва различила только очертания человеческой фигуры. С замиранием сердца я подобрала юбки и

приготовилась ринуться прочь. Но ко мне приближался не Альвис, а старый Якопо, опиравшийся на клюку. Из-за хромоты ему понадобилось больше времени, чем монне Матильде, чтобы дойти сюда.

– Женщина, почему ты не могла меня подождать? – сказал он ей. – Я заботился об этой девочке не меньше, чем ты! – Он повернулся ко мне. – Что случилось?

– На нас напали. Клариссу заставили выманить меня, поэтому вышло, что меня схватили первой. Когда она бросилась мне на помощь, ее тоже поймали. Мне на голову надели мешок, а потом ударили так, что я потеряла сознание. Когда я снова пришла в себя, ее нигде не было.

Якопо нахмурился.

– И кто в ответе за все это?

Я даже не пыталась ответить, потому что мне все равно не удалось бы произнести ни слова. Я даже не могла объяснить, что знаю виновных, но не могу ничего сказать. Так что я просто печально пожала плечами.

– Чем тебе помочь? – спросил Якопо. – Мы можем пока снова приютить тебя? Тебе здесь всегда рады, не сомневайся!

Монна Матильда выразительно кивнула. Если бы в поле ее зрения оказалась метла, она бы тут же вручила ее мне.

– Нет, это слишком опасно, – сказала я. – Меня могут найти у вас.

Якопо с серьезным видом кивнул.

– Понимаю. У тебя по крайней мере есть надежное укрытие?

Я кивнула.

– Если ты расскажешь нам, где оно находится, мы сможем доставить туда все, что тебе нужно!

О да! Это звучит прекрасно! Они смогут принести мне мыло! И травы, чтобы я смогла приготовить себе подобие чая. Кроме того, быть может, и лаванду, которую я буду на ночь класть в свою пропотевшую одежду! Я открыла рот, чтобы объяснить, как найти домик монны Фаустины, но тут же снова его захлопнула. Дело не в том, что я не могла что-то произнести – барьер был ни при чем – а в том, что, рассказав об этом, я поставила бы под угрозу не только себя, но и других людей. Альвису и его сообщникам не составит труда проследить за Матильдой или Якопо от зеленой лавки до домика монны Фаустины. И тогда они запросто уберут с пути еще нескольких надоедливых свидетелей.

– Вы можете помочь мне иначе, – сказала я. – Бартоломео заперт в темнице, и нужно его оттуда вызволить. – Я быстро добавила: – Его арестовали совершенно безосновательно! Он ничего не сделал. Это ошибка.

Монна Матильда фыркнула.

– Ошибка! В это поверит кто угодно, но не я! Этот бездельник! Я всегда знала, что он однажды плохо кончит!

– Помолчи, – сказал Якопо, а потом спросил меня: – Где его арестовали?

– В... – я не смогла выговорить ни слова, и на этот раз причиной тому был барьер. Ага. Запретная информация. Вероятно, из-за того, что в церкви Санто-Стефано расположен временной портал.

Чтобы скрыть паузу, я откашлялась, а затем быстро сказала:

– Главное, что его скоро отпустят. Возможно, он поможет нам найти Клариссу. – Я сказала это совершенно искренне, потому что в такой ситуации важен даже малейший шанс. Кроме Барта я не знала здесь никого, кто был бы в курсе всей этой запутанной истории. Следовательно, он единственный, кто имеет хотя бы малейшее понятие, как спасти Клариссу. Если, конечно, она еще жива... Меня пробрала дрожь, когда я подумала, что об этом уже нельзя судить с уверенностью.

– Кларисса сказала, у вас хорошие отношения с важными чиновниками, – сказала я. – Она хотела попросить вас обратиться к ним, чтобы помочь с освобождением Бартоломео.

– Если увидеть этого юношу на свободе – ваше обоюдное желание, я сделаю все, что в моих силах.

Якопо сунул руку в свою поясную сумку, вытащил крошечную резную фигурку святого и протянул ее мне. – Вот, эта вещь принесет тебе счастье. Тебе следует всегда носить ее с собой.

Я рассматривала подарок – он очень меня растрогал. Если я не перепутала, это был святой Себастьян. То, что его звали так же, как человека, чьего возвращения я отчаянно ждала, показалось мне хорошим предзнаменованием. Кроме того, святой Себастьян помогал от чумы, так что носить его с собой не повредит.

Я благодарно спрятала маленькую резную фигурку в свою сумку, ответив Якопо дружелюбной улыбкой. Хотя монна Матильда иногда вела себя как фельдфебель [\[24\]](#), ее муж был добрейшей души человеком. В это мгновение я поняла, почему Клариссу так тянуло к ним обоим. Во время ее вынужденного пребывания в прошлом, за две сотни лет до родной эпохи, ей могло повезти гораздо меньше.

– Присылай нам весточку в любое время, если тебе понадобится помощь, – сказал Якопо. – Без колебаний обращай к нам, если попадешь в беду!

Я поблагодарила их и направилась туда, где меня ждал Джино.

Обернувшись, я еще раз помахала монне Матильде и старому Якопо, а затем вместе с мальчиком отправилась в путь к следующей цели.

Джино еще раз подтвердил свою полезность. Он тут же вспомнил, как найти палаццо Тассини. Точнее говоря, будущее палаццо Тассини, ведь строительство только началось. Я только знала, что его возводят где-то рядом с мостом Риальто, и это не слишком упрощало задачу. Номера домов в эту эпоху еще не придумали. Чтобы указать нужное место, использовали такие описания, как «напротив церкви такого-то святого» или «в конце улицы Сапожников», причем к описанию улицы Сапожников добавляли еще описание близлежащей церкви, потому что улиц Сапожников была целая куча.

Но Джино не преувеличивал – он действительно отлично ориентировался в городе.

– Я недавно ходил посмотреть, как строят новое палаццо Тассини. Мне нравится наблюдать за рабочими, это так увлекательно, когда новые дома строят на воде.

Я вспомнила, что Маттео тоже говорил что-то похожее. Внезапно мне самой стало интересно. Как же людям в эту эпоху удавалось возводить дома прямо на воде, и притом дома, которые и пятьсот лет спустя стояли как ни в чем не бывало? Я с нетерпением ожидала возможности это узнать.

Джино провел меня по лабиринту улочек от Сан-Поло до Риальто. На площадях и мостах царила обычная суeta, люди повсюду куда-то спешили. Меня уже совершенно не удивляло, когда я видела, как венецианцы в старинных одеждах торопятся по своим повседневным делам. Впечатление чуждости, которое поначалу так сильно давило на меня, пугало и сбивало с толку, явно ослабло. Я едва обращала внимание на то, что нигде нет шумных моторных лодок. Машин в Венеции не было и в будущем, так что отличие было не таким уж резким. Только вечером, когда становилось темно, я намного отчетливее ощущала, что нахожусь в прошлом. Привыкнуть к отсутствию электрического освещения мне явно еще не удалось. Факелы и свечи – совсем не то же самое, что фонари и освещенные витрины.

– Вон, на той стороне, – сказал Джино. Он остановился у подножия деревянного моста Риальто.

И правда, вблизи подъема на мост толпа рабочих занималась укладкой фундамента. Я восторженно разглядывала стройку. Она была полностью огорожена дамбой, так что вода не могла ниоткуда просочиться. По периметру возвышались стены из дерева, земли и камней, и в образованном ими котловане шло строительство. Сотни высоких свай торчали из

илистого грунта. На них уже в ряд закрепили поперечные балки, которые служили основанием для стены. Вверх поднимались готовые ряды кирпичной кладки, выступавшие над уровнем воды. По широкому открытому участку в стене со стороны канала можно было догадаться, где будут располагаться водные ворота.

Двое рабочих усердно трудились над возведением задней стены будущего водного зала. Остальные строили наружные стены палаццо.

Я внимательно все осмотрела, и в конце концов мой взгляд остановился на дальней стене.

– Вот где послание отлично сохранится, – с воодушевлением сказала я.

– Мне передать его этим строителям? – спросил Джино.

– Ну да, – сказала я. – Собственно говоря, это послание... на потом. – Я подумала о том, как удобно оказалось бы, если бы все строители разошлись пообедать, предоставив мне возможность спокойно спрятать свой сверток воощеной ткани в удобном месте. Вряд ли мне стоило влезать на дамбу по лестнице со словами:

– Простите, ребята, но мне тут нужно найти удобное место, где я могу спрятать письмо, не отвлекаясь от работ.

Я напряженно размышляла, как незаметно спрятать письмо, если там постоянно снует столько народа. Вывод, в сущности, оказался совсем простым: ничего не выйдет.

Я подавленно уставилась на котлован. Затем я вздохнула. Нельзя сдаваться так быстро! *Должен быть* какой-то способ! В конце концов, мистер Бьярнигнокки нашел это письмо в будущем, так ведь?

Пока я предавалась размышлениям, слово взял Джино:

– Так мне сделать это или нет? – Похоже, он начал беспокоиться, что от него ускользнет последняя часть заработка.

– Дело в том, – нерешительно сказала я, показав ему свернутое послание, – что мне нужно спрятать это на стройке. И так, чтобы оно там... сохранилось.

– Послание, которое никто не должен получить? – На веснушчатом лице Джино отразилось сомнение.

По крайней мере, не в ближайшие пятьсот лет, хотела сказать я, но, похоже, опять сработал барьер, потому что я не произнесла ни звука.

– А, – сказал Джино, – теперь я понял! Это что-то вроде защитных чар? Я слышал о людях, которые проделывали подобное. При строительстве нового дома они приносили в жертву животных, а затем замуровывали их в фундаменте.

Он посмотрел на сверток.

– Там внутри мертвый зверек?

– Нет, только письмо. – Я с благодарностью ухватила за эту идею и добавила: – Ну, это такое письмо с защитными чарами.

– И его нужно там закопать?

– Да, но так, чтобы оно не намокло, иначе не сработает. Оно должно сохраниться, пока стоит дом.

– Тогда его нужно замуровать в стену, – предположил Джино.

– Точно, – согласилась я. – Я думаю, задняя стена водного зала подойдет. – Если ты с этим справишься... – Я внимательно посмотрела на него. – Я дам тебе в два раза больше, чем ты уже получил, если у тебя есть хорошая идея насчет того, как это сделать.

– Правда? – Он радостно посмотрел на меня. – Нет ничего проще. Давайте сюда. – Он забрал у меня из рук сверток и умчался прочь. Я ошеломленно наблюдала за тем, как он перебрался через стену, проник на стройку и подошел к одному из рабочих. Он что-то сказал ему и показал на меня. Рабочий проследил за его взглядом, и я с трудом подавила желание исчезнуть, но, похоже, рабочему стало лишь любопытно. Джино передал ему сверток, и тот сразу же взялся за мастерок (или инструмент, который использовали вместо него в эти времена) и вмуровал мое послание в ряд кирпичей, которые как раз сейчас клал.

Джино ловко выбрался из котлована и, сияя от радости, поспешил ко мне.

– Сделано.

Я едва могла поверить, что все получилось так легко.

– Что ты ему сказал?

– Ну, правду. Что вы принесли бережное письмо для дома и его нужно замуровать в стену.

– И он вот так просто согласился это сделать?

– Ну, конечно, сначала я ему сказал, что вы дадите за это сольдо. И дал ему деньги. – Джино слегка фальшиво улыбнулся. – И я сказал, что епископ благословил защитное письмо. Это чтобы он не решил, будто тут какое-то колдовство.

– Ты умный мальчик, – восхищенно сказала я, выуживая из кошелька пару монет. – Вот, за труды и за усердие. – Поскольку он столь изящно решил мою проблему, я дала ему явно больше, чем мы договаривались. Он снова улыбнулся до ушей, и я порадовалась, что он рад. – Джино, дружище, ты классный! – вместо этого получилось «ты товарищ превосходный», но не стоит придирается к мелочам.

Он стукнул себя по груди.

– Мадонна, я готов помочь, если снова что-то понадобится.

В какое-то мгновение я ощутила потребность защитить его. Или, по крайней мере, прижать его к себе и сказать ему, какой он замечательный мальчик. Вряд ли я смогла бы выговорить вслух, что ему довелось родиться в такие отвратительные, отсталые времена, когда нет ни школ, ни детских садов.

Неожиданно для себя самой я откинула вуаль и улыбнулась. Затем я спросила, где он живет. Просто на случай, если мне еще раз понадобится его помощь.

– В третьем доме по улице Красильщиков за церковью Мадонны дель Орто, – сказал он, а затем распрощался со мной, дружелюбно помахав рукой. Я смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

Прежде чем снова двинуться в путь, я еще раз посмотрела на стройку. Стена стала выше на еще один ряд кирпичей, и сверток с посланием был надежно спрятан до следующего тысячелетия. По крайней мере, пока мистер Бьярнигнокки не явится, чтобы найти его.

И тут у меня снова зачесалась шея. Лучше бы мне бежать отсюда, сверкая пятками, пока я не наткнулась на кого-нибудь, кто меня узнает. Кроме того, я решила, что за сегодня и так уже сделала немало, так что заслужила маленький перерыв, но прежде всего – подобающий обед. Я поспешно отвернулась от стройки и уже хотела зашагать прочь, но тут кто-то заступил мне путь – похоже, он специально подошел так, чтобы я его не заметила. Ужас сковал мое тело, так что я не могла сделать ни шага.

Альвис Малипьеро стоял передо мной, пристально глядя мне в лицо. Я мысленно обругала себя за то, что не догадалась снова опустить вуаль – иначе он, может быть, просто прошел бы мимо.

– Гляди-ка, – протяжно сказал он. – Мне кажется, ты снова на высоте.

Я сглотнула, вдохнула и задержала дыхание на случай, если мне придется громко закричать – вдруг ему придет в голову что-то сделать со мной у всех на виду.

Но он просто стоял на месте и смотрел на меня безжалостными темными глазами, от которых все живое обращалось в лед, стоило ему только задержать взгляд достаточно долго. Почему-то мне показалось, что до этого было по-настоящему тепло, а теперь руки и ноги внезапно начали мерзнуть. Конечно, все дело было в страхе, но от этого ощущения не становились менее настоящими.

И все же к моему ужасу примешивалось слабое чувство удовлетворения – моя «песня» не прошла для него даром. Его нос покраснел и распух, а вокруг ноздрей виднелась засохшая кровь.

– Конечно, ты уже спрашивала себя, почему ты очнулась живой и здоровой, – снисходительно и ласково произнес Альвис. Я ничего не ответила, и он столь же охотно продолжил: – Конечно, это произошло вовсе не по недосмотру, как ты могла подумать. Этого требовали обстоятельства, так что мне пришлось тебя пощадить. Хотя я и правда считал, что тебя было бы неплохо бросить в канал. С мешком на голове.

Я преодолела оцепенение. В конце концов, если он хочет поделиться этими сведениями, почему бы не воспользоваться возможностью? Никогда не помешает получить информацию о враге, а если уж сам враг хочет что-то рассказать о себе, тем лучше. Мне уже давно стало ясно, что у его поведения были какие-то причины, и мне не терпелось их выяснить.

– Что же это за обстоятельства? – выпалила я.

– Похоже, ты нам еще понадобишься. Как и Тревизан. Чтобы справиться с одной важной проблемой.

– Кто это говорит? Твой так называемый господин?

Он пристально посмотрел на меня.

– Я сам себе господин!

– Вот как? А кто же тогда решил, что я должна помочь вам справиться с какой-то проблемой? Не говоря уже о том, что я совершенно не планирую этим заниматься, так что тебе и твоему господину придется долго ждать. – Я хотела, чтобы эти слова прозвучали круто, но мой голос дрожал.

Альвис заметил это и рассмеялся.

– Ты, глупое создание. Ты что, веришь, что можешь на что-то повлиять? Ты и жива-то еще только потому, что поможешь нам кое-кого убить.

Я ошеломленно посмотрела на него.

– Да у тебя не все дома! Ты что, и правда веришь, что я сделаю что-то подобное?

– Когда придет время, ты сделаешь все, как предсказано.

– Кем же? – спросила я подчеркнуто небрежно, надеясь, что он случайно проговорится. Себастьяно сказал, что кто-то помогает Альвису путешествовать во времени. Должно быть, речь шла о хранителе, ведь только они были на это способны и знали, что будет происходить в будущем, в том числе и в измененных временных потоках, потому что видели это в своих магических зеркалах.

– Ты была бы весьма не прочь это узнать, да? – сказал Альвис. Он усмехнулся и покачал головой. – За секунду до смерти ты это узнаешь. Может быть.

Только когда он сделал шаг в мою сторону, я заметила, что он вытащил

свой кинжал. Прежде чем я успела отшатнуться, Альвис оказался так близко ко мне, что его камзол касался края моей вуали. Меня снова окатил запах мыла, чистой шерсти, кедра. Я бы с огромной радостью отпрыгнула назад, чтобы не чувствовать этого ненавистного аромата, но тогда я оказалась бы в канале.

На секунду я всерьез подумала, что мне и правда стоит предпочесть купание в жиже из водорослей дальнейшему общению с Альвисом, но он крепко схватил меня за концы платка, покрывавшего мои плечи. Острие кинжала, проникнув между складками ткани, оказалось у моего горла.

– Ты сам сказал, что я тебе еще нужна. – Я с отвращением расслышала в своем голосе нотки мольбы, но ничего не могла с ними сделать. Мой взгляд метался по сторонам. На берегу канала было немало людей, в том числе рабочих со стройки, но никто не обращал внимания на нас. Альвис ловко держал кинжал так, что его не было заметно со стороны.

– Разумеется, ты мне еще нужна. – сказал он. – Но никто не предсказывал, как ты при этом должна выглядеть. Например, тебе не помешают пара симпатичных дополнительных отверстий в твоем милом личике. После этого ты еще некоторое время проживешь.

Острие кинжала уткнулось мне под подбородок.

– Впрочем, я как никогда готов к переговорам. Например, давай договоримся, что я не буду тебя резать, а ты сообщишь мне, через какой временной портал в последний раз ушел Себастьяно. Или где ты спрятала маску.

– Я ее потеряла, – заявила я.

В то же мгновение я услышала рассерженный голос, который показался мне очень знакомым.

– Ах, вот ты где! Стоило только задержаться у лавки, а тебя уже и нет! – Это была Доротея. Я ее не видела, потому что она стояла за спиной Альвиса, но она появилась как по заказу, чтобы спасти меня.

– Доротея, дорогая, это ты! – сдавленно выговорила я.

В следующую секунду она появилась в моем поле зрения. Ее рыжие волосы волнами рассыпались под тонкой желтой шелковой вуалью – видимо, желтый был ее любимым цветом, – и от нее веяло духами, которые Кларисса подарила нам перед праздником у Тревизана. Она явно позаботилась о том, чтобы раздобыть добавки.

– Бога ради, чем это ты тут занят? – спросила она у Альвиса.

– Мне просто нужно немного порезать ей лицо, – равнодушно ответил Альвис. – Она не хочет выдавать мне то, что я хочу узнать. Но я непременно должен это выяснить, потому что это важно. Может, ты лучше

отойдешь подальше, чтобы не подслушивать? Иначе она мне ничего не скажет.

Он имел в виду барьер! Я хватала ртом воздух.

– Доротея... – умоляюще произнесла я.

– Ты умом тронулся? – накинулась она на него. – Скажешь тоже, порезать ее! – Она встала сбоку и осуждающе посмотрела на меня. – Кровь запачкает мой чудесный платок! Я же все это время хотела его забрать. – Она целеустремленно схватила платок, покрывавший мне плечи, сорвала его с меня и тут же отшатнулась.

– Ну вот, теперь изволь делать что угодно. Но лучше отойди вон под ту арку, там вас будет не так заметно. Я подожду на другой стороне, у моста.

– Доротея! – в ужасе выкрикнула я, но она уже поспешила прочь.

Альвис оттащил меня под арку.

– Теперь мы остались наедине. – Нож впился в мою кожу. – Говори, тварь!

– Я знал, что ты придешь, чтобы посмотреть на стройку! – Это был восторженный голос Маттиаса Тассельхоффа, известного как Маттео Тассини.

Кинжал исчез, не успев причинить вреда. Альвис быстро выпустил меня и сделал шаг назад. У него за спиной нарисовались очертания полной фигуры Маттиаса. Он стоял на улице, перед аркой, и недоуменно рассматривал Альвиса.

– Что вам нужно от Анны, Малипьеро?

– Он как раз собирался уйти, – быстро проговорила я. Мой голос дрожал, и я едва держалась на ногах, потому что от облегчения у меня подгибались колени.

– Верно, – Альвис любезно улыбнулся. – Для этого разговора мы найдем время позже. – Он повернулся на каблуках и, широко шагая, двинулся прочь.

– Чего этот парень от тебя хотел? – нахмурившись, спросил Маттиас. – Вроде он был недавно на празднике Тревизана? Мне кажется, он и тогда в водном зале к тебе приставал, может такое быть?

– Приставал – это не совсем подходящее слово, – сказала я.

– Какое же тогда подходящее?

«Убить», – подумала я. Но произнести это вслух я не могла – из-за барьера.

– Он просто... разозлил меня, – сказала я. – Своими... кхм, дурными манерами. На случай, если ты спросишь, что я о нем думаю: я его терпеть не могу. – По крайней мере, это я могла сказать вслух.

- Откуда ты вообще его знаешь?
- Ах, это долгая история... А откуда *ты* его знаешь?
- Он наш сосед.

У меня во рту пересохло.

- Хочешь сказать, он здесь живет?

– Нет, рядом с нашим старым домом, на Кампо деи Мори. И я тоже не могу сказать о нем ничего хорошего. Мне часто кажется, что в нем есть что-то жуткое, хотя я не знаю, что именно. – Он любезно протянул мне руку, чтобы я, совсем как благородная девица, могла опереться на нее.

Недолго думая, я так и поступила, просто чтобы удержаться на ногах. После нападения Альвиса меня не отпускала дрожь, и я лишь вполуха слушала Маттео, который пространно рассказывал мне о том, как продвигается строительство палаццо. Мне казалось, что я все еще ощущаю прикосновение металлического острия к своей коже. Потрясение от безжалостного поступка Доротеи тоже прошло не сразу. Одновременно я ломала голову, пытаюсь представить, как же я могу оказаться в ситуации, когда я невольно помогу убить Тревизана. В том, что речь идет именно о нем, я ни капли не сомневалась. Конечно, я никогда не совершу столь страшный поступок по доброй воле, поэтому мне было сложно рассуждать о том, какие обстоятельства заставили бы меня это сделать. Я готова была поклясться, что никакие. Даже если это будет стоить жизни мне самой! А на этот счет, как я теперь убедилась, мне следует быть особенно внимательной – до этого вполне может дойти. Лучше всего вообще не подходить близко к Тревизану. По крайней мере, чтобы не вышло, что я неосторожно подставлю ему подножку и он свалится с лестницы и сломает шею. Или что я что-нибудь не то скажу, он разволнуется, и его разобьет инфаркт. С этими путешествиями во времени что угодно может случиться.

– ...тоже не отказалась бы от небольшого подкрепления? – донесся до моих ушей голос Маттиаса.

- Прости? – спросила я.

– Я ощущаю легкий голод, – учтиво сказал он. – Я спрашиваю, не расположена ли и ты подкрепиться некоторым количеством пищи. В таком случае мы могли бы приобрести что-то у уличного повара вон на другой стороне, там очень вкусно.

– О, с удовольствием. – Появление Альвиса основательно отбило у меня аппетит, но я была рада любой возможности отвлечься.

По-прежнему опираясь на Маттиаса, я вместе с ним подошла к прилавку с едой. Уличный торговец соорудил небольшой гриль, на котором были разложены ароматные куски жареного цыпленка. Здесь же продавался

и свежий белый хлеб.

Я растерянно слушала, как Маттиас приказал продавцу нарезать куски хлеба треугольниками и положить между ними мяса. Результат подали на деревянном подносе, и он выглядел как те самые трамечини. Которые мы в будущем ели вместе с Маттиасом на Кампо Санто-Стефано.

– Как же это потрясно, – сказала я (получилось «в высшей степени удивительно»).

– Мне кажется, так вкуснее, – сказал Маттиас. А потом задумчиво добавил: – Не знаю почему. Но есть хлеб мне больше всего нравится так. И меня всегда радует, когда я иду к этой лавке и прошу подать мне его треугольниками. Несмотря на то, что другие иногда находят это своеобразным.

Он расплатился с торговцем, мы сели на сруб колодца и принялись поглощать наши трамечини, именно так, как делали бы это пятьсот лет спустя. То есть сделали. Ах, к черту эти времена!

– Мне тоже кажется, что так вкуснее всего, – согласилась я. – Неважно, даже если другие находят это своеобразным!

– Иногда у меня появляются и другие своеобразные идеи, – решил довериться мне Маттиас. – Например, я чищу зубы в среднем три раза в день. Это будто внутреннее побуждение, особенно если я ем сладкого.

– О, это нормально, – сказала я. – Я тоже так делаю. – Но тут же смущенно добавила: – Случается, что я забываю или у меня нет времени.

– Правда? – Он подумал. – Вот моя мама тоже так же делает, но больше я никого не знаю, кто бы так поступал.

– В любом случае это только на пользу, – сказала я. – Против гнилых зубов и тому подобного. – Собственно говоря, я хотела сказать «кариес», но суть была в общем-то та же.

– Знаешь что, я мечтаю, чтобы все люди начали регулярно чистить зубы. Я считаю, что многие проблемы людей происходят от плохих зубов. Если бы люди лучше заботились о зубах, они точно стали бы здоровее.

Эти слова поразили меня. Он явно прихватил из будущего свою любовь к стоматологии. Только здесь он, к сожалению, не мог стать зубным врачом, потому что эту работу сейчас выполняли цирюльники, а инструменты у них были не лучше, чем у какого-нибудь жестянщика.

Мы сидели молча, глядя на Гранд-канал, где разноцветным потоком проплывали лодки, плоты и гондолы. Уютно светило солнце, воздух был приятным и мягким. Хлеб оказался свежим и хрустящим, а цыпленка приправили пряностями. Если бы обстоятельства не были такими ужасающими, я бы почувствовала себя прекрасно.

Мирную картину вдруг разрушила женщина, которая позвала Маттиаса:

– Маттео! Что ты там делаешь?

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы догадаться, от кого исходит этот вопрос. Брюзгливый тон человека, который лучше знает, как надо, было ни с чем не спутать. И, разумеется, в следующее мгновение перед нами появилась Юлиана Тассельхофф, известная как Джулия Тассини, и окинула своего сына осуждающим взглядом.

– Ты должен следить за тем, как работают строители, а не лентяйничать, сидя на солнце!

При этом она взглянула на меня, будто я как-то подло разыграла Маттео.

– Это, случайно, не та девочка, у которой с головой непорядок? Как там ее зовут? Анна?

– Мама, я тебя умоляю, – сказал Маттиас, которого это явно задело. Немного увереннее он продолжил: – Ты же видишь, что строители работают прилежно. Они не любят, когда кто-то постоянно смотрит им под руку.

Возможно, он еще надеялся, что его мама снова уберется, но она стояла, словно приросла к месту, и не спускала с нас глаз.

Трапецини и солнце больше меня не радовали. Я поднялась и отряхнула пыль с платья.

– Мне пора идти. Было приятно встретиться с тобой, Маттео. Может, однажды мы снова увидимся.

Это прозвучало так, будто я считала, что мы прощаемся навсегда. Я почувствовала, что у меня в глазах стоят слезы, и поспешно опустила вуаль, чтобы никто этого не увидел. Маттиас Тассельхофф был единственным, что связывало меня с родным временем. Он родился в том же году, что и я. Даже если он больше никогда не сможет вспомнить о своей прежней жизни, встреча с ним была для меня как спасательный трос. Если я сейчас уйду, эта связь оборвется.

– Передавайте привет вашему дорогому супругу, – вежливо сказала я Юлиане Тассельхофф. – И желаю вам счастья в новом доме. Пусть он во всей красе простоит не одно столетие.

Это, конечно, было в моих собственных интересах, но почему бы не пожелать такого Тассельхоффам? Хотя бы ради Маттиаса, которому я от души желала счастливой жизни.

Внезапно я сказала ему:

– Насчет зубов – не давай никому себя переубедить. Я с тобой

полностью согласна: многие люди чистят их недостаточно часто. Особенно вечером!

С этими словами я развернулась и поспешила прочь.

Следующие дни тянулись тоскливо и без событий. Самое напряженное, что случалось в моей жизни, – это попытки торговаться с монной Фаустиной. За каждый обломок мыла, каждое чистое полотенце и каждое ничтожное сушеное яблоко она требовала бешеные деньги. Я делала все возможное, чтобы справиться с ее жадностью, но мне нужно было есть и мыться, так что мои сбережения быстро таяли. До следующего поворота луны их хватит, но если Себастьяно не появится к этому моменту, меня ждут мрачные перспективы.

Опасаясь снова наткнуться на Альвиса, я почти не выходила за дверь. Я была убеждена, что он постоянно следит за местами, где я могу появиться. Раз в несколько дней, тщательно скрывшись за вуалью, я ходила к магазину масок, но он по-прежнему выглядел покинутым, а дверь была заперта.

Так что большую часть времени я сидела в душном, спертom воздухе на чердаке монны Фаустины, ожидая возвращения Себастьяно.

Часто я вспоминала о Барте, беспокоясь о том, выбрался ли он из тюрьмы. Судя по тому, что я слышала раньше, в темнице с людьми не слишком церемонились. Для «Amnesty International» здесь нашлось бы предостаточно работы.

Но больше всего я переживала за Клариссу. Иногда я гадала, жива ли она вообще. В результате мне становилось так тоскливо, что я забиралась в кровать и редела.

Кроме того, мне было ужасно жалко саму себя. Мысль о том, что я, возможно, застряну здесь надолго, удручала меня. Через пару дней я уже не знала, что хуже пахнет – моя одежда или я сама. И все-таки я спрашивала себя, смогу ли я однажды к этому привыкнуть. Впрочем, ответ был один: «нет».

Под конец даже те жалкие возможности ухода за собой, которые у меня были, потеряли смысл, потому что поворот луны приближался, а Себастьяно не приходил. Теперь я больше переживала не о том, что он может опоздать, а о том, что он вообще мог не выжить. Он больше не вернется, Хосе и Эсперанца – тоже не вернутся, и я так и останусь здесь!

Я все чаще плакала и пребывала в таком подавленном состоянии, что перестала торговаться с монной Фаустиной за хлеб, сыр или свежие полотенца, в результате чего я почти перестала есть и прекратила мыться.

Наконец, до поворота луны осталось только три дня, потом два, потом

один. А потом пришло время, когда я должна была покинуть эту эпоху. Наступил вечер, и я начала отсчитывать часы. Я не знала точно, сколько сейчас времени, но не сомневалась, что поворот луны приходится на эту ночь. Я посчитала несколько раз и была уверена, что не ошиблась.

Но это больше не имело значения, потому что мне придется провести в этом отвратительном прошлом еще две недели, до следующей смены лунных фаз. А затем, что в высшей степени вероятно, и остаток своей жизни.

В отчаянии я плакала, пока не уснула.

* * *

Мне приснился безумный сон, в котором Себастьяно стучался в дверь монны Фаустины. Монна Фаустина открыла ему и немного поворчала, потому что он вытащил ее из постели, когда она спала, но затем она стала приветливее и даже сказала, что он ее самый любимый арендатор, которого она ценит уже хотя бы за его щедрость.

Она тут же добавила, что супруга Себастьяно ведет себя совсем иначе, ее можно даже назвать скупой.

Супруга слышала сквозь сон каждое слово, но ей (то есть мне) было совершенно безразлично, что монна Фаустина считает меня скупой. Напротив, это я считала ее жадной, так что мы друг другу соответствовали. Нет никаких оснований из-за этого злиться.

В моем сне Себастьяно поднялся по лестнице.

– Я снова здесь, – сказал он.

Тогда я проснулась и вскочила.

И громко вскрикнула, потому что увидела, что Себастьяно стоит рядом с моей кроватью. В руке он держал свечу, которая снизу подсвечивала его лицо.

– Ты снова здесь! – запинаясь, я констатировала очевидное.

– Говорю же.

Я снова начала плакать, не в силах сдержаться.

– Ты скучала по мне? – спросил он.

– Не воображай тут себе, – всхлипнула я.

Он поднял бровь.

– Мне снова уйти?

– Только посмей!

Я выкарабкалась из кровати, чтобы получше его рассмотреть. Его лицо

казалось немного побледневшим, но других следов болезни заметно не было. Его синие глаза были ярче, чем когда-либо, и его дерзкая улыбка тоже вернулась. Маттиас порадовался бы от души, увидев его сверкающие белые зубы, а его бессовестно привлекательное лицо производило такое же впечатление, как и при первой встрече: это было лицо победителя. Ему не нужна была футболка с надписью, это и так было ясно.

– Ты выглядишь... здоровым, – сказала я. Это прозвучало глуповато и беспомощно.

– Неудивительно. У них там полно мазей и таблеток.

Внизу хлопнула задняя дверь, а значит, монна Фаустина направилась в направлении уборной, так что мы могли еще немного поговорить без лишних свидетелей. И это было весьма удачно, потому что я сгорала от нетерпения, мечтая узнать, что с ним случилось за это время.

– Ты был в больнице? – спросила я.

Он кивнул.

– Восемь дней, причем два первых – в реанимации.

– Ох, – испуганно сказала я. – И что же у тебя было?

– Воспаление легких. На самом деле они хотели оставить меня еще на пару дней, для наблюдения. Но я попросту сбежал.

Во мне словно что-то растаяло.

– Ох, – слабо сказала я. – Ты это сделал специально для меня? Чтобы мне не пришлось болтаться тут еще две недели?

– Кхм... ну, пожалуй, точнее сказать, я сделал это из-за твоего письма.

– Ты прочитал его? – недоверчиво спросила я.

Он кивнул.

– Хосе показал мне копию, когда я лежал в больнице. Кто-то прислал этот документ на адрес нашего факультета, чтобы мы проверили его подлинность.

Я ощутила воодушевление.

– Так это и правда работает! – Я рассказала ему, как мне удалось все это проверить. В ответ на это он покачал головой и сказал, что кто-то мне наверняка в этом помогал.

Я взволнованно перебила его:

– Тогда ты уже знаешь, что случилось с Клариссой и Бартом! И что Тревизан исчез!

– И это тоже причина, по которой я вернулся раньше. Мы с Хосе вскоре об этом позаботимся.

– А как насчет того, чтобы сначала побыстрее вернуть меня домой, раз уж все так удачно получилось? – осведомилась я, а затем пояснила: –

Сегодня ночью – поворот луны. Я точно посчитала и хочу наконец попасть обратно.

Он нахмурился.

– Хм... конечно. Если ты хочешь. Красная гондола пришвартована в водном зале в доме Мариетты. И Хосе тоже там. – Его взгляд смягчился. – Кстати, эта идея с письмом – просто гениальная. Ты такая замечательная девушка, Анна.

Я почувствовала себя в высшей степени замечательной – точнее сказать, замечательно немытой. Хотя казалось, что это совершенно не мешает Себастьяно. Он взял меня за плечи и посмотрел на меня долгим взглядом.

– Анна, я очень рад снова тебя видеть.

Наши взгляды встретились. Внезапно мне стало трудно дышать. Он стоял слишком близко ко мне.

– У меня нет чистой одежды, – жалобно сказала я. – У меня нет ни гроша, а вонь от меня поднимается до небес.

Вместо ответа он прижал меня к себе и поцеловал. Когда наши губы соприкоснулись, у меня мелькнула мысль, что он точно вот-вот потеряет сознание от моего запаха. Но ничего такого не случилось – вместо этого он поцеловал меня еще настойчивее, и тогда я наконец перестала думать и от всей души ответила на его поцелуй.

Возможно, в следующий момент мы вместе опустились бы на кровать, но тут монна Фаустина позвала нас снизу:

– Не хотите ли вы еще поесть? Я купила свежую салями! Я могу выделить вам кусочек по льготной цене!

Себастьяно, помедлив, отстранился от меня и крикнул вниз через плечо:

– Мы сами о себе позаботимся, спасибо! Кроме того, мы немедленно съезжаем!

Я шумно выдохнула. У меня задрожали колени.

– Это самые прекрасные слова, которые я когда-либо от тебя слышала.

Он улыбнулся.

– Правда? А я думал, тебе понравилось, как я сделал комплимент твоим золотым волосам.

Я невольно рассмеялась, хотя еще нетвердо держалась на ногах после поцелуя. Я поспешно надела наименее грязную гамурру поверх нижнего белья, а затем всунула ноги в ботинки. Попыталась причесаться, но быстро отказалась от этой затеи. Волосы были просто слишком запутаны. Завтра утром я вымою их по меньшей мере пять раз, а затем вылью на них

двойную порцию кондиционера. А потом побыстрее забуду, в каком состоянии они находились последние недели.

– Итак, готово, – сказала я. – Как по мне, можно двигаться в путь! – Я неуверенно посмотрела на него. – Ты ведь пойдешь со мной, или нет?

– Конечно. Я привез тебя сюда, так что я доставлю тебя обратно.

Я почувствовала облегчение.

– Тогда все в порядке.

На самом деле я твердо решила в это поверить. Пока что я запретила себе думать о том, как мы с Себастьяно будем общаться после моего возвращения. Все как-нибудь устроится. Совершенно точно. Но до этого нужно было сделать еще несколько важных вещей. Например, помыться. Позавтракать в отеле с мамой и папой. Тост с «Нутеллой», булочка с мармеладом. Какао. Апельсиновый сок. И, в конце концов, шоколад и мороженое, пока мне не поплохее.

Себастьяно осмотрелся по сторонам.

– Все эти вещи мы оставим здесь, тебе они больше не понадобятся.

– О! Подожди.

Я поспешно вытащила маску из своего сундука.

– Я возьму ее с собой.

Я сунула ее в свою поясную сумку, где уже хранились оставшиеся у меня пара монет и подаренная Якопо фигурка святого.

– Ты потеряешь ее на обратном пути, – слова Себастьяно заставили меня задуматься.

– Тогда, по крайней мере, она не попадет в руки к Альвису.

– Как ты до этого додумалась?

– Он хотел узнать, где я ее храню.

Себастьяно повернулся ко мне:

– Что? Ты его видела? Когда?

Я прислушалась, не шумит ли кто внизу, а затем шепотом рассказала ему о своей встрече с Альвисом и Доротеей рядом со строящимся палаццо Тассини.

Он молча выслушал меня. Его лицо становилось все мрачнее. Когда я закончила, он выглядел так свирепо, что почти пугал меня.

– Этот парень еще пожалеет, что появился на свет, – сказал Себастьяно. – Об этом я позабочусь лично. – Его голос прозвучал хладнокровно, но одновременно в нем слышалась смертельная решительность. Если бы Альвис сейчас случайно оказался поблизости, он точно отказался бы от борьбы.

Меня встревожила мысль, что Себастьяно в конце концов снова

встретится с кинжалом Альвиса. С другой стороны, мне показалось, что он хотел напасть на Альвиса ради меня. Слово «Страж» приобрело для меня совершенно новое, реальное значение.

Как бы то ни было, я была рада, что мне не нужно больше бояться. А еще я радовалась тому, что наконец-то отправляюсь домой.

Монна Фаустина поджидала нас внизу, скорчив жалобную мину. Она объяснила, что мы должны заплатить еще и квартплату за следующую неделю, потому что наш отъезд оказался таким неожиданным.

– Если бы я знала, что вы уедете прямо сейчас, я бы уже нашла новых жильцов.

– Мы оплатим один дополнительный день, но только из вежливости, – заявила я. – И еще нам нужен хороший кусок сыра. Разумеется, свежего, а не того, который остался с прошлой недели. – Я заметила удивленный взгляд Себастьяно и откашлялась. – Я не ужинала.

– Вы меня разорите! – возмутилась монна Фаустина, хотя это не помешало ей достать то, что мы попросили, и проворно схватить и припрятать в кошелек монеты, которые протянул ей Себастьяно.

– А что с вашими вещами, вы берете их с собой? – спросила она.

– Они нам больше не нужны, – сказал Себастьяно.

После этого монна Фаустина принялась прощаться с нами намного дружелюбнее, чем можно было бы ожидать от нее при нормальных обстоятельствах. Мне даже показалось, что я разглядела в ее лице намек на улыбку, когда мы уже уходили.

– В одном я уверена, – сказала я, когда мы вышли на улицу, откусывая сыр и хлеб, – эта женщина по-настоящему умеет торговаться.

– Ты тоже, – с улыбкой сказал Себастьяно.

– В эти времена одинокой женщине ничего другого не остается, – объяснила я. Сначала я хотела лишь пошутить, но только произнеся эти слова, осознала, насколько они попали в точку.

Себастьяно тоже отломил себе кусок хлеба с сыром, потом снова я, так что мы все съели, даже не дойдя до пристани.

Мы забрались в пришвартованную гондолу. Пока Себастьяно искусными движениями вел ее по лабиринту ночных каналов, я сидела на скамье и украдкой смотрела на него. Его было видно не особенно хорошо, потому что свеча находилась на другом конце лодки. Факелы и фонари, которые горели на берегах канала, давали лишь немного света. И все же от меня не ускользала ни одна деталь его облика. Его угрюмое лицо, очертания могучих плеч, контуры ног. Я даже видела слабые искры в его глазах и спрашивала себя, о чем он думает, раз за разом погружая весло в

воду и глядя в темноту у меня над головой.

Размышлял ли он о том, как вызволить Барта из тюрьмы и выяснить, что случилось с Тревизаном и Клариссой? Как ему перехитрить Альвиса и окончательно победить его?

На месте Себастьяно я бы не смогла думать ни о чем другом и вся бы взмокла от страха. Но я была не на его месте, я была лишь девушкой, которая случайно оказалась в прошлом. Я внесла свой вклад в историю и спасла человека, который оказался в центре событий. Я достаточно вынесла и достаточно рисковала. Следовательно, я имею право вернуться домой и зажить своей жизнью.

Я никак не могла понять, откуда взялось это странное чувство. Почти что угрызения совести. Хотя это, конечно, совершенно невероятно – ведь на то не было никаких разумных оснований. Ни единого.

Я решительно распрямила плечи и упрямо смотрела вперед, пока на берегу не показался дом куртизанок.

Себастьяно пришвартовал гондолу к одному из столбов, а я выбралась на набережную и подождала, пока он не поднимется следом. Мы не произнесли ни слова, идя к воротам. Громче, чем необходимо, Себастьяно постучал в дверь. Нам открыла сама Мариетта.

– Наконец-то, вот и вы! – Несмотря на поздний час, она выглядела блестяще и, прежде всего, приятно пахла. Ни намек на грязь. В качестве приветствия она обняла меня и поцеловала в щеку. При этом она ни разу не наморщила нос, что я высоко оценила.

– Я приказала приготовить для вас ванну и принесла свежую одежду.

– Это офигительно! – воодушевленно воскликнула я. Прозвучало более похоже на «Что за непомерное благодеяние с вашей стороны!» – но, так или иначе, я высказалась от чистого сердца. Помедлив, я взглянула на Себастьяно.

– Значит ли это, я не знаю...

– У нас еще достаточно времени, – перебил он меня.

– И в доме нет посторонних мужчин, – сказала Мариетта. – Сегодня ночью нет никакого праздника.

– О, это... В этом не было никакой необходимости, – сказала я.

– Она отменила его не из-за тебя, – сообщил мне Себастьяно. – А потому, что сегодня воскресенье.

– В этот день мои девочки и я свободны, потому что так положено, – добавила Мариетта.

Я смущенно кивнула. Я вовсе не хотела об этом знать в таких подробностях.

Служанка провела меня на верхний этаж, в ту же комнату с кроватью под балдахином, где я уже однажды переночевала. После тоскливых недель на чердаке монны Фаустины эта роскошь просто поразила меня. В камине уютно горел огонь, а перед ним стояла внушительная лохань для мытья, наполненная водой, от которой шел пар. До меня донесся какой-то соблазнительный восточный запах. Кто-то решил хорошо позаботиться обо мне и добавил в воду для мытья парфюм.

Служанка предложила помочь мне раздеться и помыться, но я снова объяснила ей, что справлюсь сама. Как только она покинула комнату, я заперлась на засов. Затем я разделась как можно быстрее. Сбросив на пол пропотевшие и перепачканные вещи, я забралась в лохань и невольно застонала – не только потому, что вода была очень горячей, но и потому, что это было невероятно приятно. Учитывая, что я всю неделю мечтала о нормальном душе, теперь мне следовало признать, что и настоящей горячей ванной тоже не стоит пренебрегать. Точнее говоря, пренебрегать ею было бы совершенным безумием. Пожалуй, даже лучше душа.

Я вздохнула и соскользнула поглубже в лохань, позволив себе немного насладиться теплом и приятным запахом.

Рядом стоял столик с чистыми полотенцами и мыльницей. Мыло пахло весенними цветами и многообещающе пенилось, когда я принялась оттирать им кожу и волосы. Без сомнений, после этой процедуры я почувствую себя так свежо, как уже давно не чувствовала.

Я несколько раз погрузилась под воду и смыла с себя пену, а затем повторила процедуру еще раз, потому что она была весьма приятной. После этого я отчетливо поняла: теперь я всегда буду рассматривать мытье головы не как вынужденную надоедливую необходимость, а как настоящую привилегию. Когда я следующий раз получу карманные деньги, я куплю себе десять разных шампуней и буду использовать их один за другим. Часами. По-настоящему наслаждаясь этим.

Я еще некоторое время сидела в слегка помутневшей воде и мечтала о доме. Через некоторое время вода немного остыла, а в мои мечтания просочились недобрые мысли. Например, о том, что я вернусь в Германию вместе с родителями и, возможно, больше никогда не увижу Себастьяно. Представлять это было по-настоящему больно, так что я быстро прогнала мысли прочь. Затем я выбралась из ванны, немного расплескав воду, и энергично вытерлась насухо лежащим наготове полотенцем. На комод я нашла и другие предметы гигиены, в том числе расческу и разнообразные горшочки. В одном из них оказалось что-то вроде лосьона для тела, по крайней мере, у него был подходящий запах, так что я щедро натерла им

руки. С помощью расчески я распутала волосы, которые после ванны стали удивительно чистыми, но, к сожалению, остались такими же свалывшимися. Мне понадобилось немало времени, чтобы справиться с колтунами. Наконец, я принялась заплетать косу, вспоминая о том, как мыла голову вместе с Клариссой.

Внезапно я ощутила еще один укол совести, потому что я всю наслаждалась ванной, даже не думая о том, где же сейчас Кларисса. Альвис сказал, что она еще должна сослужить ему хорошую службу, как и Тревизан. Какие убийственные планы вынашивал он насчет этих двоих? Определенно эти планы не обещают нам ничего хорошего.

Я сразу же торопливо оделась. Должен же быть способ одолеть Альвиса! И, прежде всего, освободить Клариссу, Барта и Тревизана!

Горя от нетерпения и желания обсудить все это с Себастьяно, я чуть было не схватила вонючие тряпки, которые сбросила на пол рядом с ванной. Только сейчас – как раз вовремя – я заметила обещанную свежую одежду, разложенную на кровати, – пахнущее свежестью нижнее белье как раз подходящей длины, одеяние из синего шелка со шнурами с золотой нитью и тонкие чулки, которые нужно было закрепить лентами выше колена.

В отличие от моего первого появления в этой комнате, на этот раз я без раздумий надела предложенные вещи. Ношеную одежду я оставила лежать на полу. Я прихватила только пояс, потому что на нем по-прежнему висела моя сумка.

Я быстро оглядела себя в зеркале и решила, что в моде эпохи Ренессанса, пожалуй, что-то есть. В такой одежде женщина может выглядеть весьма симпатично. Сначала все это казалось мне очень старомодным, но постепенно я оценила фасон струящихся шелковых одеяний в сочетании с белым нижним платьем. Так или иначе, все это скоро останется в прошлом. Завтра я снова буду расхаживать в джинсах и футболке, а когда я захочу сказать слово «*айпод*», оно прозвучит так, как надо, вне зависимости от того, кто меня слышит.

Бросив последний взгляд на зеркало в золотой раме, я отправилась на поиски Себастьяно. Мне не пришлось долго его искать, потому что из портего доносился его голос. Себастьяно был в помещении поменьше, рядом с большим залом. Сквозь прикрытую дверь я отчетливо слышала, что он говорит. Я невольно остановилась.

– Если бы мы только знали, что он хочет с ними сделать!

– В любом случае она ему еще нужна, иначе бы он не оставил в живых их обеих.

Это говорил Хосе.

– Мы должны вызволить Клариссу оттуда как можно быстрее! Зачем ждать, если мы можем осуществить это немедленно?

Это был Барт! Его выпустили из тюрьмы!

Недолго думая, я распахнула дверь и ворвалась в комнату.

– Бартоломео! Ты снова здесь!

Барт поднял на меня взгляд и улыбнулся. Вместе с Себастьяно и Хосе он сидел перед камином. С первого взгляда казалось, что он хорошо перенес заключение, но, присмотревшись внимательнее, я заметила, что он сильно похудел. Похоже, ему там давали не слишком много еды. Потом я заметила припухлости у него на лбу – видимо, следы от удара подсвечником. Над бровью виднелся переливающийся всеми цветами синяк вокруг рваной раны, которая только начала заживать. Но, несмотря на это, он, похоже, хорошо себя чувствовал. Он даже недавно побрился, что я считала хорошим знаком.

Я широко улыбнулась ему.

– Значит, старику Якопо все-таки удалось этого добиться!

– Якопо? – спросил Барт.

Себастьяно откашлялся и с кислым выражением лица добавил:

– Я не хотел бы выглядеть мелочным, но за его освобождение благодарить нужно *меня*.

Я потрясенно уставилась на него.

– Правда? Как тебе это удалось?

– С помощью золотых монет можно добиться почти чего угодно, – сказал Хосе. – К счастью, их в нашем распоряжении предостаточно. В конце концов, должна быть какая-то польза от наблюдения за историческими ценностями. – Он улыбнулся и прищурил здоровый глаз. – Кстати, я восхищен вашим сообщением. Я был в высшей степени удивлен, когда его увидел.

– Какое сообщение? – спросил Барт.

Я открыла рот, чтобы объяснить ему, но мне не удалось ничего выговорить.

– Я не могу этого тебе рассказать, – с некоторой растерянностью сказала я.

– Барьер, – пояснил Себастьяно.

Сначала Барт будто рассердился, но потом, смирившись, пожал плечами.

– Никто мне ничего не говорит. Как обычно. Я считаю, что будет опасно и дальше сидеть тут и ждать, пока Тревизан и Кларисса находятся

во власти Малипьеро. Мы знаем, где он держит ее взаперти, так что мы должны...

– Вы знаете это? – растерянно сказала я. – Где же они?

– В доме в Джудекке, – сообщил Хосе.

– Но почему вы тогда еще не...

Себастьяно перебил меня:

– Мы знаем, когда наступит решающий час. Пока что мы должны ждать, потому что до этого времени мы ничего не сможем предпринять.

– Когда же это? – спросила я.

– На рассвете, – сказал Себастьяно. – А пока мы можем доставить тебя домой. После мы сразу же поплывем к Джудекке.

– Но Малипьеро не дадут легко застать себя врасплох, – вставила я. – Они наверняка поставили стражу!

– В решающий час это не играет никакой роли, – сказал Хосе.

– Что же это значит? – спросила я. Мне становилось плохо от мысли, что Себастьяно должен будет выступить против превосходящих сил, и на его стороне будет лишь одноглазый старик-испанец и Барт, который еще не оправился после тюрьмы.

– В решающий час все зависит лишь от того, о чем было известно заранее, – ответил Хосе на мой вопрос.

Если это и было объяснение, я в нем ничего не поняла.

– Верно, – продолжил Себастьяно, который, кажется, заметил, что я не поняла абсолютно ничего. – Но важно, чтобы мы оказались в нужное время в нужном месте. Судьба указала, что мы должны быть там. Все остальное проявится после. Мы сделаем то, что должны, – или погибнем.

Под словом «судьба» он имел в виду «зеркало», я догадалась об этом по тому, как он слегка замешкался, произнося это слово. Барьер действовал, потому что рядом был Барт.

– Но не помешает нанять пару крепких мужчин, которые поддержат нас, если дело дойдет до драки!

Хосе покачал головой.

– С нами не должно быть чужих людей.

Я недоверчиво переводила взгляд с него на Себастьяно. Разве они не понимают, что сами лезут на рожон? Проклятое зеркало показало им, что они рискнут в одиночку войти в логово льва, и потому они собираются так и сделать! Но разве это не глупо? Почему они не могут просто проигнорировать зеркало и сделать по-своему?

– Не получится, – сказал Себастьяно. Он наблюдал за мной и поэтому, как это уже не раз случалось, угадал, о чем я думаю. Похоже, мои мысли

без труда читались на моем лице.

– Можно по крайней мере попытаться, – упрямо сказала я.

Хосе усмехнулся. Его исчерченное старческими морщинами лицо приняло веселое выражение.

– Многие уже пытались пойти против predetermined судьбы, бесчисленное множество раз. Послушай старого человека, милое дитя, из этого ничего не выйдет.

– Если вы все так хорошо понимаете – почему вы тогда не знаете, чем все кончится?

– Потому что время, которое наступит после решающего часа, скрыто во тьме, – туманно ответил он.

– Оно проявится только после того, как все будет кончено, – добавил Себастьяно.

– Ты можешь погибнуть!

– Конечно могу.

«Я не согласна!» – едва не выкрикнула я, но вместо этого плюхнулась на свободное кресло и уставилась в огонь. Над нами повисло жутковатое молчание.

Только чтобы что-то сказать, я выпалила первый пришедший в голову вопрос:

– А сколько сейчас времени?

– Только что позвонили к утрени, – сказал Барт.

Другими словами, недавно был час ночи.

– Если хочешь, можешь поспать еще часок, – предложил Себастьяно. – Или что-нибудь съесть.

– Я не устала. И не голодна.

– А я – напротив. Если чутье меня не обманывает, от ужина еще осталось жаркое. Я пойду загляну в кухню, – сказал Хосе.

Следом встал и Барт.

– Я бы тоже перехватил кусочек. В тюрьме кормили только обедками. – Он подмигнул мне. – Увидимся после. Конечно, мы еще попрощаемся перед твоим отбытием.

Вместе с Хосе он вышел из комнаты, и мы с Себастьяно остались наедине.

Я осторожно избегала его взгляда. Но из-за этого мои глаза обратились на роскошную кровать с резными столбиками, которая возвышалась у него за спиной и, без сомнения, предназначалась для того, что происходило здесь в остальные дни, кроме воскресенья. Внезапно мне стало трудно дышать.

– Ты выглядишь очень мило, – сказал Себастьяно.

– Ну... это после мытья. – Я по-прежнему смотрела в пол, это было надежнее всего.

– Анна, – Себастьяно встал с кресла и подошел ко мне. – Мне будет тебя не хватать, когда ты вернешься в свое время. – Он присел передо мной, так что его лицо оказалось на одной высоте с моим. – Ты не против, если мы встретимся позже?

Теперь я, конечно, подняла взгляд на него.

– Да, конечно, в любом случае! – выпалила я, и мой голос прозвучал так восторженно, что мне самой стало неприятно. Но я не могла говорить иначе, потому что Себастьяно был слишком важен для меня.

– Я могу дать тебе свой мобильный номер, если захочешь, – решительно сказала я. – И в «Фейсбуке» я тоже есть! – Я примолкла, потому что мне показалось смешным в этой обстановке и в этой одежде говорить о мобильных и «Фейсбуке», но в то же время с этими словами ко мне вернулась часть моего привычного мира, по которому я так тосковала.

– Мы найдем друг друга, – сказал он. Его глаза светились все той же невероятной синевой, а его улыбка повергла меня в полное смятение чувств. Я больше не могла ясно мыслить. Только одно я точно знала: я хочу, чтобы он поцеловал меня снова.

Он наклонился и обнял меня. Внезапно оказалось, что мы сидим рядом на кресле. В одно мгновение последние остатки моего рассудка улетучились, и я растворилась в нирване. А потом наши губы соприкоснулись, и мы страстно поцеловались. Мое сердце колотилось как сумасшедшее, и на несколько секунд я всерьез испугалась, что могу отключиться и пропустить самое лучшее, но потом я все-таки осталась в сознании и ответила на поцелуй Себастьяно, с полной уверенностью, что за всю жизнь я никогда еще не переживала ничего столь же чудесного.

Мне показалось, что я сейчас лопну от непомерного счастья. Вдруг снизу послышался сильный грохот, и мы подпрыгнули на месте.

– Что... – пролепетала я.

На лице Себастьяно отразилось беспокойство.

– Это одна из аркебуз.

– Что такое аркебуза?

– Ружье. Я сказал Бартоломео, чтобы он их зарядил.

– Вы хотите взять оружие?

– И немало, – сказал Себастьяно. – Помимо обычного. Мечи, кинжалы, а я еще возьму арбалет. – Он встал и подошел к двери. – Проверю, все ли в

порядке.

– Подожди. То есть ты хочешь сказать, что вы собираетесь ввязаться в бой?

Он остановился у двери.

– Конечно же. Или ты думаешь, мы настолько наивны, чтобы доверчиво заявиться туда без оружия, чтобы Малипьеро прикончили нас?

– А что же мне думать, если оказалось, что вам нельзя взять с собой еще людей для поддержки? – Я с любопытством посмотрела на него. – Вы видели в зеркале, что появитесь там втроем? В решающий час?

Себастьяно кивнул, и я мрачно осознала, что он был совсем не уверен в победе.

Я сглотнула и решилась задать вопрос, который занимал меня сильнее всего:

– Но зеркало ведь показало вам, что это совершенно самоубийственная миссия, или как?

Прежде чем он успел ответить, мне в голову пришла еще одна пугающая мысль.

– Альвис и тот тип, который организует для него путешествия во времени – у них явно тоже есть зеркало! Тогда они уже знают, что вы придете! И о том, сколько вас будет, и какое оружие вы возьмете с собой! Они даже знают точное время! Им нужно будет только оказаться в нужном месте и подождать, пока вы появитесь!

– Зеркало показало, что мы беспрепятственно проникнем в дом.

Я больше ничего не понимала.

– Но они тоже должны были это увидеть! Или ваше зеркало показывает вам не то, что им?

– Не совсем, – сказал Себастьяно. – Оно может показать все под другим углом.

– То есть, например, под таким углом, что ваше прибытие туда остается совершенно невидимым?

Себастьяно кивнул.

– Можно сказать и так.

– Но чисто теоретически может оказаться, что в доме вас ждет засада, – не уступала я. – С десятком хорошо вооруженных убийц!

– Такое трудно предположить, – возразил Себастьяно. – Потому что их возможности ограничены так же, как и наши: они не могут призвать кого-то на помощь – лишь отдавать указания тем, кого им показывает зеркало. Эта часть будущего, так сказать, четко предопределена. Но дальше судьба будет развиваться непредсказуемо.

– В решающий час, – сказала я, хотя теперь понимала еще меньше, чем раньше. Я даже думать не хотела о том, что зеркало Альвиса могло показать ему целую толпу вооруженных сообщников, и тогда его победа окажется бесспорной.

Себастьяно уже хотел открыть дверь, но тут в комнату ворвался Барт. Его лицо и рубашка были перепачканы сажей. Только глаза и зубы сверкали белым.

– У каких криворуких идиотов ты покупал порох? – спросил он. – У него неправильный состав. Аркебуза выстрелила сама собой! Половина водного зала чуть не взлетела на воздух!

– Там должен быть еще и другой порох, – сказал Себастьяно. Он быстро повернулся ко мне. – Я пойду вниз. Когда мы с этим разберемся, я тебя заберу.

Но я уже встала и подошла к двери.

– Я пойду с вами.

– Это будет довольно скучно.

Если он рядом, мне никогда не будет скучно. Но этого я не стала говорить вслух, просто произнесла:

– Я всегда хотела посмотреть, как заряжают аркебузы.

* * *

На самом деле в наблюдении за тем, как заряжают аркебузы, не оказалось ничего особенно волнующего. Это были тяжелые ружья с грубо отесанными прикладами и длинными металлическими стволами, а чтобы стрелять, нужны были приспособления вроде тех, с помощью которых мы дома разжигали камин. По крайней мере, теперь я узнала, как сложно в пятнадцатом веке было зарядить ружье. Не говоря уже о том, что оружейный порох ужасно вонял (запах напоминал о сгоревших петардах). Похоже, в этом столетии без докучливых запахов не обойтись.

Мужчины зарядили ружья и сложили их в ящик. Размышляя, не подготавливают ли в этот момент и Малипьеро заряженные ружья, я огляделась по сторонам. От галереи навверх шли ступеньки. Часть зала нависала над водой, так что лодки могли заплывать прямо в дом. Посмотрев вниз через перила, я увидела внизу гондолу. Она была покрыта тканью, но край все-таки выглядывал, и я заметила, что она сделана из огненно-красного дерева.

Возможно, мне просто показалось, но в какой-то момент я была

уверена, что ощущаю особенную магию этой лодки. Закрыв глаза, я представила, что уже вижу сверкающее сияние, в котором этот мир прошлого вскоре растворится и исчезнет.

И вот время пришло. Хосе спустился по лестнице к воде и убрал тент с гондолы.

– Можно отправляться в путь, – дружелюбно сказал он мне.

Конечно, я ожидала этого момента, но все равно почувствовала, будто меня застали врасплох. Я беспомощно взглянула на Бартоломео. Настало время прощаться! Я ощутила непреодолимое желание расплакаться. Я едва сдерживала слезы.

Я стояла перед Бартом, опустив голову.

– До свидания, – тихо сказала я.

– Скорее всего, нет, – мягко сказал он. Немного помолчав, он сделал шаг вперед и взял меня за руку. – Ты – смелая девочка. Я никогда тебя не забуду.

– Я тебя тоже. – Теперь я все-таки расплакалась. – Огромное спасибо за все, – всхлипнула я.

– Тебе спасибо.

– И передай привет Клариссе, слышишь? Скажи ей, что я всегда буду вспоминать о ней! И что я от всей души желаю ей счастья! Я желаю этого вам обоим!

Он отпустил мою руку, отвернулся и склонил голову.

– Тебе пора идти.

Я поспешно вытерла слезы, заметив краем глаза, что моя рука теперь тоже измазана сажей. На прекрасном чистом платье осталась пара пятен. Но какое это теперь имеет значение.

Себастьяно и Хосе уже сели в гондолу.

– Мы вернем Анну, а потом снова приплывем сюда и заберем тебя, – сказал Себастьяно Барту.

Хосе оттолкнул гондолу от ступеней, направляя ее к водным воротам. Пока Себастьяно открывал решетчатые заслонки, на галерее появилась Мариетта.

– Похоже, я проснулась как раз вовремя! – крикнула она. Нахмурившись, она посмотрела на меня. – Слишком холодно, чтобы отправляться в путь без накидки!

– Со мной все будет в порядке, – крикнула я в ответ. Было и правда холодно, я бы даже назвала воздух ледяным, но мне казалось, что нет необходимости тратить хорошую одежду ради такого небольшого отрезка пути. Я лишь накинула на плечи шаль, рассчитывая, что окажусь в будущем

в своей современной одежде.

Хотя было заметно, что Мариетта только проснулась, она выглядела прекрасно как никогда. На ней была шелковая ночная рубашка, слегка прозрачная, и со своими длинными черными волосами она выглядела эротично, как изысканная фея, хотя впервые меня совершенно не беспокоила ее превосходная внешность.

– Спасибо за все, – крикнула я на прощание. – В первую очередь, за чудесные платья!

Гондола проскользнула в ворота и выплыла в канал. Бартоломео и Мариетта исчезли из вида.

Я героически подавила последний всхлип и, выпрямившись, села на скамью.

Себастьяно тем временем повесил фонарь на носу лодки, а Хосе на корме управлялся с веслом.

Мы почти не говорили, потому что у нас оставалось лишь немного времени. Себастьяно только-только присел рядом со мной, а мы уже приближались к месту, где я упала в воду во время Исторической регаты. Когда я думала об этом, мне казалось, будто уже прошел год, хотя на самом деле миновало лишь четыре недели.

– Мы почти на месте, – сказал Хосе. – В свете лодочного фонаря его лицо с повязкой на глазу выглядело так, будто он явился из какой-то легенды, чтобы составить компанию смертным. А если это и правда так? – внезапно пришло мне в голову. Может, он на самом деле родом из какой-то неизученной эпохи, населенной богами и мифическими созданиями. Как и старая Эсперанца. Может, она – его спутница из этого далекого, неизвестного мира.

Я невольно положила руку на висящую у меня на поясе сумку, ощутив очертания маски кошки и маленькой фигурки святого – талисмана, изображавшего святого Себастьяна.

– Пора, – сказал Себастьяно. Он сел рядом со мной и обнял меня. Я вцепилась в него. Внезапно меня охватил ужас. Что, если он не переживет решающий час, и мы никогда больше не встретимся?

– Я не хочу обратно, – вырвалось у меня.

– Что? – спросил он.

– Я хочу остаться здесь. С тобой. Отправиться с тобой в Джудекку. Ты сможешь показать мне, как обращаться с этими аркебузами.

Над бортом лодки начала проявляться серебристая линия.

– Нет! – крикнула я. – Разреши мне пойти с тобой! У меня будет чесаться шея, предупреждая об опасности! Я смогу вас вовремя

предупредить!

– Так нельзя, Анна. – Он прижался своим лбом к моему. В его словах прозвучало сожаление, но ничего уже было не изменить. Серебристая полоса быстро расширялась, разгораясь ослепительным светом. Стало холодно, а потом еще холоднее. Мир вокруг меня начал раскачиваться. Темные контуры домов по обе стороны Гранд-канала расплывались. Свет факелов на берегах исчез, уступив место серебристому сиянию.

Я уже сожалела о происходящем, но свет заполнял все вокруг – а потом раздался грохот. И в следующее мгновение мир погрузился в темноту.

* * *

Придя в себя, я не поверила своим глазам. Я рассчитывала на что угодно, но не на это. Себастьяно сказал, что я должна появиться в Венеции посреди дня, точнее говоря, в 2009 году, в день Исторической регаты. Еще точнее: в тот же самый момент, из которого я исчезла, отправившись в прошлое.

Но теперь мне казалось, что все пошло совсем не по плану. Гондолы нигде не было видно, не говоря уже о Хосе и Себастьяно.

Я была одна-одинешенька. И проблема заключалась не только в этом: я находилась в совершенно незнакомом месте. Я сидела на какой-то каменистой насыпи, посреди руин. Куда бы я ни посмотрела, повсюду виднелись лишь унылые полуразрушенные стены. До рассвета оставалось еще немного времени, но заходящая полная луна давала достаточно бледного света, чтобы я смогла понять, насколько беспредельно тоскливо выглядит все вокруг. Ничего, кроме руин, насколько хватало глаз. Безлюдная пустыня.

В некотором отдалении что-то журчало, будто канал, и, присмотревшись повнимательнее, я заметила, что тут и там виднеется темная поверхность воды, по берегам которой растет осока.

– Боже правый! – воскликнула я, тут же осознав, что случилось. Я и правда оказалась в Венеции, но это был уже не тот город, который я знала. То, что мы пытались предотвратить, все-таки случилось. Альвис изменил ход времени. Он убил Тревизана, и будущее пошло по другому пути. Будущее, в котором враги сровняли Венецию с землей.

Решающий час принес победу Альвису. Себастьяно... может быть, его больше нет в живых. Ни в будущем, ни где-либо еще. И меня ждет та же

судьба. Вдруг мне отчетливо вспомнились слова Себастьяно: «Случается, что путешественник просто исчезает...»

Возможно, это просто вопрос нескольких мгновений, а потом Время заметит, что тут сидит кто-то, не вписывающийся в ландшафт, и – пфф! – я исчезну. Навсегда.

Я распрямилась так поспешно, что сорвала ноготь. Не обращая на это внимания, я всматривалась в сумерки, словно где-то рядом в следующую секунду могла возникнуть дыра во времени, которая засосет меня в безвозвратное ничто.

Меня охватила паника. Я с трудом вдыхала ледяной утренний воздух и была близка к тому, чтобы закричать от ужаса. Но как бы долго и громко я ни звала на помощь – здесь меня никто не услышит, потому что лагуна была полностью покинута людьми.

В ужасе я едва не упустила из виду, что неподалеку появился источник света, которого раньше не было. И он был действительно *очень* близко. Я взволнованно осмотрелась, но через несколько секунд поняла, что свет исходит *от меня*. Точнее, от мешочка на моем поясе. Как будто в нем горела лампа, испускающая белый свет. Внезапно сверкающий луч вырвался из сумки и образовал светящуюся линию, которая стала расти и расширяться вокруг меня.

– Это маска кошки! – осенило меня. Тонкая линия уже полностью окружила меня, и наряду с ледяным холодом я ощутила уже знакомую дрожь. За ней последовал и грохот, а с ним пришла тьма.

Я снова пришла в себя, следовательно, я не провалилась в черную дыру. И я больше не находилась среди руин – я поняла это еще до того, как поднялась на ноги. Было немного светлее, чем раньше, так что я сразу поняла, куда меня забросило: на ту же улицу, где я оказывалась дважды. Она выглядела точно так же, как в последний раз, ошибки быть не могло. Я снова вернулась в прошлое!

Недолгое путешествие в ужасное альтернативное будущее казалось мне дурным сном. Может, это и правда был сон? Но тут я заметила свой сорванный ноготь. И пыль с насыпи, приставшую к пальцам и платью.

Я осмотрела свою поясную сумку, но она выглядела совершенно безобидно. И все же содержимое этой с виду непримечательной вещи спасло мне жизнь! Я преисполнилась искренней благодарности. Как хорошо, что я взяла с собой маску! Это был второй шанс. Знак судьбы, что я, возможно, еще смогу что-то изменить в решающий час.

Если время здесь идет как обычно – а судя по всему, это было именно так, – Себастьяно и остальные сейчас уже на пути в Джудекку. Возможно,

они даже прибыли туда. Так что, если я хочу что-то предпринять, чтобы предотвратить грозящие нам события, это нужно сделать быстро.

Не медля больше ни секунды, я пустилась бежать.

* * *

Когда я добралась до дома куртизанок, колокола уже прозвонили прим. К утренним сумеркам примешивались первые отсветы дня. Я заколотила в двери и с облегчением увидела, что служанка открывает мне. Услышав мои взволнованные просьбы, она убежала, чтобы привести Мариетту.

– Мне нужна лодка и адрес дома Малипьеро в Джудекке, – запыхавшись, начала я.

В одном Мариетте было не отказать: она никогда не занимала драгоценное время вопросами. Она просто послала своего слугу отвязывать гондолу и приказала служанке принести две теплых накидки – одну для нее, а другую – для меня.

– Не понимаю, как ты можешь ходить по холоду в таком виде, – упрекнула она меня, пока лодочник отчаливал и плавно выводил гондолу в канал. – Почему ты вообще вернулась? Я думала, Себастьяно хочет отвести тебя на корабль, который доставит тебя домой!

– Ну да, он это и сделал, но корабль... кхм, он не смог выйти в море. А потом я узнала, что Себастьяно... что он в опасности! – Я не знала, сколько я смогу сказать, прежде чем барьер преградит путь моим словам, так что просто испытала удачу. – Малипьеро похитили Тревизана и Клариссу. Себастьяно, Хосе и Бартоломео хотят их освободить.

– Я знаю, – сказала Мариетта. – Я даже предложила послать с ними пару крепких мужчин, но они отказались.

Я озадаченно посмотрела на нее.

– Ты ведь знаешь и о том, что Альвис... хотел убить Тревизана и изменить будущее, – так должна была прозвучать эта фраза, но мне не удалось ее выговорить. Значит, Мариетта посвящена в тайну лишь отчасти. Тем больше я должна быть ей благодарна за то, что она так охотно нам помогает.

Впрочем, она явно была бы более сдержанна в своем желании нам помочь, если бы знала, что Альвис готов идти по трупам – включая ее саму, если понадобится! Я не имела права вот так подставлять ее под удар.

– Если ты скажешь мне, где нужный дом, я могу добраться туда и одна, – предложила я. – Гондольер просто высадит меня там, тебе вовсе не

обязательно лично заботиться об этом.

– Глупости, – отрезала Мариетта. – Я никогда бы не отпустила тебя туда без защиты. Я знаю Альвиса. Я знаю, как он бывает неразборчив в средствах. Недавно он поранил лицо одной из моих девочек только потому, что она отказалась участвовать в его садистских постельных забавах. С тех пор ему запрещено входить в мой дом. Он не только враг Себастьяно, но и мой враг.

Теперь я лучше понимала ее мотивы и больше не убеждала отпустить меня одну. В любом случае, если она будет рядом, это даст нам некоторое преимущество. Например, если придется перевязывать раны.

Гондола выскользнула на широкую водную магистраль, которая отделяла Джудекку от остальных районов Венеции. Ветер стал ощутимо холодным, и я замерзала, несмотря на теплую накидку. То и дело мне в лицо летела водяная пыль, отчего нос и щеки стыли особенно сильно.

Вскоре из серой мути перед нами выступил берег. На нем я увидела не сплошные ряды домов, как в будущем, а отдельные здания, вокруг которых простирались пастбища и сады.

– Вон он, – сказала Мариетта. Она показала на палаццо, похожее на сундук, окруженный садом. На соседней лужайке паслись несколько овец.

У берега стояло много гондол, среди которых была и красная.

– Они уже в доме, – сказала я, чувствуя, как бешено колотится сердце. Наш гондольер причалил. Здание выглядело тихим, словно заброшенным, ставни были задвинуты. Наружу не проникало ни единого проблеска свечи. Стражей нигде не было видно, и вокруг царила тишина. Только блеяли овцы и шумели волны.

– Что-то здесь не так, – сказала Мариетта. Помедлив, она толкнула дверь. – Очень похоже, что здесь никого нет.

К моему удивлению, дверь тут же распахнулась.

Мы заглянули в темный коридор.

– Подожди, – прошептала я, прежде чем Мариетта вошла в дом. – Это может быть засада! Я прислушалась к себе, но не ощутила ни малейшего зуда в шее. И все же нам стоило вооружиться, найти что-то подходящее для самозащиты. На краю овечьего выгона были сложены в кучу заостренные колья длиной с руку. Без лишних размышлений я подошла к ним, взяла два и протянула один Мариетте.

– Вот.

– Это зачем?

– На всякий случай.

Она скептически осмотрела острый кол.

– Ну да. Если запахнет жареным, мы всегда сможем их выбросить, чтобы бежать быстрее. Я лучше положусь на мужскую помощь.

Она махнула гондольеру, призывая его присоединиться к нам, и он, заметно помедлив, сделал это. Опасливо осматриваясь по сторонам, он вместе с нами вошел в коридор. Похоже, он чувствовал себя не в своей тарелке, как и я. Я утешала себя тем, что шея предупредила бы меня об опасности, но как только я об этом подумала, она вдруг зачесалась с такой невероятной силой, что я вскрикнула и схватилась за затылок.

Посреди коридора на полу проявилась светящаяся белым линия.

– Быстро наружу! – крикнула я.

Рядом раздался стук – Мариетта выронила деревянную палку. В ужасе я увидела, как она оседает на пол и остается лежать неподвижно. Рядом с ней, как подрубленный, упал гондольер и замер без движения.

Линия света за несколько секунд расширилась и образовала своего рода пузырь – он рос так быстро, что за этим едва ли можно было уследить, а затем лопнул, рассыпавшись снопом искр. В поле зрения проявились две фигуры. Яркий свет отпечатался на моей сетчатке, и я не сразу смогла разглядеть, кто это. Но затем я услышала голос и поняла, что один из новоприбывших – это Альвис.

– Точно, как в аптеке, – насмешливо сказал он.

Шея чесалась просто убийственно. Сжимая кол обеими руками, я пятилась к двери – и с ужасом услышала, как у меня за спиной со скрипом опустился засов.

– Лучше задержишься ненадолго, – сказала Доротея. Должно быть, она подкралась сзади. Ее щеки покраснели от холода и из-за этого стали почти такого же цвета, как ее вьющиеся волосы. Она прислонилась спиной к двери. В руках она держала аркебузу, наставив ствол на меня. – Альвис показал мне, как с ней обращаться, – предупредила она.

Мне не нужно было дополнительных напоминаний, чтобы застыть неподвижно, будто я приросла к месту. Когда дверь захлопнулась, в коридоре стало еще темнее, но света было достаточно, чтобы я смогла узнать второго человека, с которым Альвис путешествовал сквозь время. Он стоял, опираясь на клюку, и улыбался мне.

– Якопо! – потрясенно воскликнула я.

Мне понадобилась лишь доля секунды, чтобы все понять. Именно Якопо был тем неизвестным старейшиной. Главарь банды. Как я вообще могла ей поверить, будто он безобидный, милый старик! Мне стало дурно, когда я подумала о том, что неделями жила с предателями под одной крышей.

Рядом со мной, застонав, пытались подняться на ноги Мариетта и гондольер. Слава богу, они были еще живы!

– А теперь полюбуйте! – крикнул Альвис. Открылась боковая дверь, и сквозь нее прошествовали остальные представители семейства Малипьеро. Брат Альвиса и его отец будто только и ждали, когда их позовут. Оба держали мечи наготове и выглядели весьма свирепо.

Альвис показал на Мариетту и лодочника.

– Отведите их к остальным и свяжите. Мы сейчас подойдем.

Мариетту и гондольера поставили на ноги и грубыми пинками подтолкнули в сторону.

Альвис улыбнулся Доротее.

– Пожалуй, оставь нас снова наедине, дорогая.

– Но я бы хотела...

– Меня не волнует, чего ты хочешь, – резко перебил ее Альвис. – Пошла вон. И закрой за собой дверь.

С возмущенным видом Доротея подчинилась и убралась прочь. Проходя мимо, она бросила на меня ядовитый взгляд. Ружье она держала под мышкой. Свободной рукой она отобрала у меня кол и прихватила его с собой в соседнюю комнату. Дверь с грохотом захлопнулась.

Я стояла, словно пригвожденная к месту. Мне даже не приходило в голову сбежать. Да и куда мне было бежать?

Альвис широко улыбнулся.

– Ты прав, – сказал он, обращаясь к Якопо. – Перемещение во времени на короткую дистанцию оказалось наилучшим способом заманить ее в дом. Совершенно никакой опасности, думала она. Когда шея смогла ее предупредить, было уже слишком поздно. – Он повернулся ко мне. – Гениально, не так ли?

– Ага, великолепно, – сказала я. – А где Себастьяно?

– К нему мы перейдем позже, дитя мое, – сказал Якопо. – Сначала мы хотим обсудить с тобой все необходимое, а для этого крайне важно, чтобы никто не подслушивал, иначе у тебя будет пропадать дар речи в самые неподходящие моменты, ты и сама знаешь. – Он оценивающе посмотрел на меня. – Можешь догадаться, зачем ты здесь?

Я выпрямилась, пытаюсь выглядеть как можно мужественнее, хотя чувствовала себя ужасно жалкой и дрожала от страха. Шея чесалась настолько сильно, что у меня выступили слезы.

– Альвис уже рассказал мне, что я предположительно должна помочь кого-то убить. Но этого вы можете дожидаться целую вечность.

Он рассмеялся.

– Возможно, ты это уже сделала.

Альвис вмешался.

– Пока достаточно, – сказал он и показал на мой пояс. – Давай сюда, – властно потребовал он.

Я не подчинилась, и он быстрыми шагами подошел ко мне. Я отшатнулась, но он навис надо мной и грубо сорвал мешочек с моего пояса. Распутав завязки, он вытащил маску.

– Ах, вот она! – благоговейно произнес Альвис. Его глаза светились, будто он получил подарок на день рождения. Он торжествующе посмотрел на меня. – Твой мозг величиной с горошину, к сожалению, никогда не поймет, какое сокровище ты мне принесла! – Он прижал маску к своей щеке с таким восторженным видом, что это выглядело почти что глупо.

– Мой мозг размером с горошину прекрасно понимает, что ты ведешь себя как поклонник резиновых изделий, который впервые увидел гидрокостюм.

Мой дерзкий ответ явно испортил ему настроение, потому что он метнул в мою сторону полный ненависти взгляд. И все-таки у меня возникло чувство, что нужно добавить еще, потому что меня вдруг осенило, почему он так себя ведет.

– Я знаю, для чего нужна маска. С ее помощью можно путешествовать во времени. Причем это можно делать самому, без хранителя.

Лицо Альвиса приобрело такое выражение, будто я забивала гвоздь ему в голову. Вот почему он так сходил с ума из-за этой маски!

– Ты совершенно случайно оказалась права, – сказал Альвис. – С ней можно прыгать, куда хочешь и когда хочешь. Это может делать каждый, без посторонней помощи. Нужно только захотеть.

Должно быть, это было правдой, потому со мной это тоже сработало.

– Сейчас она должна исполнить свою задачу, – напомнил Якопо. – Я совершенно точно не буду никого убивать! – крикнула я. Отчаянно пытаюсь придумать отвлекающий маневр, я спросила Альвиса:

– Почему ты не забрал себе маску раньше? Например, на празднике у Тревизана. Тогда я была в ней. Ты мог бы легко добыть ее. К сегодняшнему дню ты уже давно стал бы королем. – По глупому стечению обстоятельств тогда я еще ничего не знал о силе маски. – Альвис нахмурился и повернулся к Якопо. – Она права. Я уже давно мог бы обрести могущество. Почему ты не рассказал мне обо всем этом намного раньше?

– Потому что это не относится к предопределенному ходу событий.

– Откуда у тебя эта уверенность? – В голосе Альвиса проскользнули нотки раздражения. Он резко сунул маску в карман своего камзола. – У тебя

слишком много секретов от меня, старик. Почему я с таким опозданием узнал о силе маски? Почему ты постоянно убеждал меня, что девчонку нужно обязательно оставить в живых до сегодняшнего дня?

– Она должна быть в живых, потому что зеркало сообщило нам, что она поможет убить врага.

– Оно сказала это тебе, – справедливо заметил Альвис. – Когда ты наблюдал в зеркале это событие, меня рядом не было. Ты старый, может, ты постепенно теряешь зрение.

– Ты хочешь поставить под сомнение силу зеркала? – В это мгновение Якопо, несмотря на свою хромоту и сгорбленную фигуру, показался очень опасным.

– Всех этих идиотов я могу перебить и без помощи девчонки. Я бы уже давно убрал ее с пути, сразу, как только она мне попалась. Мы созвали это... собрание, потому что ты сказал, что его показало зеркало. Но если тебя интересует мое мнение, мы могли бы прекрасно обойтись без него, а с ее участием разобраться при случае где-нибудь еще. – Альвис пристально посмотрел на старика. – Зачем мне вообще нужна эта девчонка? В сущности, мне никто не нужен. Даже ты. И зеркало тоже. Все, что важно лично для меня, я уже в нем увидел. Остальное меня не волнует.

Якопо пожал плечами.

– Тогда тебе угрожает опасность, что все пойдет не по плану, и власть, которую ты уже почти держишь в руках, снова от тебя ускользнет.

Я воспользовалась этой возможностью, чтобы медленно сдвинуться в сторону двери. Там лежал кол, который уронила Мариетта. Если я совершенно незаметно...

Почти небрежно Альвис вытащил кинжал, сделал два широких шага в мою сторону и схватил меня, прежде чем я успела наклониться за колом.

– Не совершай опрометчивых поступков, – сказал Якопо. – Подумай о том, что зеркало еще ни разу не солгало – оно всегда показывает события, которые случатся с наибольшей вероятностью. – Он предостерегающе посмотрел на Альвиса. – Наступит время исполнить предсказание, чтобы все обернулось в нашу сторону.

По Альвису было заметно, что исход разговора ему не по душе.

– Как тебе будет угодно, – холодно сказал он.

Он внезапно распахнул дверь в соседнюю комнату и втащил меня туда. Я попыталась сообразить, какие приемы самообороны подойдут против захвата руки справа, но тут я увидела Себастьяно, и все мысли вылетели у меня из головы.

Он лежал на полу, связанный и с кляпом во рту. У него на виске

запеклась кровь, и в какой-то момент я с ужасом подумала, что он мертв. Потом он открыл глаза и ошеломленно посмотрел на меня. Альвис наблюдал за мной, а потом требовательно взглянул на Якопо.

– И что? Кто кого должен убить?

Только теперь я заметила остальных людей, которые находились в комнате. Мой взгляд метался по их лицам. Мариетта и гондольер сидели, прикованные к стене. Рядом с ними лежали Хосе и Бартоломео, оба с кляпами, перетянутые веревками, как посылки, и привязанные друг к другу. Тревизан сидел в углу, тоже с кляпом. Все его лицо было в синих и зеленых синяках от ударов. Он был связан по рукам и ногам и выглядел так, будто переносил лишения не первую неделю.

Доротея удобно устроилась на стуле. Ружье она положила на колени. Судя по всему, происходящее было ей в высшей степени по нраву.

Отец и брат Альвиса стояли у окна и выжидательно смотрели на нас.

Наконец, мой взгляд упал на Клариссу. Как и Доротея, она сидела на стуле – конечно, не связанная. В итоге она оказалась на стороне злодеев. Хотя особенно довольной она тоже не выглядела. Напротив, она была смертельно несчастной. Ее лицо было белым как мел, а длинные светлые волосы рассыпались по плечам.

Альвис кивнул Якопо.

– Дай Анне свой кинжал, чтобы мы могли приступить.

– Ты ненормальный, – сказала я.

Якопо и правда вложил мне в руку свой кинжал, наточенный остро, как скальпель.

– Лучше всего начни с Тревизана, – посоветовал мне Якопо.

– Ты что, всерьез веришь, что она это сделает? – насмешливо выкрикнул Альвис.

– И не говори. – Я быстро подошла к Тревизану, встала у него за спиной и разрезала веревки, стягивающие его руки.

Альвис зарычал от гнева.

– Я знал! За это ты заплатишься жизнью, причем будешь первой! – Выхватив кинжал, он двинулся ко мне, а рядом с ним шли его отец и брат. Я видела, как сверкают их мечи.

Тревизан не мог мне помочь. Хотя теперь его руки были свободны, у него едва хватило силы, чтобы распрямить их, не говоря уже о том, что ноги его по-прежнему были связаны. Но все-таки он попытался броситься на пол и прикрыть меня.

Спасение пришло с неожиданной стороны. Кларисса вскочила и заступила путь Альвису. Из-за этого его брат и отец на мгновение замерли,

наблюдая, как Альвис едва заметным движением ударил ее кинжалом. С криком она рухнула к его ногам.

Все трое снова повернулись ко мне и Тревизану. Я приготовилась к смерти и закрыла глаза, как уже делала однажды – потому что не хотела, чтобы лицо Альвиса было последним, что я увижу.

– Ничего не скажешь на прощание, маленькая кошечка? – издевательски произнес он.

– Почему же, – в ярости выкрикнула я. – Катись в ад!

Я напряглась, но удар кинжалом, которого я ждала, никак не происходил. В смятении я снова открыла глаза. Альвис замер, уставившись на свет, который исходил из кармана его камзола, заставляя его гореть, будто фонарь.

– Что. – запинаясь, пробормотала я и услышала, как Якопо произнес:

– Настало тебе время отправиться туда, куда ты чуть не отправил эту девочку. Ты что, думал, что маска всегда помогает тому, кто ею владеет? Нет, она принесет пользу только тому, кто честно ее получил – но никогда тому, кто взял ее силой.

– Помоги мне! – приказал Альвис. Его голос звучал глухо, будто из легких выдавили воздух.

Якопо покачал головой, опираясь на клюку:

– Предсказание исполнилось. Девочка помогла убить врага. Моего врага. Тебя! И именно здесь и сейчас, как было predetermined.

– Этого не может быть, – задыхаясь, произнес Альвис. – Ты подлый обманщик!

– Обманщик здесь ты. Хотел избавиться от меня, сопляк, когда я стал тебе больше не нужен, вот что надумал! Но это была ошибка. Смертельная ошибка. – Якопо лаконично закончил свою речь словами: – Приятно провести время в аду.

Альвис закричал и попытался сунуть руку в карман, но свет становился все ослепительнее и разгорался, пока не окружил Альвиса полностью, так что его лица стало не различить. Наконец, свет снова стал сжиматься, хотя и не так быстро, как до этого разгорался. На миг мне показалось, что я вижу, как Альвис мечется внутри этого яркого пузыря, будто пытаюсь вырваться, но мгновение спустя свет взорвался с оглушительным грохотом – и не осталось ничего.

Словно прикованная, я стояла и смотрела на оставшееся после него пустое место, поэтому далеко не сразу заметила, что в воздухе растворился не только Альвис. От его брата и отца тоже не осталось ни следа. Я была абсолютно уверена, что они не сбежали – это я бы заметила, несмотря на

весь переполох.

– Где они? – пролепетала я.

– Малипьеро? Там же, где и Альвис, – с готовностью ответил Якопо. – Они возникли из ничего и стали его семьей, когда он явился в это столетие. Они перестали существовать, когда он исчез – это закон природы.

– Он и правда в аду? – в ужасе спросила я. – Это я его туда послала?

– Похоже на то, – Якопо пожал плечами. – Время знает множество путей и множество миров, и многие из них реальны, хотя мало кто в них поверил бы.

Я содрогнулась, но тут же взяла себя в руки, услышав, как застонала Кларисса. Я торопливо склонилась над ней. Кинжал Альвиса попал ей в плечо, на котором уже расплылось большое пятно крови.

– Она выживет, – сказал Якопо. – Кстати, теперь она может вернуться в свое время, в общем-то, она выполнила свою задачу даже раньше, когда в первый раз уберегла тебя от смерти. – Говоря это, он ласково улыбнулся Клариссе. – Разве я не обещал тебе, что ты скоро сможешь вернуться домой?

Он захромал к двери, опираясь на свою палку. Там он остановился и оглянулся на меня через плечо.

– Прощай и всего хорошего, солнышко! Я попытаю счастья в другом времени.

– Но... – Потрясенная тем, что виновник всей этой неразберихи просто исчез и с него уже не потребовать ответа, я собралась с духом, чтобы что-нибудь сказать, но Якопо уже покинул комнату.

Только сейчас Себастьяно, Хосе и Бартоломео напомнили о себе. Стонами и яростными взглядами они дали мне понять, чтобы я их наконец развязала. Кларисса тоже стонала – от боли. А Тревизан, Мариетта, Доротея и гондольер стонали, потому что приходили в себя. Я даже не заметила, когда они потеряли сознание.

– Что с вами случилось? – спросила я, не обращаясь ни к кому конкретно. Мне ответила Кларисса:

– Только посвященные могут видеть переход. Все остальные теряют сознание.

– Я думала, портал закрывается, если его увидит кто-то посторонний, – возразила я, вспомнив о том, как отчаянно мы с Бартом пытались запереть монаха в сакристии.

– Нет, если он достаточно сильный, – ее голос больше походил на шепот, и она побледнела еще сильнее.

– Ты спасла мне жизнь, – тихо сказала я.

– А ты мне.

В это мгновение я осознала, в каком отчаянии она должна была жить год за годом, разрываясь между страхом и надеждой. Якопо, вероятно, шантажировал ее, сказав, что она вернется в свое время, только если будет делать то, что он ей прикажет. Если бы я могла послать его к черту вместе с Альвисом!

Сначала я освободила от пут Мариетту, чтобы она могла позаботиться о Клариссе. В первой помощи она разбиралась лучше, чем я.

Затем я разрежала путы Себастьяно. Он выплюнул кляп и начал ругаться.

– Ты легкомысленная, сумасшедшая, непредсказуемая... – Потом он перестал возмущаться, обхватил меня и поцеловал.

Те, кто еще оставались связанными, невольно отреагировали на эту картину новыми стонами, и вместе мы поспешили освободить Тревизана, гондольера, а также Хосе и Барта.

При этом мы допустили ошибку, забыв о Доротее. Она пришла в себя последней – судя по всему, она упала со стула и ударилась головой. Как бы то ни было, у нее на лбу виднелась неплохая шишка, которой там раньше не было. Доротея непонимающе оглядывалась по сторонам.

– Где Альвис? Что вы с ним сделали? – Гнев и подозрения исказили ее милое лицо, когда она поднялась на ноги и взяла на изготовку ружье.

– Никому не двигаться! – крикнула она.

– Положи эту штуку, она может случайно выстрелить, – сказал Себастьяно.

Она прицелилась в него. То ли по неосторожности, то ли намеренно она нажала на спусковой крючок, и раздался оглушительный грохот. Пуля врезалась в стену на ладонь выше головы Себастьяно, проделав внушительную дыру в штукатурке. Дым заполнил комнату, и тут же по ней распространился омерзительный запах пороха и серы. Мне пришла в голову дурацкая мысль, что это, похоже, запоздалый салют по случаю отбытия Альвиса в ад.

Когда дым от пороха рассеялся, Мариетта вскрикнула от ужаса. Я проследила за ее взглядом и увидела, что Доротея лежит на полу, но прежде чем я успела понять, что это за красное пятно вокруг ее головы – ее роскошные волосы или все-таки кровь, Себастьяно заслонил ее и прижал мое лицо к своей груди.

– Не смотри туда.

– Теперь я по крайней мере знаю, для чего эти деревянные колышки и правда хороши, – сказала Мариетта. Ее слова прозвучали демонстративно

холодно, но голос дрожал. – Точно в шею. Непостижимо. Ее отбросило прямо на острие. Как такое возможно?

– Ее сбила с ног отдача, – сказал Хосе. – С этим не шутят. – Он наклонился за желтым платком, который одиноко лежал на полу, и прикрыл им Доротею. – Нам нужно поскорее ее похоронить, чтобы никто не задавал глупых вопросов.

– Хоть бы она не вылезла из могилы с этим колом в шее и не превратилась в привидение, – добавил Бартоломео с ноткой сарказма.

Его слова почему-то прозвучали так, что мне показалось, будто я не в первый раз говорю на эту тему, но потом мимолетное ощущение исчезло под натиском безграничной усталости, от которой голова казалась пустой, а руки и ноги – тяжелыми.

Только краем сознания я различала, как мужчины совещаются о том, есть ли еще в доме сообщники Малипьеро, и из этого обсуждения я узнала, что Хосе убил в битве на мечах того лысого, который накинул мне мешок на голову. Потом на Хосе набросились еще два приспешника Малипьеро, приставили к его груди острия мечей, и поэтому Себастьяно и Бартоломео пришлось выдать себя.

– Эти трусы наверняка уже давно смылись, – сказал Хосе.

Но все-таки мужчины решили осторожно разведать обстановку. Гондольер вызвался в качестве подкрепления. С собой они забрали и бранные останки Доротеи. Я избегала смотреть на место, где она лежала.

Вместо этого я подошла к Тревизану, который все это время молча просидел в углу.

– Все в порядке? – спросила я.

Он молча кивнул. Несмотря на глубокие синяки под глазами и следы ушибов на лице, он по-прежнему производил впечатление независимого и опытного человека, что и делало его таким привлекательным.

Он некоторое время молча смотрел на меня, а потом сказал:

– Я не знаю, что здесь случилось и почему мы все как один внезапно потеряли сознание. Но в одном я не сомневаюсь: ты самая смелая девочка из всех, кого я встречал.

Я с огромным трудом подавила смех. Смелая! Если бы он знал, как близка я была к тому, чтобы наложить в штаны от страха! Или, точнее говоря, даже не в штаны, потому что женщины тут штанов не носили. Тем позорнее было бы, если бы это и правда со мной случилось. Во всяком случае, я и правда с трудом этого избежала.

– Вы спасли мне жизнь, – сказал Тревизан. – Если я могу исполнить какое-то ваше желание, только скажите.

– Вы уже исполнили мое желание, оставшись в живых, – и это была чистая правда. Тревизан был единственным человеком в Венеции, способным противостоять жутким решениям, которые принял Совет Десяти под влиянием Альвиса. Будущее станет таким, каким я его знала, и когда я в следующий раз вернусь в родное время, меня ждут не развалины, а мои родители.

Мариетта перевязала рану Клариссы, а вскоре вернулись мужчины.

– Можем отправляться в путь, – сказал Себастьяно.

Барт осторожно поднял Клариссу на руки. Она стиснула зубы от боли, но не издала ни звука.

– О чем ты только думала, – горько сказал он.

Она ничего ему не ответила, но они не отводили взглядов друг от друга, пока он нес ее к лодке.

Себастьяно, следом за ними двумя, вошел в красную гондолу и протянул мне руку, чтобы помочь. Хосе занял место на корме и вставил весло в уключину.

Тревизан сел в гондолу к Мариетте – они решили, что ее лодочник отвезет в город их обоих.

Красная гондола быстро тронулась с места. Хосе правил искусно и быстро. Выходило солнце. Его лучи отбрасывали на волнах волшебные блики, а ветер спутывал мои волосы, сдувая на лицо. Было еще холодно, но на этот раз я не мерзла, потому что меня обнимал Себастьяно.

* * *

Две недели до следующего поворота луны мы провели в доме Мариетты. Она отменила все праздники, не только потому, что хотела устроить себе отпуск, но и потому, что довольно сильно влюбилась в Тревизана. А он в нее. Я заметила, что между ними проскочила искра уже во время первой поездки в гондоле. До того дня они почти не знали друг друга, потому что Тревизан был не из тех людей, которые посещают дома куртизанок. Что касается отношений с женщинами, он вел одинокую жизнь, хотя обладал полной свободой после того, как овдовел два года назад. Очевидно, он долгое время был в трауре по своей жене. Но теперь он был готов влюбиться снова. Что и случилось мгновенно, как только он сел в одну гондолу с Мариеттой. Он ухаживал за ней по всем правилам, дарил ей маленькие подарки, приглашал ее поест и говорил ей комплименты. Она явно витала в облаках весь день, а когда кто-то заводил речь о

Тревизане, у нее тут же загорались глаза.

Я радовалась за них как никто другой, потому что это гарантировало, что она не станет искать близости не с тем человеком – с Себастьяно.

Который был верен только одной женщине, а именно – мне.

Я сходила по нему с ума, иначе и не скажешь. Мы не показывали наших чувств, хотя в этом и не было никакой проблемы: Мариетту ханжой не назовешь, и вряд ли она сказала бы хоть слово против, если бы мы с Себастьяно разделили постель.

И дело было не в том, что я этого не хотела, напротив. И с ним не могло бы быть иначе. Но мы оба отчетливо понимали возможные последствия. Методы предохранения в пятнадцатом веке были до смешного убогими, в этом я не раз убеждалась, еще когда работала в зеленой лавке Матильды. Кроме того, мы решили подождать. Но это не мешало нам каждый вечер подолгу обниматься у камина. Казалось, будто мы всегда были вместе.

То же можно было сказать про Клариссу и Барта. После ужасного случая в Джудекке они явно стали парой. Они решили пожениться и восстановить магазинчик масок. Старуха Эсперанца исчезла без следа, и даже Хосе не знал, где она находится.

– Эта женщина – как ветер, она пронизывает все времена, появляясь то тут, то там. Может, мы еще когда-нибудь встретим ее в этом времени, а может, и нет. Магазин вы можете спокойно забрать себе, насколько я могу судить, она бы это одобрила.

Кларисса обрадовалась изменениям в своей жизни. Она больше не могла оставаться у Матильды, потому что Матильды больше не существовало. Она будто сквозь землю провалилась, совсем как Малипьеро. Даже зеленая лавка не пережила исчезновения Якопо. Там, где до этого находился магазинчик, теперь была портновская мастерская. Никто даже и не помнил о Матильде, кроме нас, тех, кто прибыл из другого времени или, как Барт, принадлежал к числу избранных. Матильда была из тех добавочных созданий, которые возникают, чтобы переселенцы лучше встроились в новое время, – собственного права на существование они не имели. Судьба немилосердно стирала их, если пропадала причина, вызвавшая их к жизни.

Кларисса поплакала над исчезновением Матильды, поскольку, несмотря на ее грубые манеры, привязалась к ней.

– Она ничего не знала обо всем этом, могу поклясться, – сказала она сквозь слезы.

Она страдала и из-за того, что все эти годы так сильно зависела от

Якопо.

– Он постоянно обещал мне, что скоро я вернусь в свое время. Он был таким добродушным, и на него была моя единственная надежда! Я то верила ему, то нет. Эти постоянные метания были ужасны!

Хуже всего Клариссе пришлось в последние недели, когда ситуация обострилась, и не только Якопо, но и Альвис все сильнее давили на нее, чтобы использовать в своих целях.

– В конце концов я просто сделала вид, что со всем согласна, потому что Альвис угрожал убить меня. Но я никогда не хотела причинять никому вреда!

Я решила, что она достаточно настрадалась и заслужила немного счастья. Поэтому я порадовалась, что она решила остаться с Бартом.

– Теперь, когда я знаю, что в любое время могу вернуться обратно в родное время, в Париж, я больше не хочу этого, – призналась она мне. И задумчиво добавила: – Довольно забавно, не правда ли?

Я совсем не считала это смешным, потому что чувствовала себя так же. По крайней мере, иногда – например, когда мы с Себастьяно снова сидели у камина, прижимаясь друг к другу. Разница между мной и Клариссой, однако же, заключалась в том, что я могла снова встретиться с Себастьяно в будущем, а она могла быть вместе с Бартом только в его родном времени. Поэтому передо мной не стоял вопрос о том, хочу ли я остаться здесь или вернуться. Моя жизнь находилась в будущем, даже если здесь я нашла чудесных друзей, по которым буду сильно скучать. Это касалось не только Клариссы и Барта, но и Мариетты с Тревизаном; мне приходилось бороться со слезами каждый раз, когда я осознавала, что больше никогда не увижу их.

Но было бы еще хуже, если бы я никогда не увидела снова своих родителей. Тоска по ним обжигала меня так сильно, как никогда, мне было почти что больно думать о них. Без школы, айпода и шоколада я, быть может, и научилась бы обходиться, но без мамы и папы – никогда.

В день накануне поворота луны я еще раз пошла к монастырю, потому что меня по непонятной причине волновала судьба попугая Доротеи. Мой вопрос о Полидоре сестра Жюстина поняла неправильно. Она просто сунула клетку мне в руку и сказала, что весь монастырь очень рад, что я хочу его забрать, потому что они не могут выносить его непрерывные вопли. Мне следует побыстрее его унести, тогда с меня не потребуют денег за то, что им пришлось не одну неделю его кормить.

Я не собиралась устраивать перепалку и забрала Полидоро с собой. Мне не хотелось задерживаться в Сан-Заккариа дольше, чем необходимо.

Не только потому, что десятки молодых монашек снова начали бы липнуть к Себастьяно, – скорее потому, что меня тяготило воспоминание о Доротее. Я довольно долго гнала эти воспоминания прочь, но все-таки ей сочувствовала. Она встретила ужасный конец – и только потому, что влюбилась не в того человека.

– Что нам теперь делать с этой птицей? – спросил Себастьяно.

Я растерянно рассматривала клетку.

– Это ведь не было чересчур глупо, забрать его? – жалобно спросила я.

Но проблема быстро разрешилась, потому что Мариетта пришла в восторг от Полидоро, к тому же, он быстро научился произносить ее имя и начал расточать ей комплименты. Чтобы завоевать ее сердце, ему достаточно было один раз прокричать: «Мариетта, красавица моя».

– Где-то в глубине души я всегда останусь куртизанкой, – сказала она. – Хотя это лишь ничтожная, тщеславная часть меня. Большая и умная часть будет смело ждать предложения Тревизана. Я рассчитываю, что это случится еще до Рождества. Кто-то хочет возразить?

Возражений не было.

И вот наступил мой последний день в Венеции 1499 года. Накануне я плохо спала и часами ходила туда-сюда перед роскошной кроватью с балдахином. Днем я нервничала еще сильнее. К полудню я последний раз прогулялась по городу с Себастьяно. Осень двигалась вперед, и немногие деревья, которые здесь были, уже сбрасывали листья; становилось так холодно, что можно было увидеть выходящий из рта пар.

Рыбаки, торговцы, портовые рабочие и матросы пестрой толпой заполнили Рива дельи Скьявони и занимались своими делами. Пахло морем и дымом. Мы с Себастьяно бесцельно бродили по набережной, рассматривая отплывающие корабли. Скрип парусов смешивался со свистом ветра и шумом волн.

Обратно мы поплыли на гондоле по Гранд-каналу. Мы проплыли мимо места, где строилось палаццо Тассини. Стены стали еще выше, первый и располагающийся над ним промежуточный этажи были уже готовы. Невольно я посмотрела на то место на берегу канала, где мы с Маттео несколько недель назад ели трамечини. Я едва поверила своим глазам, когда увидела, что он сидит там. Он держал бутерброд обеими руками и откусывал кусок за куском. Я хотела окликнуть его, подмигнуть ему и сказать, что отправляюсь домой, обратно в свое время. Но вместо этого я расплакалась.

– Что такое? – грустно спросил Себастьяно. Он тоже увидел Маттео. – Хочешь еще раз подойти к нему? Разве ты не говорила, что уже с ним

попрощалась?

Это была правда, хотя в прошлый раз мне так и не удалось попасть домой. Но ревела я не из-за этого.

– Это так ужасно, – сказала я сквозь слезы. – У него никогда не получится стать зубным врачом.

– Может, здесь ему будет лучше.

Я увидела, как на улице появилась Юлиана Тассельхофф. Она осмотрелась по сторонам и тут же заметила Маттео. С сердитым лицом она направилась в его сторону. Нам не было слышно, что она ему говорила, но, судя по его выражению лица, ничего приятного.

– Ну ладно, может быть, не сильно лучше, – уступил Себастьяно, когда наша гондола проплыла мимо. – Но по меньшей мере благодаря исключительной профилактике у него никогда не будет кариеса, а в нынешние времена это уже достижение.

Остаток дня тянулся мучительно медленно. Я бы предпочла плакать не переставая, пока наконец не наступит час прощания. Сначала я попрощалась с Мариеттой. Она пожелала мне всего хорошего и потребовала, чтобы я никогда в холодную погоду не выходила на улицу без накидки.

– Не беспокойся, у меня есть отличная пуховая куртка. – Я ожидала, что межгалактический переводчик превратит «пуховик» в какое-нибудь странное слово, но, к моему удивлению, у меня получилось сказать именно то, что я хотела. Видимо, в эту эпоху пуховики уже изобрели.

– Вот я и отправляюсь в путь, Полидоро, – сказала я попугаю.

– Я не хочу обратно в Неаполь, – проскрипел он.

– Не бойся, можешь остаться тут.

Прощание с Клариссой далось мне сложнее всего. Мы в слезах упали друг другу в объятия.

– Прощай, дорогая подруга, – всхлипнула она.

Я прижала ее к себе, но не слишком сильно, потому что ее рана еще болела. Ее волосы пахли свежей сиренью. В подсобном помещении магазинчика масок она обустроила маленькую оффисину и экспериментировала с новыми ароматами.

– Клянусь, ты никогда меня не забудешь! – сквозь слезы проговорила она.

Это я могла пообещать от всего сердца. Не только потому, что она спасла мне жизнь и была мне ужасно симпатична, но и потому, что она открыла мне совершенно новые горизонты вранья и изворотливости. Если кого и называть мастерицей в этом деле, то именно Клариссу. Мысленно я

даже заменяла выражение «врет как по писаному» на «врет как Кларисса». Но этого я, конечно, не сказала. Кроме того, в конечном итоге я решила, что она не такая уж и плохая, ведь она врала, только чтобы выжить. По большей части.

Затем мы обнялись с Бартом.

– Будь счастлива, – коротко сказал он.

Всхлипнув, я кивнула и села в красную гондолу, где меня уже ждал Себастьяно.

Это была тихая и ясная ночь новолуния. Небо было черным, лишь отдельные звезды сверкали яркими точками.

Красная гондола скользила по темной воде канала к тому месту, где должно было открыться окно во времени.

Как мне объяснил Себастьяно, это было особенное окно, потому что люди не могли увидеть, как оно открывается. Никому не приходилось падать без чувств, хотя это было самое сильное и большое временное окно в Венеции. Оно было связано с красной гондолой, которой также были присущи таинственные силы.

Когда мы уже подплывали к временному окну, мне пришел в голову еще один вопрос, который нужно было немедленно прояснить.

– Ты должен объяснить мне еще кое-что, – сказала я Себастьяно. – Когда Хосе провез тебя через временное окно в Сан-Стефано обратно в настоящее, время шло дальше, верно? Но ты ведь говорил, что люди возвращаются в момент своего отбытия, если используют для этого красную гондолу.

– Это верно, – сказал Себастьяно.

– Это означает, что когда ты, едва не умерев от болезни, вернулся в настоящее, время шло дальше. Но где тогда была я? – Тут я немного помолчала. – Я должна тоже быть там, ведь я же вернусь именно в тот момент, из которого исчезла. Но это значит, я уже давно была в настоящем, когда ты, спустя несколько недель, вернулся туда больной, так ведь? – Я взволнованно продолжала рассуждать дальше: – Смогу ли я тогда навестить тебя в больнице? Но как это возможно? Я ведь все время была здесь, в прошлом! Получается, что одновременно существуют две версии меня? А ты ведь снова здоров! Как может получиться, что через пару недель ты будешь больным? – От всех этих противоречий у меня голова шла кругом.

– О да, теперь она открыла сложный мир парадоксов, – сказал Хосе.

– Это как-то связано с физикой или математикой? – озабоченно спросила я.

– К сожалению, да, – сказал Себастьяно.
– Но все-таки объясни.
– Это очень сложно. В конце концов, я смогу объяснить тебе это лишь позже.

– Что ты имеешь в виду – позже?
– Через пятьсот лет. Мы здесь, – он обнял меня. – Встретимся в будущем, Анна.

– Подожди! – испуганно вскрикнула я, но происходящее было уже не остановить.

– Если не найдешь меня в «Фейсбуке», посмотри в Myspace! – отчаянно выкрикнула я. – Или в Schüler-VZ! – Тут мне пришла в голову самая ужасная мысль. – А что мне делать, если я вообще тебя не вспомню?

– Этого не случится. А если это все-таки произойдет, я освежу твои воспоминания.

Нам едва хватило времени на последний торопливый поцелуй, а потом дрожь стала настолько сильной, что нас оторвало друг от друга. Ослепительный свет заливал все, и от ледяного холода у меня перехватило дыхание. Я закрыла глаза, ожидая удара грома.

Прощай, прошлое, подумала я. Здесь было ужасно. И чудесно. Самые невероятные и восхитительные каникулы, которые когда-либо у меня были.

А потом ночь взорвалась, и я погрузилась в беспредельную тьму.

Промокшая до нитки, я наклонилась вперед и протянула руки к отцу. Он решительно поспешил на помощь и схватил меня за руку. В следующую секунду я уже оказалась на берегу и упала в его объятия.

Все произошло так быстро, что я едва успела это осознать. Я еще была сбита с толку переходом, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что все действительно удалось. Меня выбросило из потока времени именно туда, откуда я отправилась в прошлое. Не прошло ни секунды – недели, которые я пережила, оставались только в моих воспоминаниях. С виду все было так же, как и в начале моего приключения. С меня капала вода после падения в канал, на мне была одежда, которую я надела, отправляясь на Историческую регату. Я даже сжимала в руке свою сумку. Все было как раньше. Только без Тассельхоффов.

– Ради бога! – испуганно вскрикнула мама. – Анна, с тобой все в порядке?

Папа прижал меня к себе.

– Девочка моя, главное, что все хорошо кончилось.

Я освободилась из его объятий и огляделась по сторонам. Красная гондола уже проплыла мимо. Хосе искусно правил веслом. На мгновение

он оглянулся на меня и прищурил здоровый глаз, а затем улыбнулся и снова перевел взгляд на воду.

Себастьяно смотрел на меня. Даже на расстоянии мне было видно, какие синие у него глаза. Он поднял руку в жесте, который сказал мне все. В следующее мгновение их заслонили другие лодки, и они исчезли из виду.

– А теперь поспешим обратно в отель, – сказала мама. – Этому ребенку нужен горячий душ.

Я поднялась на цыпочки, но красной гондолы нигде не было видно. По моему лицу текли слезы, но этого никто не замечал, потому что я промокла с головы до ног.

В отеле я провела под душем примерно час, пока горячая вода не кончилась. При этом я извела целый флакон геля для душа, два флакона любимого шампуня и примерно полтора флакона кондиционера. Когда мама удивленно собирала пустые баночки, я объяснила ей, что водоросли было очень сложно отчистить.

Родители уложили меня в постель и потребовали, чтобы я соблюдала покой, а мне уже не терпелось зайти в интернет и найти контакты Себастьяно.

Сначала ничего не вышло, потому что моему айподу пришел конец. Он не пережил купания в канале.

И маски тоже нигде не было.

Вряд ли она могла выпасть из сумки, потому что молния была надежно застегнута. Но она все-таки исчезла.

Поначалу я вообще не пыталась это понять, просто решила временно списать все на магию. Вместо этого я обратилась к маме с другим вопросом:

– Что ты можешь рассказать мне о сложном мире парадоксов?

– У тебя жар? – Она подошла к кровати и положила руку мне на лоб. – Хм, он кажется мне довольно теплым. Может, нам все-таки стоит вызвать врача?

Я решила при случае просто поискать в «Википедии». На длинных объяснениях я все равно не смогла бы сейчас сконцентрироваться. На меня навалилась свинцовая усталость. Ее причина, несомненно, была в том, что прошлой ночью я не спала. А предыдущей – спала лишь чуть-чуть. Затем мне пришло в голову, что это утверждение касается только моего собственного прошлого. А не настоящего. Действительно ли я так мало спала прошлой ночью? От размышлений об этом я устала еще сильнее. Так что я выбросила лишние мысли из головы и просто заснула.

* * *

Я проспала остаток дня, всю ночь и половину следующего дня, не просыпаясь. Мама потом сказала, что последний раз такое со мной случилось, когда я была еще ребенком.

На завтрак я съела десять тостов с «Нутеллой», выпила три чашки какао, а на десерт позволила себе гигантское мороженое, которое купила в соседнем киоске. Затем я спросила отца, можно ли воспользоваться его ноутбуком, чтобы быстро проверить почту.

Папа сидел за письменным столом в нашем номере и что-то печатал.

– Я почти закончил, сейчас пушу тебя. Мне все равно надо съездить в университет. Забрать заключение экспертизы.

Мое сердце забилось неровно.

– В университет?

Папа кивнул.

– Помнишь про тот исторический документ, о котором я рассказывал за ужином?

Я глубоко вдохнула.

– Тот документ, который мистер Бьярнигнокки нашел в руинах палаццо Тассини? Который ты послал в университет, чтобы исторический факультет проверил его подлинность?

Папа заметно удивился.

– Ты все отлично запомнила! Мама считает, что ты часто совсем меня не слушаешь, но тут она совершенно не права.

– Я хочу поехать с тобой, – сказала я.

– Куда? – удивленно спросил папа.

– В университет.

* * *

Секретарша по-английски попросила нас подождать в приемной. Через некоторое время она вернулась и провела нас в кабинет профессора, который дружелюбно поздоровался.

Дальше они разговаривали по-английски и употребляли столько терминов, что я ничего не поняла. К тому же, я тот еще полиглот.

У меня упало сердце. А вдруг разговаривать с Себастьяно окажется так же сложно?

Я как раз думала о том, как бы мне лучше всего спросить профессора, нет ли у него случайно ассистента по имени Себастьяно, но тут, к моему удивлению, коротко постучали в дверь, и в кабинет вошел Хосе. Впервые я увидела его в костюме двадцать первого века – совершенно непривычное зрелище. Только повязка на глазу выглядела так же, как раньше.

А затем меня ждало настоящее потрясение: вслед за Хосе в кабинет вошел Себастьяно!

Я с трудом удержалась от того, чтобы не вскочить и не броситься к нему. Взяв себя в руки, я сделала вид, будто мы никогда раньше не встречались.

Профессор по-английски представил нам вошедших:

– Это архивариус нашего факультета, синьор Хосе Маринеро де ла Эмбаркасьон, а этот молодой человек – мой ассистент, синьор Себастьяно Фоскари. Господа, это мой уважаемый коллега Иоганн Берг из Германии, а это его дочь Анна.

Мы вежливо обменялись рукопожатиями, но я, словно оглушенная, могла думать только о том, как хорошо выглядит Себастьяно, как безумно я в него втрескалась, и еще о том, что «Фоскари» – очень красивое и звучное имя. И о том, что я сойду с ума, если мы в ближайшее время не поцелуемся.

Хосе положил на стол документ в прозрачной папке. Я тут же узнала письмо, которое написала на чердаке монны Фаустины. Открыв рот, я слушала, как мужчины перекидываются терминами. Разумеется, опять на английском. Я поняла только малую часть, но речь шла о том, что о подлинности документа нельзя сделать однозначного заключения, поскольку за нее есть столько же аргументов, сколько и против.

На самом деле содержание разговора меня не слишком интересовало. В конце концов, я-то уже знала, что документ подлинный, ведь я сама изготовила его в пятнадцатом веке. Я лишь вслушивалась в голос Себастьяно. Он говорил по-английски с восхитительным итальянским акцентом, который звучал невероятно сексуально, слегка гортанно, с раскатистыми «р». Мое беспокойство по поводу возможного непонимания словно растворилось в симпатии к нему. Я могла бы слушать его часами!

В какой-то момент, когда никто на него не смотрел, Себастьяно оглянулся через плечо на меня и многозначительно подмигнул.

Я нерешительно улыбнулась.

– Я пойду подышу свежим воздухом, – беспомощно сказала я по-английски.

Я подождала в коридоре. Через полминуты Себастьяно подошел ко

мне.

– Я же обещал, что мы найдем друг друга, – сказал он. – Кстати, твой акцент меня с ума сводит. – Он схватил меня за руку и завел в пустой кабинет.

Мы без лишних церемоний обнялись. Он целовал меня, пока я не начала чувствовать себя как карамель на горячей сковородке, и шептал мне в ухо огненные итальянские слова. Я почти ничего не понимала, но от этого они действовали на меня еще сильнее. Я прямо-таки таяла, когда он так со мной говорил. Теперь я начинала понимать, что на самом деле означает выражение «любит как итальянец».

– В следующем месяце я подам заявление, чтобы меня отправили на семестр во Франкфурт, – прошептал он мне в ухо. С восхитительными раскатистыми «р».

– Ох, – слабо сказала я.

– И там я выучу немецкий.

– Пожалуйста, не надо.

– Что? Не надо приезжать во Франкфурт?

– Что ты, конечно приезжай, – я счастливо улыбнулась. – Но я думаю, тебе не стоит учить немецкий.

Эпилог

Итак, история рассказана до конца – почти до конца. Есть еще один маленький эпизод, который случился позднее в тот же день, и никак не идет у меня из головы.

После того, как мы с папой вернулись в отель, я проверила почту, написала целую кучу писем, в том числе Ванессе, которой посоветовала забыть того унылого Горлума и познакомиться с итальянцем. Затем я отправилась побродить по городу.

Первая цель принесла мне лишь разочарование. Дома Мариетты уже не существовало. На его месте стояло здание, которому было самое большее сто лет. А вот палаццо Тревизана, напротив, удивительно хорошо сохранилось. Подняв взгляд на фасад, я представила, что Мариетта и Тревизан прожили там до старости, проводя вместе много счастливых лет.

Теоретически Себастьяно мог поискать информацию о них в городских архивах, но мы уже поговорили о том, что, возможно, рискуем разрушить наши прекрасные иллюзии. В предшествующие столетия люди жили далеко не так долго, как сейчас.

Когда я шла к следующему пункту своего маршрута, мне на глаза попался плакат с объявлением о выставке. Какая-то деталь привлекла мое внимание. В следующее мгновение я поняла, что это – имя.

Там было написано жирным шрифтом, черным по белому: «*Маттео Тассини*».

Я стояла, словно пригвожденная к месту, и внимательно рассматривала плакат. Под именем была репродукция живописного портрета. Я впилась в него глазами и тщательно рассматривала, пока не убедилась: это точно Маттиас Тассельхофф! На портрете он явно был в три раза старше, чем при нашей последней встрече, но это был он!

Я тщательно вчиталась в текст, пытаюсь понять, о чем в нем идет речь. Насколько я поняла, это была историческая выставка. Снова и снова я пыталась собрать слова в осмысленный перевод. Заголовок гласил:

Самый известный дантист своего времени.

Дальше шел шрифт поменьше:

Венецианский пионер гигиены полости рта. Его заметки,

инструменты, анатомические рисунки и модели челюстей и зубов.

У Маттиаса получилось! Мечта всей его жизни исполнилась! Тронутая этим, я сморгнула пару слезинок. В наше время зубные врачи обычно не становятся такими известными и узнаваемыми – вряд ли кто-то станет через пятьсот лет организовывать выставку специально в их честь!

Я запомнила время и место проведения выставки. Я точно не хочу ее пропустить. Себастьяно глаза вытаращит от удивления, когда я ему об этом расскажу!

Полная тихой радости, я пошла дальше, пока не добралась до последнего пункта моего маршрута.

Понятия не имею, чего я ожидала, но точно не того, что просто открою дверь магазина, войду внутрь и встречу там старуху Эсперанцу. Но именно так все и получилось.

Эсперанца стояла посреди магазина в своем пыльном костюме, сгорбленная, с лицом, изрезанным морщинами, как старый пергамент. Она одарила меня беззубой улыбкой.

Точным движением узловатых пальцев она вытянула из кучи пыльных вещей маску кошки и протянула ее мне.

– Как раз тебе подойдет, – сказала она на идеальном немецком языке. – Примерь-ка потихоньку. – Она показала мне на старое, потускневшее зеркало в углу, которое я никогда раньше там не видела.

– Можешь посмотреться в него. Я знаю, оно кажется потускневшим. Но на самом деле нет. Это особенное зеркало.

– Э... Как это понимать? – осторожно спросила я.

Она подмигнула мне.

– Как сказано, так и понимать. Еще многое предстоит сделать. И конца этому нет. Одна забота сменяет другую.

Похоже, меня попросту тянет к опасности. Я надела маску. Она села идеально, но я все-таки подошла к зеркалу, чтобы взглянуть в него.

– Но я вернусь самое раннее на осенних каникулах, – сказала я через плечо.

Эсперанца улыбнулась.

– Добро пожаловать в клуб.

Примечания

1

Немецкая социальная сеть для школьников.

Музей в Венеции. (*Прим. автора.*)

Трамеццини – традиционные итальянские сэндвичи треугольной формы. (*Прим. автора.*)

Площадь (*ит.*). (*Прим. автора.*)

Валпоретто – маршрутные теплоходы, основной вид общественного транспорта в Венеции.

Слишком поздно (*ит.*). (*Прим. автора.*)

От немецкого Bart – борода.

Так в Венеции принято обращаться к женщинам. (*Прим. автора.*)

Утренние колокола, около 6 часов утра. (*Прим. автора.*)

Вечерние колокола, около 3 часов дня. (*Прим. автора.*)

Джованни Беллини – итальянский художник XV века, представитель венецианской школы живописи.

Венецианское / итальянское обращение к даме. (*Прим. автора.*)

9 часов утра. (*Прим. автора.*)

Прибор для перегонки и дистилляции. (Прим. автора.)

Экуменизм – движение за объединение различных христианских конфессий. (*Прим. ред.*)

Франц.: сумочка, названная в честь мадам де Помпадур (1721–1764).
(Прим. автора.)

Итальянское обращение к мужчине. (Прим. автора.)

Вечерняя служба – около 20 часов. (*Прим. автора.*)

Наиболее представительный этаж палаццо, обычно второй, где находились парадные залы.

Супруга дожа. (*Прим. автора.*)

Так в Венеции называется верфь. (*Прим. автора.*)

Популярная немецкая марка конструкторов, в которой есть тематические наборы с различными персонажами.

Полуденные колокола, то есть 12 часов дня. (*Прим. автора.*)

Фельдфебель – воинское звание в Германии и ряде других европейских стран. (*Прим. ред.*)